

**Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»**

**ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЙ ЦЕНТР**

ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ТЕТРАДИ CUADERNOS IBEROAMERICANOS

ВЫПУСК 2 (8) 2015

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО-МГИМО МИД России
2015**

ББК 63.3(70)
И 14

Главный редактор
А.А. Орлов

Зам. гл. редактора
М.В. Ларионова

Редакционный совет

*Н.Е. Аникеева, Е.М. Астахов, Е.Р. Воронин, А.Л. Зенькович, В.А. Иовенко, Л.С. Окунева,
Г.И. Поволоцкий, Г.С. Романова, С.М. Хенкин.*

Председатель Научно-экспертного совета
А.В. Шестопал.

Научно-экспертный совет

*В.М. Давыдов, Е.М. Кожокин, А.И. Кузнецов, А.В. Мальгин, А.И. Подберезкин,
А.В. Силантьев, Н.А. Симония, А.В. Щетинин.*

Ответственный редактор выпуска
М.В. Ларионова.

Ибероамериканские тетради. Вып. 2 (8) / Гл. редактор А.А.Орлов, отв. редактор выпуска М.В. Ларионова. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 119 с.

ISSN 2409-3416

В журнале представлены статьи и исследования, посвященные актуальным проблемам истории и современности Ибероамериканского региона в международном контексте, а также вопросам языка и культуры Испании и стран Латинской Америки.

Настоящее издание является частью комплексной программы научной деятельности МГИМО — Университета и осуществляется при финансовой поддержке банка «Сантандер Консьюмер Банк».

Издание адресовано как экспертам-международникам, так и широкому кругу читателей, интересующихся современными проблемами стран Латинской Америки.

The issue of «Ibero-American notebooks» includes articles and investigations devoted to actual problems of history and modernity of Ibero-American region in the international context, as well as materials dedicated to the questions of language and culture of Spain and Latin America.

This edition is a component of the complex program of the MGIMO-University research activities and is carried out with financial support of Santander Consumer Bank.

Present edition is addressed both to experts in international affairs and broad audience of readers interested in contemporary problems of Spain.

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакционного совета.

Opinions of the authors may not coincide with the opinion of the Editorial Board.

Материалы публикуются в авторской редакции.

ISSN 2409-3416

© МГИМО — Университет МИД России, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

Ибероамерика в международном контексте:

парадигмы истории и модернизации 6

Астахов Е.М. Куда идет Латинская Америка?..... 6

Буйнова К.Р. Электронные карты — удостоверения личности
в испаноязычных государствах..... 9

Kalinin L. Papel de la República Argentina en la evolución del Mercosur 16

Королева А.А. Ностальгия по Империи и современный имидж Испании:
по мотивам коллекции «Сокровища Империи» ювелирного дома
Carrera y Carrera..... 19

Орлов А.А. Латинская Америка: тенденции развития 25

Рылова А.Н. Саморегулирование журналистики в Испании 29

Чернявский С.И. Россия и Испания в годы Великой войны (1914–1918) 35

РАЗДЕЛ II.

Ибероамериканский мир в пространстве и времени:

актуальные вопросы языка и культуры 47

María García Antuña. La investigación en terminología.
La relevancia del corpus oral para determinadas lenguas de especialidad..... 47

Palenzuela Pérez M. del M., Murashkina O.
Estrategias docentes del profesor en el aula..... 55

Бочарова А.В. Бинарные оппозиции как основа логического развития
диалогической коммуникации в формате интернет-форума..... 62

Верещинская Ю.В. Классификации газетных заголовков в испанском
публицистическом дискурсе..... 67

Галстян С.А. Грамматическое и лексическое в предлоге
(на материале испанского языка)..... 72

Гусева И.В. Языковая личность и культурно-Коммуникативные модели
Эдварда Холла (на основе мексиканского варианта испанского языка) 77

Зененко Н.В., Зененко М.А. Миграционная группа порядково-относительных
слов. Место в системно-структурном пространстве современного
языка (на материале испанского и португальского языков) 80

Кудрявцева И.Ю. Термины тавромахии
в современном испанском языке..... 86

<i>Мурашкина О.В.</i> Диалектная вариативность в испанском языке как проблема овладения устной речью русскоговорящими студентами	90
<i>Сливчикова Ю.В.</i> Костюм как символ политического протеста в испанском газетно-публицистическом дискурсе.....	94
<i>Урсул К.В.</i> Макрополе Presente в парадигме временной системы Indicativo (на материале современного испанского языка).....	99
<i>Яковлева В.В., Савчук Е.А.</i> К вопросу об использовании аудиовизуальных средств при обучении иностранному языку (на примере испанского языка)	104
РАЗДЕЛ III.	
Научные обзоры, рецензии	108
<i>Астахова Е.В., Крюкова Е.В.</i> Основы политологии по-испански: учебный курс по языку профессии для политологов и международных.....	108
<i>Зененко Н.В.</i> Рецензия на монографию М.В. Ларионовой «Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции?» (М.: изд-во «МГИМО-Университет», серия «Научная школа МГИМО», 2015 г.).....	112
Сведения об авторах.....	115

CONTENTS

SECTION I.	
Ibero-America in the international context: paradigm of history and modernization	6
<i>Astakhov E.</i> In what direction does Latin America move?	6
<i>Buynova K.</i> Electronic identity cards in Spanish-speaking countries	9
<i>Kalinin L.</i> Role of the Argentine Republic in the evolution of MERCOSUR.....	16
<i>Koroleva A.</i> Nostalgia for the Empire and the modern image of Spain: inspired by Carrera & Carrera jewelry house collection «Treasures of the Empire»	19
<i>Orlov A.</i> Latin America: development tendencies.....	25
<i>Rylova A.</i> Self-regulation of journalism in Spain	29
<i>Cherniavsky S.</i> Russia and Spain during the Great War (1914–1918)	35

SECTION II.

Ibero-American world in space and time: current issues of language and culture 47

García Antuña M. The investigation in terminology. The relevancy of the oral corpus for certain professional languages 47

Palenzuela Pérez M. del M., Murashkina O. Teaching strategies in language classes 55

Bocharova A. The binary opposition as the basis of logical development of dialogic communication in internet-forum..... 62

Vereshinskaya Yu. The classification of newspaper headlines in Spanish journalist discourse 67

Galstian S. Grammatical and lexical meaning of a preposition in Spanish language 72

Guseva I. Language personality and Edward Hall's intercultural communication models (based on Mexican variety of Spanish language) 77

Zenenko N., Zenenko M. Migratory group of the ordinal relative words. Situation in system-structural space of a modern language (based on the Spanish and Portuguese) 80

Kudriavtseva I. Bullfighting Terms in Contemporary Spanish 86

Murashkina O. Dialectal variation in the Spanish language as a problem of mastering spoken language by Russian-speaking students 90

Slivchikova Yu. Clothing as a symbol of the political protest in Spanish political and journalistic discourse..... 94

Ursul C. Macrofield «Presente» in the paradigm of Indicative Times in modern Spanish 99

Yakovleva V., Savtchuk E. Audio-visual support in class of Spanish as foreign language: the use of the movies 104

SECTION III.

Scientific reviews 108

Astakhova E., Kriukova E. ABC of Political Science in Spanish: training course on Spanish for Political Science and International Relations..... 108

Zenenko N. Review of the monographic study: M. Larionova «Spanish journalistic discourse: information or manipulation?» — M.: MGIMO-University, Series: Science school of MGIMO University, 2015..... 112

Our Authors 115

Раздел I. Ибероамерика в международном контексте: парадигмы истории и модернизации

Е.М. Астахов

Куда идет Латинская Америка?

В статье делается попытка прогноза перспектив Латино-Карибской Америки (ЛКА) в будущем мироустройстве. Анализируются основные факторы возможного выхода ЛКА на одно из заметных мест на геополитической карте мира.

Ключевые слова: Латино-Карибская Америка (ЛКА), страны БРИКС, перспективы геополитического развития.

E. Astahov

¿HACIA DÓNDE VA AMÉRICA LATINA?

En el artículo se presenta un pronóstico de las perspectivas de la posición de América Latina y del Caribe en un futuro orden mundial. Se analizan factores que posibiliten ocupar un lugar importante de esta región en el mapa geopolítico del mundo actual.

IN WHAT DIRECTION DOES LATIN AMERICA MOVE?

The author presents prognosis about perspectives of Latin America and Caribe in the composition of future world. The article discusses a possible place of the region on the actual geopolitical map.

Key words: Latin America, Caribe, BRICS, perspectives of geopolitical development.

Латинская Америка является одним из наиболее быстро растущих регионов мира. Это емкий интегрирующийся рынок с более чем полумиллиардным населением, занимающий 15 % земной суши и производящий более 8 % мирового ВВП [1]. Латинская Америка обладает практически всем необходимым для самостоятельного развития: 20 % мировых природных ресурсов, в том числе нефтью, газом и другими стратегическими товарами, огромными запасами пресной воды, обширными площадями и благоприятными условиями для производства продовольствия, которым можно обеспечить все население земли.

Все эти факторы создают необходимые условия для формирования самостоятельной внешней политики. В последние годы политико-экономические элиты латиноамериканских стран стали выходить из периферийного менталитета и начали реагировать на изменения в расстановке сил на мировой арене, на укрепление других центров силы, прежде всего Китая, Индии, Евразийского пространства, восходящих экономик Азии.

Латиноамериканцы исходят из того, что США постепенно утрачивают прежнее доминирование в регионе. Тон Вашингтона, по их наблюдениям, явно меняется: от «командно-силовых» методов он переходит к риторике «стратегического партнерства». США не удалось навязать континенту свою модель экономической интеграции. Латиноамериканцы пошли своим путем: США нет ни в Общем рынке южного конуса (Меркосур), ни в Союзе южноамериканских наций (УНАСУР), куда входит большинство латиноамериканских стран. США удалось вовлечь в возглавляемую ими интеграционную

группировку НАФТА лишь одну латиноамериканскую страну — Мексику. В общем латиноамериканском контексте США сохраняют свое место только в Организации американских государств (ОАГ), старейшей организации Западного полушария.

Снижение политического доминирования США не означает коренного ослабления их экономических позиций. Вашингтон уже не может открыто навязывать свои политико-экономические интересы, однако финансовое инвестиционное, технологическое и торговое преобладание в регионе остается очевидным.

Латинская Америка в ближайшие годы будет развиваться сравнительно быстрыми темпами и, что особенно важно, с упором на реальное производство на основе крупных проектов с государственным участием.

Экономические интересы выводят латиноамериканские страны за рамки региона. На данном этапе их приоритеты — экономические, диктуемые прагматическими интересами. Они заинтересованы прежде всего в обеспечении равных условий в международной торговле и доступе к ресурсам мировых финансовых институтов.

Здесь мы подходим к одному важному обстоятельству. Эти цели лежат в основе интересов и БРИКС, где латиноамериканцев представляет Бразилия. Стратегические цели БРИКС состоят, в частности, в реформировании международной финансово-экономической системы, выводе ее из-под контроля США и их ближайших союзников. Выполнение этой задачи — вопрос не сегодняшнего дня. Но задача поставлена, и ее решение будет осуществляться усилиями БРИКС, развивающихся стран Азии и Латинской Америки.

При этом следует подчеркнуть следующее. США и «старая Европа» остаются важными объектами латиноамериканской «большой игры». Именно в США и их ближайших союзниках по НАТО латиноамериканцы до последнего времени усматривали основные источники финансирования и рынки сбыта для своей сельскохозяйственной продукции и сырьевых товаров.

Но не меньшее значение для выполнения этих задач имеет и Китай. А в среднесрочной перспективе роль Китая и других стран БРИКС для Латинской Америки будет еще более возрастать.

Отдельно следует остановиться на перспективах сотрудничества Латинской Америки с Россией.

Для понимания отношения латиноамериканцев к России следует иметь в виду следующее.

До своего распада СССР играл роль контрбаланса сил в регионе, где традиционно преобладали США. Такая роль отвечала интересам латиноамериканской элиты, которая зачастую успешно шантажировала оба мировых полюса силы в своих интересах.

После 1991 г. Россия сменила свои геополитические ориентиры и попыталась встроиться в евроатлантические структуры. В 90-е гг. XX века России было не до Латинской Америки, и прежний интерес к региону был утрачен. Это привело к обрыву ранее налаженных связей, а в ряде случаев к безвозвратной утрате вложенных средств. Такая резкая, в «русском духе», смена курса негативно сказалась на политических и экономических позициях России в Латинской Америке. Но самое главное — был нанесен ощутимый урон престижу России, а в некоторых странах произошло снижение доверия к ней как к надежному партнеру.

В последние годы Россия начинает постепенно возвращаться в Латинскую Америку. Налажен обмен визитами на высшем уровне, активизируется сотрудничество по линиям министерств иностранных дел и других ведомств. Особенно активно контакты развиваются после введения «коллективным Западом» санкционного режима против России. В 2014 — 2015 гг. эти «санкции», граничащие с открытой экономической войной, выдвинули Латинскую Америку в число приоритетов российской внешней политики. Регион не только не присоединился к «санкциям», но пытается освоить ниши, оставленные натовским Западом в российской экономике. К тому же ряд латиноамериканских стран занял по многим международным проблемам более близкую России позицию.

Это создает благоприятную атмосферу для расширения сотрудничества России с Латинской Америкой. Растет латиноамериканский экспорт в Россию. Наблюдается и встречная активизация российских государственных и бизнес-структур в Латинской Америке.

в разных областях, в том числе в атомной энергетике и военно-технических связях. Но в экономической сфере России пока трудно соперничать не только с США и ЕС, но и с Китаем, который активно внедряется в этот регион. Порядки цифр по объемам товарооборота Латинской Америки примерно следующий: с Россией — 16 млрд долларов [2], с Китаем — 230 млрд долларов [3], с США — 500 млрд долларов [4], поэтому существенные сдвиги следует ждать скорее в политической сфере. Сейчас стал возможен предметный разговор по интересующим Латинскую Америку темам: реформа структуры управления мировой экономикой, в том числе изменения квот в международном валютном фонде и Всемирном банке. Как отмечалось выше, вся эта проблематика стоит в центре внимания и БРИКС. Именно поэтому к этому объединению проявляет интерес Аргентина и другие крупные латиноамериканские страны. Практически весь регион в той или иной мере разделяет философию БРИКС, которая привлекает латиноамериканцев и стремлением сохранить культурно-цивилизационную идентичность своих стран-членов, и самостоятельный путь развития. БРИКС не навязывает им ни «особую глобализацию», ни блоковую дисциплину, тем более что он не намерен, по крайней мере в обозримой перспективе, становиться военно-политическим союзом. Это импонирует латиноамериканцам, которые исторически склонны к самостоятельному курсу даже внутри развивающихся в регионе интеграционных группировок.

Помимо БРИКС, политическое взаимодействие между Россией и Латинской Америкой налаживается и в Совете Безопасности ООН, на место постоянного члена которого претендует Бразилия, в «двадцатке», куда входят Бразилия, Мексика и Аргентина, и на других форумах.

В целом присутствие Латинской Америки в мировых делах становится все более заметным. В среднесрочной перспективе этот регион может стать новым полюсом мировой экономики и политики.

Вместе с тем путь к становлению региона в этом качестве не является линейным. ЛКА остро нуждается в доступе к источникам финансирования и рынкам сбыта и в силу этого не может чувствовать себя свободным от внешнего воздействия.

Это, в частности, заметно в политике Мексики, которая в экономическом плане сильно завязана на США и Североамериканский общий рынок (НАФТА). Мексика давно пытается преодолеть зависимость от США диверсификацией внешних связей. Она имеет 10 соглашений о зонах свободной торговли с 45 странами ЕС, ЕАСТ и т.д. Однако с Латинской Америкой экономическая интеграция не налаживается. Явный перекося в сторону США не способствует укреплению мексиканских позиций в Южной Америке, где тон задают Бразилия и Аргентина [5]. Мексика не является участником не только МЕРКОСУР, но даже УНАСУР. Свои лидерские амбиции Мексика компенсирует активностью в Центральной Америке и Карибском бассейне.

Особого внимания заслуживает ситуация вокруг Кубы. Остров занимает стратегическое положение в силу целого ряда факторов: географической близости к США, военно-политической и экономической значимости Панамского канала и планов строительства нового подобного канала через территорию Никарагуа. Именно в этом контексте следует рассматривать нормализацию отношений между Кубой и США. В Вашингтоне уже давно отошли от всякого рода идеологических соображений в пользу прагматических интересов геополитического характера.

Есть разные оценки перспектив значимости ЛКА в мировых делах. Некоторых экспертов не впечатляет доля ВВП ЛКА в мировом ВВП — примерно 8,5 %. На Россию приходится менее 3 % мирового ВВП, но никто не сомневается в том, что она является одним из центров силы, и дело тут не только в ядерном оружии. К тому же нельзя мерить геополитику только экономикой. Экономический потенциал Кубы незначителен, однако уже много десятилетий она остается важным фактором мировой политики.

В целом представляется несомненным, что сегодня к выстраиванию геополитических раскладов наступает время более сложных подходов.

Литература

1. Прогноз развития Латино-Карибской Америки до 2030 г. — М., Институт Латинской Америки РАН, 2010.
2. Яковлев П. Мировая продовольственная безопасность: роль стран Латинской Америки. [Электронный ресурс].
URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/politika/mirovaja_prodoovolstvennaja_bezopasnost_rol_stran_latinskoj_ameriki_2015-06-18.htm (Дата обращения: 23.06.2015).
3. URL: <https://yandex.ru/yandsearch?&clid=2186621&text=Vesti%20finance> (Дата обращения: 24.06.2015).
4. URL: <http://pravdorub.info/category/razdely/ob-ekonomike-i-finansakh> (Дата обращения: 24.06.2015).
5. *Шереметьев И.К.* Мексика: «восходящий гигант» в стратегическом «капкане» блока НАФТА. Латинская Америка. 2010. № 5. — С. 46–56.

К.Р. Буйнова

**Электронные карты – удостоверения личности
в испаноязычных государствах**

Статья представляет собой лексикологический анализ региональной вариативности делопроизводственной документации на испанском языке на примере документов, удостоверяющих личность в двадцати странах, где испанский язык имеет статус государственного.

Ключевые слова: паспорт, удостоверение личности, электронные карты, региональная вариативность.

K. Buynova

ELECTRONIC IDENTITY CARDS IN SPANISH-SPEAKING COUNTRIES

The article summarizes the regional differences in the usage of the terms of the bureaucratic apparatus basing on the analysis of electronica IDs in the twenty countries where Spanish is the primary language.

Key words: identity card, electronic identity cards, regional variety.

Согласно 18-ому изданию авторитетного справочника по языкам мира Ethnologue, в мире насчитывается 398 931 840 носителей испанского языка; еще 89,5 млн человек считают себя билингвами. Эта огромная цифра распределяется по 30 странам мира, в 20 из них испанский язык обладает статусом государственного [1]. Из этого следует, что в 20 государствах все делопроизводство ведется на испанском языке. Однако региональная вариативность делопроизводственной терминологии создает сложности при переводе или заполнении анкет, формуляров, миграционных карточек для въезда в страну, документов для подачи на визу, учебной стипендии, заявки на участие в международной конференции, заключении договоров и т.д., причем нередко такого рода затруднения случаются не только у изучающих испанский язык, но и у его носителей — при сношении с испаноязычными гражданами другой страны.

Цель этой статьи — предложить лексикологическое описание ситуации на примере удостоверений личности 20 испаноязычных государств: Аргентины, Боливии, Венесуэлы, Гватемалы, Гондураса, Доминиканской Республики, Испании, Колумбии, Коста-Рики,

Кубы, Мексики, Никарагуа, Панамы, Парагвая, Перу, Сальвадора, Уругвая, Чили и Эквадора (названия приведены в алфавитном порядке).

В настоящее время почти все указанные страны перешли на электронную форму удостоверения личности, т.е. вместо «книжки» с записями на специально отведенных страницах вся информация об обладателе хранится на электронном чипе пластиковой карты (одной из последних на такую форму перешла Куба в 2014 г. [2], форматом заламинированных билетов до сих пор пользуется Уругвай). В связи с этим в распоряжении исследователя была только та информация, которую можно было прочитать с лицевой и обратной стороны карты. На основе электронных копий электронных карт была создана база данных, фрагменты которой представлены в статье. Образцы карт были получены с сайтов официальных органов, занимающихся выдачей карт в каждой из стран. В разных частях ибероамериканского мира эта обязанность ложится, как правило, на миграционные службы, состоящие в подчинении у министерства внутренних дел. В Испании и Парагвае эта задача закреплена за полицией. В Мексике, Доминиканской республике, Коста-Рике, Никарагуа, Панаме, где паспорт регистрирует участие в выборах, этим заведуют избирательные органы.

Раздаточный материал		
Государство (в алф. порядке)	Институт, занимающийся выдачей документа	Название выдаваемого документа
Аргентина	Registro Nacional de las Personas	Documento Nacional de Identidad
Боливия	Servicio General de Identificación Personal (el SEGIP)	Cédula de identidad
Венесуэла	Servicio Administrativo de Identificación, Migración y Extranjería (el Saime)	Cédula de identidad
Гватемала	Registro Nacional de las Personas (el RENAP)	Documento Personal de Identificación
Гондурас	Registro Nacional de las Personas de Honduras (RNP)	Tarjeta de identidad
Доминиканская Респ.	Junta Central Electoral (JCE)	Cédula de Identidad y Electoral
Испания	Cuerpo nacional de policía	Documento Nacional de Identidad
Колумбия	Registraduría Nacional del Estado Civil	Cédula de Ciudadanía
Коста-Рика	Tribunal Supremo de Elecciones	Cédula de identidad
Куба	la Dirección de Identificación, Inmigración y Extranjería (DIIE)	Carné de identidad
Мексика	Instituto Nacional Electoral (INE)	Credencial para votar
Никарагуа	Consejo Supremo Electoral (CSE)	Cédula de identidad
Панама	Tribunal Electoral	Cédula de identidad Personal

Парагвай	Policía Nacional - Departamento de Identificaciones	Cédula de identidad
Перу	Registro Nacional de Identificación y Estado Civil (RENIEC)	Documento Nacional de Identidad
Сальвадор	Registro Nacional de las Personas Naturales	Documento único de identidad
Уругвай	Dirección Nacional de Identificación Civil (DNIC)	Cédula de identidad
Чили	Servicio de Registro Civil e Identificación (SRCeI)	Célula de identidad
Эквадор	Registro Civil - Identificación y Cedulación	Cédula de Cuidanía

Физические параметры карт совпадают во всех странах: карта размером обычной банковской (примерно 54×86 мм), с чипом, иногда с магнитной полосой и кодом QR. В некоторых странах карта служит, наряду с удостоверением личности, при голосовании, а также как вид на жительство — в случае иностранных граждан. Интересно, что при голосовании этот документ нужен не только для того, чтобы подтвердить личность и гражданство, но и для того, чтобы соответствующие органы внесли на чип информацию об участии в выборах (в некоторых странах, например в Аргентине, за пропуск выборов с избирателя взыскивается штраф, а при его неуплате документ перестает быть действительным для большинства государственных учреждений). На обратную сторону старого образца перуанских паспортов полагалось даже приклеивать наклейки, подтверждающие участие гражданина в выборах. Каждое из восьми «окошек» для наклеек так и называлось *constancia de sufragio*.

В большинстве стран все данные на обеих сторонах карты внесены на испанском языке, исключение составляют Сальвадор и Куба, дублирующие всю информацию на английском, и Парагвай, расширивший список языков до четырех: гуарани — испанский — португальский — английский.

Отдельного внимания заслуживает дизайн карточек. Как правило, они окрашены в цвет национального флага и украшены гербом и картой страны. Некоторые страны поместили на документ и другие символы. Так, на паспортах гватемальцев и сальвадорцев различимы пирамиды майя, на предыдущем поколении электронных карт перуанцев красовалась викунья (из дизайна недавно обновленной карты животное исчезло), над изображением чилийских Анд парит белый орел, а на граждан Доминиканской республики с документа сурово смотрит герой национально-освободительного движения Хуана Пабло Дуарте.

Конечно, не только дизайн придает картам разных стран своеобразие. Названия документа на испанском языке, несмотря на примерно одинаковое предназначение, редко совпадает даже с вариантом ближайших соседей.

Классическое вариант — *Documento Nacional de Identidad* (DNI), кроме Испании, используется лишь в Аргентине и Перу. Вместо “*documento*” гораздо чаще используется слово “*cédula*”. Так, граждане Колумбии и Эквадора являются обладателями *Cédula de Ciudadanía*; Чили, Боливия, Парагвай, Уругвай, Венесуэла, Никарагуа и Коста-Рика пользуются *Cédula de Identidad*. В Мексике и Доминикане название документа отражает его важность при голосовании: *Credencial para votar, Cédula de Identidad y Electoral*.

Подобно испанскому DNI, латиноамериканские аналоги имеют свои аббревиатуры. В некоторых странах предпочитают называть документ по заглавным буквам, в других — сокращая полное название до емкого “*cédula*”.

Документ, удостоверяющий личность		
Государство (в алф. порядке)	Название документа, удостоверяющего личность	Возможные аббревиатуры
Аргентина	Documento Nacional de Identidad	DNI
Боливия	Cédula de identidad	CI
Венесуэла	Cédula de identidad	CI
Гватемала	Documento Personal de Identificación	DPI
Гондурас	Tarjeta de identidad	TI, редко
Доминиканская Республика	Cédula de Identidad y Electoral	CIE
Испания	Documento Nacional de Identidad	DNI
Колумбия	Cédula de Ciudadanía	CC
Коста-Рика	Cédula de identidad	CI
Куба	Carné de identidad	CI
Мексика	Credencial para votar	CI
Никарагуа	Cédula de identidad	CI
Панама	Cédula de identidad Personal	CI
Парагвай	Cédula de identidad	CI
Перу	Documento Nacional de Identidad	DNI
Сальвадор	Documento único de identidad	DUI
Уругвай	Cédula de identidad	CI
Чили	Célula de identidad	CI
Эквадор	Cédula de Cuidadanía	CC

Количество параметров, совпадающих на всех карточках (во всяком случае, видимых без использования считывающих приборов), невелико: это идентификационный номер, имя, дата рождения. Идентификационный номер может называться по-разному: от обыкновенных *número de cédula*, *número de documento*, *número de registro*, *número de identidad* или сокращенно NI, до менее очевидных формулировок типа *número del portador* (Панама), *clave de elector* (Мексика), *código único de identificación* (Гватемала) и RUN – *Rol único nacional* (Чили).

В параметре имени данные почти всегда запрашиваются во множественном числе (*nombres*, *apellidos*). Последовательность (имя, фамилия / фамилия, имя) может меняться. В Перу личное имя в паспорте обозначается как *“prenombres”*. В Сальвадоре есть отдельная графа *“conocido por”* – для случаев, когда в своей социальной жизни человек пользуется не полным именем, а его сокращенным или модифицированным вариантом. Мера была введена в 1990 г., и до сих пор вызывает споры [3].

Дата рождения почти всегда обозначается как *“fecha de nacimiento”*, иногда просто *“nacimiento”* или даже *“nacío el...”*, и часто сопровождается данными о месте рождения. Этот параметр отсутствует только в новом кубинском документе. После перехода в конце 2014 г. на магнитную карточку кубинцы «зашифровали» всю дополнительную информацию, в которую попала и дата рождения, в электронный чип внутри карты. Представление о том, что скрыто на носителе, мы можем получить из электронных копий старых кубинских паспортов, имевших форму заламинированных бумажных карточек.

Из удостоверяющих личность графических данных на всех паспортах присутствуют только фотография и, как правило, “*foto fantasma*”, или дублирующий портрет. Личную подпись на карте ставят граждане всех государств, кроме Гондураса и Мексики. Подпись, когда она требуется, всегда называется словом *firma*, зато следующее за ним определение ее автора изобилует формулировками. Обычно это *titular*, в Аргентине — *identificado*. Но самое интересный результат словообразование дало в Эквадоре, где обладатель карточки — *cédula* — обозначается как *cedulado*.

Графа «гражданство» в половине случаев не указывается, а когда указывается, то служит, как правило, для различения граждан и резидентов либо рожденных в стране и эмигрантов. Например, в Сальвадоре и Никарагуа применительно к рожденным в стране употребляется следующая формулировка: “*salvadoreño / hondureño por nacimiento*” (сальвадорец / гондурасец по рождению).

Параметр адреса вводится через вполне ожидаемый *domicilio*, реже — *residencia*. Гватемальцы указывают *vecindad*. В формулировке места рождения, *lugar de nacimiento*, совпадают все документы, кроме перуанского, который запрашивает *ubigeo de nacimiento*.

Пол предъявителя документа специально указан на всех паспортах, кроме венесуэльского и уругвайского. В большинстве стран эта графа названа *sexo*, в Сальвадоре и Боливии — *género*. Испанские, эквадорские, сальвадорские и кубинские документы позволяют получить также информацию о родителях предъявителя. Семейное положение, *estado civil*, указывается на карточках Сальвадора, Гватемалы, Венесуэлы, Перу, Доминиканы и Эквадора (в венесуэльском документе используется сокращение *edo civil*). Имя супруга указывается только гражданами Эквадора и Сальвадора, при этом в эквадорском документе для обозначения супруга используются слова *marido*, *mujer*, а в сальвадорском — считающийся более «политкорректным» термин *cónyuge*, соответствующий английскому “*spouse*”.

Указание даты выдачи документа в некоторых странах отсутствует и в таких случаях компенсируется датой истечения срока действия. Обычно это вариации на тему *emisión* или *expedición* с возможными однокоренными причастными (*emitido*, *fecha de emisión*; *expedido*, *fecha de expedición*). На старых кубинских карточках указывалась *fecha de confesión*, но в новых магнитных карточках дата выдачи не уточняется. Самое же большое разнообразие названий в рамках одного параметра характерно для окончания срока действия. В данном случае используются не только существительные и причастные (*expiración*, *vencimiento*, *vigencia*, *caducidad*; *valido hasta...*), но и глагольные формы (*vence...*).

Документ, удостоверяющий личность		
Государство (в алф. порядке)	Дата выдачи	Дата окончания действия
Аргентина	fecha de expedición	fecha de vencimiento
Боливия	[дата]	fecha de expiración
Венесуэла	f. expedición	f. vencimiento
Гватемала	fecha de emisión	fecha de vencimiento
Гондурас	emitida el:	—
Доминиканская Республика	fecha de emisión	—
Испания	—	válido hasta
Колумбия	fecha y lugar de expedición	—
Коста-Рика	—	vencimiento
Куба	—	fecha de vencimiento
Мексика	emisión	vigencia
Никарагуа	emisión	expiración
Панама	expedida	expira
Парагвай	válido del -	- hasta el

Перу	fecha de emisión	fecha de caducidad
Сальвадор	fecha y lugar de expedición	fecha de expiración
Уругвай	expedida	vence
Чили	fecha de emisión	fecha de vencimiento
Эквадор	lugar y fecha de expedición	fecha de expiración

Дополнительная информация на магнитных карточках может различаться. Это объясняется, с одной стороны, традициями местных бюрократических институтов, а с другой стороны, — обстоятельствами. Не стоит забывать, что формат 54×86 мм ограничивает физически, зато памяти вшитого в карту микропроцессора хватает на все остальные данные.

Среди дополнительной информации можно найти очень интересные требования. Так, Эквадор интересуется образованием своих граждан (*instrucción*). Это требование отвечает интересам государства, провозгласившего соблюдение права граждан на образование одной из своих приоритетных задач [4]. Начиная с переписи 2010 г., анализу уровня грамотности эквадорцев уделяется особое внимание [5, с. 10]. Эквадор, а кроме него Сальвадор, Доминикана и Чили, также отражают в документе профессию или основное занятие своих граждан (*profesión, ocupación*).

Некоторые страны (Чили, Перу, а также — в предыдущей версии паспорта — Куба) отдельно отмечают на обратной стороне карточки донорство. Причем имеется в виду донорство не столько крови, сколько внутренних органов (*donante, no donante, donación de órganos*). Внесение этой графы в паспорт, возможно, отвечает стремлению этих государств увеличить количество доноров, т.к. в настоящий момент Перу и Чили входят в число стран, замыкающих соответствующий международный рейтинг [6, с. 76; 7]. Конечно, нельзя с уверенностью утверждать, что эта мера исправит ситуацию. Однако пример Кубы, которая занимает третье, после Уругвая и Аргентины, место по количеству доноров органов [8, с. 39], по крайней мере, не опровергает это утверждение.

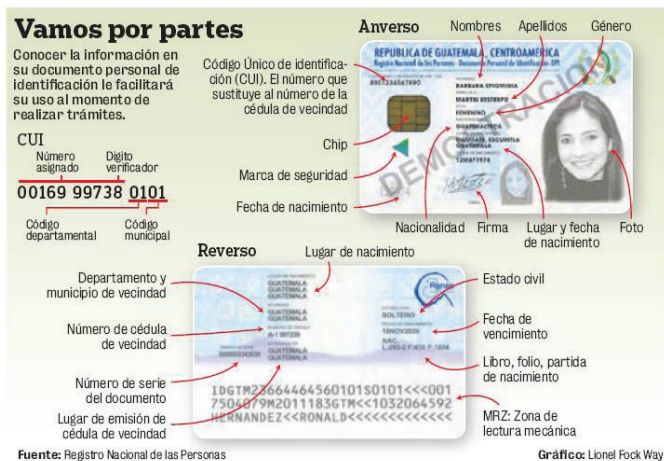
Ряд государств регистрирует некоторые физические параметры граждан. Так, паспорт колумбийца позволяет узнать рост его обладателя (*estatura*). В Доминикане, Панаме и Сальвадоре указывается группа крови (*tipo de sangre*); в Доминикане уточняется еще и цвет кожи (например, *piel — blanco*). В Чили записывается, при наличии, группа инвалидности (*registro de discapacidad*). Самым полный отчет по физическим параметрам давал прежний кубинский паспорт, в котором, помимо уже упомянутых роста (*talla*) и цвета кожи, указывался цвет глаз и вес (*sic!*).

Электронная копия отпечатка пальца наносится почти на все паспорта. Обычно отпечаток снимается с большого пальца правой руки, и тогда это требование никак специально не подписывается; только в Аргентине уточняется: *dígito pulgar*. Интересно, что, например, в Никарагуа, согласно закону о документе, удостоверяющем личность, отпечаток пальца ставится в том случае, если человек не умеет писать и поэтому не может поставить подпись [9]. В Сальвадоре отпечаток пальца также взаимозаменяем с подписью, на паспорте так и пишется: *firma o huella del titular*.

Из описанного выше следует, что от двух десятков стран, признающих государственным языком испанский, не стоит, тем не менее, ожидать полного совпадения специальных терминов, относящихся к государственной регистрации граждан. Более того, в большинстве случаев невозможно говорить о сходстве даже внутри традиционно выделяемых латиноамериканских регионах: Южный конус, Андские страны, Карибский бассейн, Центральная Америка. На такое положение вещей повлияли, с одной стороны, особенности языка в конкретной стране, а с другой стороны, — бюрократическая традиция и история, на которые в разное время могли влиять не только соседние страны, но и метрополия, и администрация местных революционных правительств. Несмотря на то, что региональная вариативность подчас затрудняет понимание и взаимодействие между носителями разных систем, она подчеркивает лексическое богатство испанского языка даже в сфере употребления канцеляризм.

Литература

1. Lewis, M. Paul, Gary F. Simons, and Charles D. Fennig (eds.). *Ethnologue: Languages of the World*, Eighteenth edition. Dallas, Texas: SIL International. 2015. <http://www.ethnologue.com>. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ethnologue.com/language/spa> (Дата обращения: 13.04.2015).
2. *Ramadán Arcos*. Inició cambio del carné de identidad en la capital // *Granma*. 29 de octubre de 2014.
3. Ante problemas de renovación del DUI: RNPN pide reformas por líos con la ley del nombre // *ElSalvador.com*. 19.01.2011. [Электронный ресурс]. URL: http://www.elsalvador.com/mwedh/nota/nota_completa.asp?idCat=6351&idArt=5502311 (Дата обращения: 13.04.2015).
4. Senplades, Plan Nacional para el Buen Vivir 2009 – 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.planificacion.gob.ec/plan-nacional-para-el-buen-vivir-2009-2013/> (Дата обращения: 13.04.2015).
5. *Ruth Rivas S.* [Nivel de escolaridad de los ecuatorianos // *El análisis*, revista coyuntural del Instituto Nacional de Estadística y Censos, septiembre 2012, p. 10.
6. *Luis Contreras A.* Donación de órganos: Análisis Ético de la Situación Chilena // *Medicina y Humanidades*. Vol. III. № 1–2, 2011. P. 76.
7. Perú en la cola de Sudamérica en donación de órganos // *El Comercio Lima*. Miércoles 28 de mayo del 2014.
8. Newsletter de Trasplante Iberoamérica. Vol. VI, n. 1, noviembre 2012. P. 39.
9. Ley de identificación ciudadana No.152, Aprobada el 27 de Enero de 1993. Publicado en La Gaceta. № 46 del 5 de Marzo de 1993.

Л.А. Калинин

Роль Аргентинской Республики в эволюции Меркосур

Статья посвящена анализу приоритетов интеграционной политики Аргентины в отношении Общего рынка Южного конуса (Меркосур) и эволюции подходов Буэнос-Айреса к выстраиванию отношений с партнерами по объединению.

Ключевые слова: Аргентина, Меркосур, региональная интеграция, внешняя торговля.

L. Kalinin

ROLE OF THE ARGENTINE REPUBLIC IN THE EVOLUTION OF MERCOSUR

The article presents an analysis of Argentina's priorities in its integration policies within the Common Market of the South Cone (Mercosur) as well as the evolution of its approaches towards the relations with the block partners.

Key words: Argentina, Mercosur, regional integration, foreign trade.

PAPEL DE LA REPÚBLICA ARGENTINA EN LA EVOLUCIÓN DEL MERCOSUR

Es tal vez por la razón de que Argentina ha sido percibida en las últimas décadas como el “número dos” eterno tanto en Sudamérica como en el marco del Mercosur, que la bibliografía sobre el papel de Buenos Aires en la integración subregional esté lejos de ser abundante. Los científicos rusos ni los internacionales han llevado a cabo una investigación específica dedicada a este tema. Sin embargo, los estudios existentes que tocan la cuestión se los puede dividir en tres grupos siguientes.

En el primer grupo caben las investigaciones que contemplan el rol argentino en la evolución del Mercosur a través del prisma del desarrollo económico del propio país. Por ejemplo, P. Yakovlev (2008) [1] sostiene que el modelo cíclico del progreso económico de Argentina predetermina el grado de su influencia en el Mercosur con sus cúspides coincidiendo con las llamadas “olas de modernización”. M. Rapoport (2000) [2], a su vez, considera la crisis financiera de finales de los años noventa como periodo cuando la influencia argentina se encontró en su mínimo. D. Álvarez Rivera (2011) [3] incluso asume que los cambios en la postura de Argentina han sido relacionados con los giros en sus políticas sociales. Desafortunadamente, todas las investigaciones del categorio están marcados por cierto desequilibrio hacia lo económico y el abandono de importantes factores políticos.

El segundo grupo consta de obras que estudian el problema desde el punto de vista de la política exterior argentina. La investigación más importante es de A. Cisneros y C. Escudé (2000) [4] quienes ofrecen un análisis profundo de las estrategias de la política exterior del país y conectan los cambios en las prioridades generales con las políticas intra-Mercosur. En su destacado estudio histórico, L. Bethell (2008) [5] traza un paralelo entre ciertas peculiaridades del enfoque argentino hacia la integración regional y el populismo político inherente al país. Además, N. Yakovleva (2008) [6] sugiere que Argentina se debe muchos de los giros en su política exterior a tales rasgos nacionales como la influencia de los trabajadores industriales y los grupos de presión militares. Lo que falta a estas investigaciones, en nuestra opinión, es la consideración del impacto de los vecinos de Buenos Aires.

Al tercer grupo pertenecen los libros unidos por el enfoque regionalista. La investigación de importancia primordial llevada a cabo por V. Sudarev (2012) [7] ofrece una perspectiva reveladora sobre el problema a través del prisma más amplia de la integración latinoamericana en general. B. Martynov (2008) [8] lleva el discurso a un nivel aun más alto al examinar las relaciones en el marco del Mercosur como parte de las negociaciones sobre el área de libre comercio hemisférica propuesta

por EE UU. J.P. Milanese (2007) [9] afirma que la razón principal que empujó a Argentina hacia la integración con Brasil, Uruguay y Paraguay fue el deseo de Buenos Aires de evitar una imponente amenaza nuclear. El enfoque regionalista está confrontado por los partidarios del concepto sistémico quienes opinan que aquel presta demasiada atención a los hechos y no bastante a la maquinaria de cooperación.

Este breve resumen descubre una serie de vacíos en la bibliografía sobre el problema de la presente tesis, a saber:

- la falta de estudios específicos dedicados al papel de Argentina en el Mercosur;
- las investigaciones existentes se mantienen al margen de enfoques interdisciplinarios;
- el rol de liderazgo queda menospreciado.

Este estudio está encaminado en llenar estas lacunas tanto aplicando a los trabajos ya editados un enfoque nuevo como avanzando a territorios inexplorados.

Ahora bien, centrémonos en los puntos principales de la investigación.

El Mercosur se debe su creación al acercamiento argentino-brasileño, lo que se hizo posible a mediados de los años ochenta por agotarse el modelo de la industrialización sustitutiva en ambos países. Al tener una economía aun más débil tras la derrota en la guerra de las Malvinas, Argentina se vio obligada a cooperar con su vecino poniendo fin a la carrera armamentista regional para canalizar los recursos liberados en la integración económica. Los procesos de la democratización paralelos en ambos países se percibían como un pilar más para consolidar la cooperación. La formación de megabloques comerciales en otras partes del mundo y la competencia global que parieron coadyuvaban también a la integración en el Cono Sur.

Muy pronto se hizo evidente que el formato bilateral de la integración ya no correspondía para dar una respuesta exitosa a dichos desafíos. Uruguay y Paraguay se encararon a la globalización y a una alianza entre sus vecinos más grandes. Frente a estos retos se puede decir que dichos estados no tuvieron más remedio que adherirse a lo que llegó a denominarse el Mercosur. El papel de Argentina a la hora de incorporar a Montevideo y Asunción consistía en ejercer la presión política para que democratizaran sus regímenes y en firmar acuerdos comerciales bilaterales que facilitaron su entrada en el bloque naciente.

Las dificultades económicas que padeció Argentina a comienzos de los años noventa bajo el primer gobierno de Carlos Menem la empujaron hacia un acercamiento con la potencia más fuerte, a saber, EE UU. Al hacer una serie de concesiones a Washington en las esferas militar y nuclear, Buenos Aires logró ciertos beneficios en lo político y lo económico convirtiéndose así en el “estudiante más querido” de la escuela de reformadores del mercado de Chicago. Aplicando tal política el presidente Menem no sólo procuraba preferencias en las relaciones con EE UU, sino también tenía en cuenta contener Brasil al cual Argentina percibía como socio y al mismo tiempo como rival.

Sin embargo, el Mercosur seguía siendo la prioridad de la política exterior argentina a pesar del “coqueteo” con Washington. El intercambio comercial intrabloque mostró un crecimiento impresionante pero las existentes contradicciones tanto con Brasil como con los miembros menores del Mercado Común no permitieron realizar tales iniciativas importantes como la introducción de moneda común o una coordinación más profunda de sus políticas macroeconómicas. Durante la segunda presidencia de Menem Argentina también aportó en la incorporación como miembros asociados de Bolivia, rica en recursos naturales, y Chile con su posición estratégica.

La devastadora crisis económica en Argentina a caballo de los siglos XX y XXI y el caos político que la sucedió acabaron por llevar al poder al presidente Néstor Kirchner que prefirió renunciar a la alianza con EE UU y apostar por una integración regional más intensa. Elegió a Brasil, cuya supremacía ya era evidente, como el canal principal a través del cual se proponía llevar a cabo la reinserción de Buenos Aires en el mundo. Gracias a la afinidad de opiniones de que gozaba con el líder brasileño Luiz Inácio Lula da Silva, no solo consiguieron profundizar considerablemente la integración en el marco del Mercosur sino también se vieron en la misma trinchera a la hora de oponerse a la propuesta norteamericana sobre una zona de libre comercio hemisférico que correspondía a los intereses de Washington mucho más que a los de América Latina [11]. Además, asegurando un pilar energético para la debilitada economía argentina, Kirchner logró invitar al Mercosur a la Venezuela de Hugo Chávez, el hecho que amenazó con cambiar el escenario de todo el bloque.

Tras la muerte de Néstor Kirchner, su esposa y sucesora Cristina Fernández optó por continuar con sus políticas en cuanto al Mercosur [10]. En las relaciones con Brasilia Buenos Aires pareció renunciar por completo a la rivaldad tratando de restablecer su potencial perdido en los tiempos de la crisis. Pero el estado frágil de la economía argentina dictó a su mandatario la necesidad de introducir medidas proteccionistas, lo que llevó a guerras comerciales con los socios del Mercosur. Las discrepancias entre los miembros del Mercado Común y la actitud proteccionista y poco constructiva de Argentina quedaron reflejadas también en el texto del Código Arancelario adoptado en 2010. La victoria diplomática más importante durante la primera presidencia de Fernández fue la incorporación definitiva de Venezuela al Mercosur.

El segundo mandato de la presidenta argentina todavía ha producido pocos cambios en su política intrabloque. Se han repetido conflictos comerciales con todos los miembros plenos del Mercosur, Caracas ha reiterado sus propuestas amenazantes de modificar el Mercado Común en correspondencia con sus intereses mientras la situación económica en la propia Argentina ha ido de mal en peor. El conjunto de estos problemas apenas hace viable la profundización de la integración dentro del Mercosur apenas.

La investigación realizada nos llevó a la conclusión de que el papel que ha desempeñado Argentina en la evolución del Mercosur ha experimentado cambios muy profundos en función de la situación interna en el país, lo que ha predeterminado su postura internacional.

A comienzos de la integración subregional, Argentina se postuló como una de las locomotoras del proceso que encabezó junto con Brasil. Mostró una importante voluntad política al confiarse en su rival antiguo y renunciar a la carrera armamentista y nuclear a favor de la cooperación política y económica. También utilizó su autoridad regional a la hora de convencer a Uruguay y Paraguay de adherirse al futuro Mercosur. Todo esto se hizo posible gracias a la globalización y la integración a escala mundial, el debilitamiento de la propia Argentina y la democratización de los países sudamericanos.

Luego, con los problemas económicos de principios de los años noventa la política exterior argentina experimentó un giro hacia EE UU, sin embargo, esta maniobra no llevó tantos beneficios como esperaba el presidente Menem. Por ello mantuvo el hincapié en la integración en el marco del Mercosur, lo que, no obstante, no le bastó para dejar en el pasado la rivaldad con Brasil. Este hecho influyó la estructura insitucional del Mercosur que hasta hoy día sufre de poca “supranacionalidad” y de abusos de la diplomacia presidencial. Sin embargo, el Mercosur de entonces también se le debe a Argentina un logro constructivo, a saber, los esfuerzos para invitar a Bolivia y Chile como miembros asociados.

La llegada al poder del peronista Nestor Kirchner tras la catastrófica crisis de principios del siglo XXI provocó un cambio de recetas para recuperarse de sus consecuencias. Optó por una sintonía con el Brasil de Lula, lo que enterró el proyecto estadounidense ALCA y consolidó las posiciones internacionales del Mercosur. Al mismo tiempo el proteccionismo argentino y cierto desprecio a los miembros pequeños del bloque obstaculizaron la integración ulterior.

La sucesora de Kirchner Cristina Fernández siguió con su curso pero la difícil situación económica causó una inyección del populismo en la política argentina. Por un lado, la radicalización izquierdista del gobierno de Fernández llevó a Venezuela al Mercosur y ayudó a resolver el conflicto con Uruguay. Por otro, resultó en aun mayor proteccionismo, dañando el comercio con los socios del bloque.

Ahora bien, vemos que el ímpetu constructivo que ejercía Argentina a comienzos de la integración en el marco del Mercosur cedió a pasos destructivos con la llegada del siglo corriente, lo que en gran medida provocó la estagnación actual del Mercado Común. Para ayudar al bloque a salir de esta crisis Argentina debe mostrar mucha voluntad política a la hora de poner los intereses comunes por encima de los domésticos y revisar su política integracionista.

Bibliografía

1. Яковлев П.П. Аргентинская экономика перед вызовами модернизации / П.П. Яковлев. — М.: ИЛА РАН, 2008. — 472 с.
2. Historia económica, política y social de la Argentina (1880–2000) / Mario Rapoport y colaboradores. — Buenos Aires: Ediciones Macchi, 2000. — 1149 p.

3. *Diego E. Álvarez Rivera*. El Cambio de Posición Argentina Frente al ALCA: ¿Un Cambio en las Preferencias Sociales? — San Andrés: Universidad de San Andrés, 2011. — 77 p.
4. Historia general de las relaciones exteriores de la República Argentina. / Directores: Andrés Cisneros, Carlos Escudé. — Buenos Aires: Grupo Editor Latinoamericano, 2000.
5. The Cambridge History of Latin America in 9 volumes / Edited by Leslie Bethell. Vol. III. Latin America since 1930: Spanish South America. — Cambridge University Press, 2008. — 867 p.
6. *Яковлева Н.М.* Старое и новое во внешней политике Аргентины / *Яковлева Н.М.* // Латинская Америка. — 2008. — №12. — С. 75–78.
7. *Сударев В.П.* Межамериканская система: генезис и эволюция (конец XIX — начало XX веков): учеб. пособие / *В.П. Сударев*. Моск. гос. ин-т. междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. истории и политики стран Европы и Америки. — М.: МГИМО—Университет, 2008. — 316 с.
8. *Мартынов Б.Ф.* История международных отношений стран Латинской Америки (XX — начало XXI вв.): Учебное пособие. — М.: Навона, 2008. — 424 с.
9. *Juan Pablo Milanese*. A “Nuclear Integration”: Constructing Supranationality in the South American Southern Cone / *Juan Pablo Milanese* // Hiroshima Peace Science. — 2007. № 29. — P. 107–133.
10. *Leandro Venacio*. Las Posturas de Argentina y Brasil Frente a la Propuesta Norteamericana de Integración Hemisférica. — Buenos Aires: Centro Argentino de Estudios Internacionales, 2006. — 14 p.
11. *Щербакова А.Д.* Аргентина: новые ориентиры внешней политики / *Щербакова А.Д.* // Латинская Америка. — 2007. №12. — С. 53–65.

А.А. Королева

Ностальгия по Империи и современный имидж Испании: по мотивам коллекции «Сокровища Империи» ювелирного дома Carrera y Carrera

В статье рассматривается свойственная испанцам ностальгия по имперскому прошлому страны. Также в информационном обществе возрастает роль символического капитала национальной культуры и престижа национальных ценностей государства в мировом культурном пространстве. Объектом исследования является влияние эффекта страны происхождения товара на современный имидж Испании. Научная новизна работы заключается в применении семиотического анализа произведений современного ювелирного искусства, визуализирующих наследие золотого века испанской культуры, в целях акцентирования важности символической интерпретации архетипического образа в технологиях национального брендинга.

Ключевые слова: имидж Испании, Испанская Империя, национальный брендинг, эффект страны происхождения товара.

A. Koroleva

NOSTALGIA FOR THE EMPIRE AND THE MODERN IMAGE OF SPAIN:
INSPIRED BY CARRERA & CARRERA JEWELRY HOUSE COLLECTION
«TREASURES OF THE EMPIRE»

The article touches upon peculiar for the Spaniards nostalgia for the Spanish imperial past. Information society is characterized by growing influence of the symbolic capital of national culture alongside with importance of international prestige of national values. The main topic is the exploration of the “made in”

effect and its influence on modern image of Spain. The scientific novelty of the work lies in the application of semiotic analysis of contemporary jewelry art visualizing the Golden Age of Spanish culture heritage, in order to express the importance of symbolic interpretation of the archetypal image in technologies of national branding.

Key words: *image of Spain, Spanish Empire, national branding, made in effect*

Драматичность испанской истории не вызывает сомнений. Пройдя через испытания многовековой Реконкисты, в XVI в. Испания стала первым национальным государством Европы, а позднее и метрополией первой глобальной империи. Но уже через столетие она начинает постепенно утрачивать завоеванные позиции, и Испания, создавшая великую культуру, к настоящему времени входит в положение страны «второго эшелона». Этот упадок повлиял на испанскую культуру и национальную идентичность, что было выражено в полемике о сути «Испанидад» — духовной и исторической судьбе испанского народа.

На данном этапе в международных рейтингах национальных брендов Испания не занимает высоких мест. За последние 6 лет Испания опустилась в рейтинге Country RepTrack за 2014 г. с 10 места до 18 [10]. А в рейтинге FutureBrand Country Brand Index 2014–2015 гг. Испания заняла лишь 23 место, потеряв 4 ступени [4]. В рейтинге Brand Finance Nation Brands 100 Испания занимает 18 место, а стоимость бренда страны оценивается в 801 млрд долларов [2]. Необходимо отметить, что все рейтинги обладают различной методологией и выборкой стран, но все они указывают на то, что в области публичной дипломатии и «мягкой силы» Испания обладает высоким рейтингом, а экономические и научно-технические показатели, относящиеся к «жесткой силе», остаются на низком уровне.

На протяжении последних 20 лет, вопреки экономическим и политическим трудностям, регулярная работа по продвижению имиджа Испании за рубежом на государственном уровне ведется по четырем основным направлениям: в области культуры — *Instituto Cervantes* (Институт Сервантеса), *Agencia Española de Cooperación Internacional para el Desarrollo* (Агентство по международному сотрудничеству Испании), *Acción Cultural Española* (Испанское культурное действие); публичной дипломатии — *Fundación Carolina* (фонд Каролина); туризма — *TURESPAÑA* (ТурИспания) и торговли — *Instituto Español de Comercio Exterior* (Институт внешней торговли Испании). Также в Испании существует и государственно-частное сотрудничество в вопросах формирования имиджа, например в рамках *Asociación de Marcas Renombradas Españolas* (Ассоциации знаменитых испанских брендов), участником которой является лидер ювелирной отрасли Испании компания *Carrera y Carrera*. Но за 10 лет своего существования ассоциации не удалось сделать что-либо полезное для улучшения имиджа Испании за рубежом, ее участники скорее представляют промышленное лобби [8, p. 431].

На имидж государства за рубежом во многом влияет международная репутация национальных компаний. Эффект *made in* — это влияние страны происхождения товара на восприятие его качества, привлекательность для потребителя при прочих равных качествах товара или услуги. На современном этапе эффект страны происхождения товара остается одной из самых слабых сторон имиджа Испании. Во-первых, это вызвано тем, что испанские товары у глобального потребителя не ассоциируются с высоким качеством и инновационными технологиями. Во-вторых, испанское происхождение широко известных брендов не акцентируется, а в некоторых случаях даже умышленно скрывается, так как обнародование данной информации может понести за собой репутационные потери. Но в случае Испании есть и исключения: мода и предметы роскоши. В рейтинге *Future Brand. Made in* по этим сегментам Испания входит в TOP-10: занимает 7 и 10 места, соответственно [7].

Сейчас бренд *Carrera y Carrera* входит в топ-30 престижнейших ювелирных фирм Европы и Америки. Все коллекции ювелирного дома отличаются национальным колоритом и, по утверждению основателя бренда дона Мануэля Карреры, обладают дуэнде — огнем, мистическим духом, волшебной силой, без которой настоящее искусство становится невозможным. Кроме того, это единственный ювелирный дом, создающий украшение по заказу испанской королевской семьи.

Ностальгия по имперскому прошлому, характерная для испанцев, визуализирована в коллекции *Tesoros del Imperio* (Сокровища Империи). Коллекция была представлена на главной международной выставке отрасли BaselWorld в 2013 г.

История Испании — это история сообщества, политическое единство которого тесно связано с идеей Империи [3, p.78]. Именно в имперском прошлом заключается концепция Испанидад, выражающая испанский национальный дух в его полном величии. Расцвет Испанской Империи пришелся на эпоху Великих географических открытий. Кроме того, это была одна из крупнейших империй мировой истории, она стала первой колониальной, включающей в себя территории в Европе, Америке, Африке, Азии и Океании. Империя включала в себя множество составных частей: королевства, графства, вице-королевства, герцогства, губернаторства, вассальные земли и города.

Работая над коллекцией, дизайнеры ювелирного дома совместно с экспертами музея Прадо подробно изучали церковное и светское декоративно-прикладное искусство, немногочисленные сохранившиеся ювелирные украшения золотого века и полотна Веласкеса из фондов музея. Золотой век Испании пришелся на эпоху правления Габсбургов. «Из пяти Габсбургов Карл V внушает воодушевление, Филипп II — уважение, Филипп III — безразличие, Филипп IV — симпатию, а Карлос II — сочувствие» [6, p. 292].

В основе коллекции, состоящей из четырех линий, лежат декоративные элементы испанского Золотого века: вышивки, ткани и цвета, которые нам известны по знаменитым полотнам испанских художников и сохранившимся инвентарным описям. Во второй половине XVI в. испанская знать стала предпочитать ярким цветам черно-белую гамму, в которой преобладал именно черный цвет одежды, а белыми оставались воротники, нижние рубашки и манжеты. Женская мода отличалась большим разнообразием и не ограничивалась лишь черным цветом. Впечатляющие размеры воротников, подобные запечатленному на портрете королевы Изабеллы Бурбонской, являлись признаком элегантности, аристократичности и изысканности. Эта часть туалета бросала вызов европейской моде того времени своей уникальностью и непревзойденностью.

Фактура великолепных воротников из тончайшего воздушного кружева передана в металле в линии коллекции Reina (Королева): золото, при всей его весомости, благодаря виртуозной работе ювелиров компании, стало легким как кружево. А линия коллекции Cervantes (Сервантес) напоминает о Хитроумном идалго Доне Кихоте Ламанском. Объемные линии и орнамент оправ украшений этой линии вызывают в памяти узоры бархата и парчи придворных того времени, изображенных на портретах Веласкеса.

Этот век можно назвать «Золотым» не только метафорически. Колониальная политика Испании в Новом свете строилась на принципе предпочтения недропользования сельскому хозяйству [6, p. 268]. Конкистадоры приплывали в Америку с идеей быстрого и легкого обогащения, которое могли позволить запасы драгоценных металлов и камней открытых континентов. О роли драгоценных металлов в истории колониальной империи Испании говорит уже тот факт, что само название «платина» имеет испанское происхождение. Платина — уменьшительная форма испанского названия серебра (*plata*), эквивалент русских терминов серебрецо, серебришко, серебец. Кроме того, серебро по-испански созвучно и близко по смыслу русскому слову «плата» в значении платить, оплата и т.д. Крупные россыпи нового металла были обнаружены в XVI в. на территории испанских колоний в Южной Америке и металл был принят за серебро [9].

Ювелирные украшения были достаточно популярны в Испании Золотого века. Это были добротные украшения: золотые ожерелья с жемчугом, золотые и серебряные браслеты, серьги с драгоценными камнями, пряжки из драгоценных металлов, а также расшитые драгоценными металлами и камнями одежды. В коллекции «Сокровища Империи» использованы три ювелирных камня: аметист, голубой топаз и бриллиант. Месторождения этих камней встречались как в Испании, так и на территории империи.

Золотой век испанской культуры пришелся на вторую половину XVI — первую половину XVII вв. Это была эпоха продолжительного правления короля Филипа IV Габсбурга, одного из самых видных меценатов своего времени и покровителя искусств. Испания продолжала

оставаться могущественной империей, но экономическое положение страны пришло в упадок. Внешняя политика требовала значительных затрат: после паузы в военных кампаниях во времена правления Филиппа III к середине XVI в. Испания оказалась в состоянии войны с большей частью окружающего ее как христианского, так и мусульманского мира. Побед было больше, чем поражений, но к XVII в. стало очевидно, что долго так продолжаться не может. Тридцатилетняя война в Европе привела к продолжительной агонии и постепенному разложению империи. При этом королевский двор утопал в роскоши, Филипп IV уделял большое внимание великолепным постройкам. Как символ этой эпохи на восточной окраине Мадрида возвышался окруженный парком несохранившийся дворец Буэн Ретиро — «большой комплекс сооружений, предназначенный для парадной и роскошной жизни, для великолепных ритуалов и праздничных увеселений» [1, с. 61]. По уровню роскоши его часто сравнивали с Версалем, который был построен гораздо позже. Дворец был разрушен в начале XIX в. во время Войны за независимость против наполеоновской Франции.

Филипп IV был женат дважды. Его первая жена Изабелла Бурбонская была старшей дочерью короля Франции Генриха IV и его второй жены Марии Медичи. В Испании королеву Изабеллу называли «желанной» за ее красоту, ум и благородство. Она хорошо разбиралась в искусстве и от политики была не далека: в 1643 г. Оливарес был отправлен в ссылку не без участия королевы. Линия коллекции *Isabel* (Изабелла) посвящена Изабелле Бурбонской. Бриллиант становится центральным вдохновителем этой линии.

Алмазы вечны! И это не метафора. Их реальный возраст не сопоставим с историей всего человечества. Считается от полутора до 3,5 миллиардов лет. Он уникален, человечеству пока не известны природные и искусственные материалы, более твердые, чем алмаз. Но вот жизнь многих ювелирных изделий была непродолжительной. Украшения часто переделывали по моде, заменяли в них камни и даже переплавляли. Иногда на судьбу ювелирных украшений влияла государственная политика. Когда стояла острая необходимость решать финансовые проблемы государства, правители обращались к известной практике — изданию указов о переплавке серебряных и золотых украшений на монеты.

Коллекция драгоценностей дома Габсбургов берет свое начало со времен Филиппа II, именно он начал их собирать и передавать по наследству. Филипп III и Филипп IV их сохранили и преумножили. Даже во время правления последнего Габсбурга Карлоса II коллекция росла, он присоединил к ней картины и гобелены. *Joyel de los Austrias* (небольшое ювелирное изделие дома Габсбургов) считается одним из самых ценных ювелирных украшений, принадлежащих испанской короне, но увидеть его можно только на парадных портретах испанских монархов. Это украшение состояло из двух предметов, которые испанские монархи носили либо вместе, либо по отдельности: знаменитый потерянный бриллиант *El Estanque* и легендарная барочная жемчужина *Peregrina* (блуждающая жемчужина).

Синий бриллиант фантазийной формы огранки, весом около ста карат, запечатлен на портретах представителей нескольких поколений королевской династии, включая и Изабеллу Бурбонскую. Алмаз купил в Антверпене испанский король Филипп II. Огранили его уже в Испании, где именно точных сведений нет: или в Мадриде, или в Севилье. В итоге появился исключительной чистоты бриллиант, ограненный в форме квадрата или багета, насыщенного синего цвета, известный как *El Estanque* (пруд).

Считается, что обладающий отменным вкусом Филипп II подарил своей третьей супруге Елизавете Валуа в день свадьбы этот бриллиант и жемчужину. Хотя подобное украшение было изображено на портрете его второй супруги английской королевы Марии Тюдор.

Елизавета Валуа, старшая дочь короля Франции Генриха II и Екатерины Медичи, была помолвлена с испанским инфантом доном Карлосом, но из политических соображений она вышла замуж за его отца. 3 апреля 1559 г. между Испанией и Францией был заключен Като-Камбресийский мир. Этот договор увенчала королевская свадьба Филиппа II и Елизаветы Валуа. В Испании она известна как *la Reina de la Paz* (королева, несущая Мир), так как считалось, что с ее приходом навсегда прекратятся войны между этими европейскими державами. Елизавете было всего 13 лет, когда она вышла замуж. Она покорила современников своей красотой, элегантными манерами и гардеробом, который

прекрасно дополняли драгоценности династии испанских Габсбургов, в том числе и легендарная брошь.

Это украшение передавалось в доме Габсбургов из поколения в поколение. Оправа его со временем менялась, но бриллиант и жемчужина присутствуют на портретах многих представителей королевской семьи: королевы Анны Австрийской, четвертой жены Филиппа II; их сына короля Филиппа III; его единственной жены Маргариты Австрийской; королевы Изабеллы Бурбонской и последнего короля из династии Габсбургов Карлоса II.

За 14 лет войны за испанское наследство (1701–1714) коллекция сохранилась. После войны к власти приходит Филипп V из династии Бурбонов, по итогам инвентаризации ничего не пропало. Коллекция росла. Во времена Карлоса IV (1788–1808) коллекция настолько выросла, что жемчуг стал храниться мешками. «Из одного мешка достали как горох 80 жемчужин для создания ювелирного гарнитура» [5, с. 4].

В 1808 г. старший брат Наполеона I Жозеф (Хосе) Бонапарт был возведен на испанский престол благодаря военному и политическому содействию своего брата. В народе получил презрительно-иронические прозвища «незванный король», Пепе Бутылкин (*Pepe Botella*), за пристрастие к алкоголю, «пиковый король» — за любовь к карточным играм. В 1813 г. он бежал во Францию, опасаясь растущего народного сопротивления, прихватив с собой множество сокровищ, принадлежащих испанской короне. Среди них был и бриллиант *El Estanque*. Он прошел через множество сделок купли-продажи, был заново огранен, и испанская корона была не в состоянии опознать бриллиант *El Estanque*, чтобы заявить о своих правах. Считается, что часть ограненных из него бриллиантов была в коллекции драгоценностей дома Романовых. Но научного подтверждения этому нет, тем более судьба самой коллекции за время революции и после нее повторила в некоторой степени судьбу этого бриллианта.

Линия *Velazqués* посвящена придворному портретисту Диего Веласкесу. Придворным живописцем короля Испании Филиппа IV Диего Веласкес стал в 24 года. Мастер писал портреты членов королевской семьи, придворных, выявляя самую суть изображаемого человека, типичные черты характера и внешности. В живописной стихии Веласкеса — дыхание жизни, его портреты праздничны и роскошны. «Искусство художника развивается под знаком сверкающих красок, бурных и динамичных композиций. Его работы излучают свет и передают вольные движения виртуозной руки» [1, с. 64].

Второй женой Филиппа IV стала его племянница Марианна Австрийская, дочь императора Фердинанда III и его первой жены Марианны. Из шести детей, рожденных в этом браке, только двое достигли совершеннолетия: инфанта Маргарита Тереза и наследник престола Карлос II — последний испанский король из династии Габсбургов. Инфанта Маргарита, в будущем императрица Священной Римской империи, запечатлена на целой серии портретов руки Веласкеса, в том числе, является центральным персонажем знаменитой картины «Менины».

С 1653 по 1660 гг. Веласкес пишет целую серию портретов Инфанта Маргариты. Для каждого портрета автор выбирал определённый колорит, заставляя зрителя любоваться игрой тонов на платьях принцессы, её причёске или драгоценностях. Украшения из линии «Веласкес» напоминают по своей форме парчовые платья маленькой инфанты. Контраст матового (техника матирования — *ноу-хау* компании) и полированного золота вместе и дисперсия (свойство камня, определяющее «игру» ограненного камня), аметистов и бриллиантового паве передают игру тонов на картинах художника.

Международный опыт показывает, что успешное продвижение национальных брендов может послужить стимулом к улучшению имиджа государства и бизнеса. Чтобы применение технологий брендинга стало эффективным, национальный бренд прежде всего должен сочетать в себе качество и инновационность, а также он должен содержать в себе национальный символ.

Более 100 лет назад Испанская империя прекратила свое физическое существование, но память о ней жива в пространстве использования испанского языка. Символический капитал национальной культуры тесно связан с теми национальными ценностями,

на которых строится пространство культуры. Сильные национальные бренды — это результат многолетнего исторического, культурного, политического и экономического развития. Инновации в сфере имиджевой политики современные государства все чаще находят в реинтерпретации национальных традиций, ценностей и архетипов. Символы образуют наиболее универсальный язык культуры, но их географические и исторические горизонты необычайно широки, форма изменчива, а интерпретация в разное время и в разных культурах может быть диаметрально противоположной. Чем больше людей разделяют единые архетипические образы географии и истории, антропологии и психологии, тем сильнее будет идентичность национального бренда. Ностальгия по Империи — это символ для испанцев, напоминание о своем прошлом. Компания *Carrera* у *Carrera* в коллекции «Сокровища Империи» создала успешный национальный бренд на международном рынке. Он сочетает в себе качество и инновации, успешный брендинг, а главное содержит в себе реинтерпретацию в духе современности архетипического образа испанской империи.

Литература

1. Якимович А.К. Портреты Диего Веласкеса: искусство отважного знания — М.: ГАЛАРТ, 2012.
2. BrandFinance Nation Brands 2014. [Electronic resource] / BrandFinance — Mode of access: http://www.brandfinance.com/images/upload/brand_finance_nation_brands_report_2014_final_edition.pdf
3. Bueno G. España frente a Europa — Barcelona: Alba, 2000. — 474 p.
4. Country Brand Index 2014–2015. [Electronic resource] / FutureBrand — Mode of access: <http://www.futurebrand.com/cbi/2014/thankyou/5702/cbi2014-465422230#download-form>
5. Discursos pronunciados por el Excmo. Sr. D. Laureano Figuerola, ministro de Hacienda en las Cortes Constituyentes, con motivo de la desaparición de las alhajas de la Corona, en las sesiones de los días 1, 2 y 15 de diciembre de 1869. — Madrid: Imprenta de M. Tello, 1870. — 77 p.
6. Historia de España / J. Valdeón, J. Pérez, S. Juliá. — Madrid: ESPASA LIBROS, S.L.U., 2009. — 608 p.
7. Made In: The value of Country of Origin [Electronic resource] / FutureBrand — Mode of access: http://www.futurebrand.com/images/uploads/studies/cbi/MADE_IN_Final_HR.pdf
8. Noya J. Visiones del exterior. Volumen 1 La imagen de España en el mundo. — Madrid: Tecnos., 2013. 480 p.
9. Platinum [Electronic resource] / The mineral and locality database — Mode of access: <http://www.mindat.org/min-3236.html>
10. The 2014 Country RepTrak® 100. [Electronic resource] / Reputation Institute — Mode of access: <http://www.reputationinstitute.com/Resources/Registered/Video-Resources/The-2014-Country-RepTrak-100.aspx>

А.А. Орлов**Латинская Америка: тенденции развития**

В статье анализируются политические процессы, происходящие в Латинской Америке. Автор акцентирует внимание на нарастании напряженности в ряде стран континента, прежде всего в Венесуэле, Аргентине и Бразилии. Он приходит к заключению, что США, которые несколько дистанцировались от латиноамериканских дел в последние годы, берут курс на «переформатирование» континента под свои интересы, что может иметь серьезный дестабилизирующий эффект.

Ключевые слова: Латинская Америка, Бразилия, Аргентина, Венесуэла, Куба, США, демократические выборы, фактическое двоевластие, запрос на левые идеи, «новые левые», оппозиция, «политический износ», рейтинг популярности, «переформатирование» континента, Остров Свободы.

A. Orlov**LATIN AMERICA: DEVELOPMENT TENDENCIES**

The article analyzes the political processes taking place in Latin America. The author pays special attention to the increase of tension in some countries on the continent, especially in Venezuela, Argentina and Brazil. He comes to the conclusion that the United States, who have distanced themselves from Latin America's affairs in recent years, head for «reformatting» of the continent under its own interest, that can have a serious destabilizing effect.

Key words: Latin America, Brazil, Argentina, Venezuela, Cuba, USA, democratic elections, actual diarchy, request for the left ideas, «new left», opposition, «political wear», popularity rating, «reformatting» of the continent, Island of Freedom.

Во второй половине прошлого века за Латинской Америкой прочно закрепилось весьма романтическое определение «пылающий континент». Действительно, многие процессы, которые происходили в этом регионе планеты, рассматривались «прогрессивным человечеством» в качестве модели развития, которой будут следовать, прежде всего, народы стран «третьего мира», освобождавшиеся от пут колониальной и неоколониальной зависимости. Эти годы были отмечены появлением в Латинской Америке целой плеяды выдающихся государственных и общественных деятелей, революционеров с большой буквы, которые до сих пор остаются символами борьбы за свободу, справедливость и социальное равенство, против доминирования в обществе узких групп политико-экономических элит, которые, несмотря на разнообразие новомодных терминов, по-прежнему чаще всего определяются как «олигархат».

В начале XXI века Латинская Америка, однако, утратила пальму первенства в качестве «мирового раздражителя», став едва ли не самым спокойным континентом на планете. В то время как в других уголках мира — прежде всего, на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии, а также в некоторых районах Европы — события развивались по сценариям жестких локально-региональных конфликтов, кризисные латиноамериканские сюжеты имели заметно более низкий градус внутреннего напряжения.

Латинская Америка, учитывая ее географическую близость к США, традиционно находилась под тщательным присмотром со стороны ее северного соседа. Однако, ощутив себя после распада СССР, говоря пушкинским языком, подобием «владычицы морской», Соединенные Штаты в последнюю четверть века с головой погрузились в реализацию планов глобального переустройства планеты с целью ее «тотальной демократизации» по американским лекалам, несколько ослабив при этом внимание к тому, что происходило в их южном «мягком подбрюшьи».

Сегодня уже, видимо, сложно прийти к однозначному заключению, что было бы с Латинской Америкой, не сконцентрируйся Вашингтон в последние годы на «целом мире», но факт остается фактом — континент за пару десятилетий политически заметно порозовел. Помимо Кубы, которая со времени победы революции на Острове в 1959 году, традиционно доставляла Соединенным Штатам много проблем, левые силы пришли к власти в большинстве латиноамериканских стран, образовав уникальное для континента сообщество единомышленников (естественно, с определенными идейными вариациями). Если расположить эти государства в порядке, образно говоря, «убывающей революционности», то сложится примерно следующая картина. В первую группу «левофланговых», наиболее революционно настроенных стран, войдут Венесуэла, Боливия и Никарагуа. В политическом пространстве между упомянутым «левым флангом» и «левым центром» окажутся нынешние власти Бразилии и Эквадора. Сам же «левый центр», по своей сути социал-демократический, составят Аргентина, Уругвай и Чили.

Все эти режимы не испытывают особых симпатий к «большому» американскому другу, хотя степень отторжения Вашингтона, естественно, неодинаковая и во многом основана на принципе взаимности. Там, где американцы ведут себя относительно корректно, лишь дозировано вмешиваются во внутренние дела соответствующих государств, они воспринимаются властями вполне спокойно. Более того, всем понятно, что нахождение приемлемого *modus vivendi* с северным соседом важно, как в плане сохранения внутренней стабильности, так и с точки зрения обеспечения нормального функционирования национальной экономики любого латиноамериканского государства.

В свою очередь США также не проявляли в последние годы стремления до основания разбалансировать некоторые латиноамериканские режимы, которые им явно не нравятся. Прежде всего, речь, конечно, идет о Венесуэле, которая во многом пытается повторить кубинский опыт, выступая на межамериканской арене в качестве «стойкого оловянного солдатики». Крупный очаг напряженности у себя под боком, в то время, когда далек от завершения конфликт на Украине, куда США погрузились с самозабвением, усмотрев в нем новый геополитический шанс, второй по значимости после распада СССР; когда разрастается пожар войны на Ближнем Востоке, связанный с образованием Исламского государства; когда полыхает Йемен; по-прежнему дестабилизирован Афганистан и до конца не решена проблема Ирана, явно Вашингтону не нужен. Поэтому можно предположить, что американцы будут воздерживаться от излишне нахрапистых действий в Латинской Америке, к которым бы давно уже прибегли, будь ситуация в мире поспокойнее. Но это вовсе не значит, что они будут сидеть сложа руки, наблюдая за происходящими процессами издалека. Как представляется, их тактика в ближайшей и среднесрочной перспективе будет определяться стремлением решать латиноамериканские проблемы в нужном для себя русле прежде всего за счет поощрения усилий оппозиционеров на местах, тем более что в ряде стран континента ситуация явно накаляется.

На сегодня можно выделить три главные «болевые точки» в Латинской Америке, имеющие четкую привязку к конкретным государствам, от состояния дел в которых в решающей степени будет зависеть обозримое будущее континента. Это — Венесуэла, Бразилия и Аргентина.

Резкое падение мировых цен на нефть значительно ослабило позиции нынешнего венесуэльского режима, обострив хронические недуги экономики этой страны и ограничив возможности дальнейшего развития социальных проектов, которые во многом обеспечивали поддержку «чавизма» (как сейчас принято называть венесуэльский социально-политический феномен на Западе) со стороны широких масс населения. Венесуэльской оппозиции, прибегнувшей к известной тактике изматывания своего политического оппонента постоянными протестными акциями с участием студентов и организацией голодовок, удалось добиться согласия властей на проведение досрочных парламентских выборов 6 декабря с.г. Следующей задачей оппозиционеров, вне всякого сомнения, станет завоевание большинства в парламенте и создание ситуации фактического двоевластия в стране, что приведет к дальнейшему нагнетанию напряженности. Правительство в свою

очередь пообещало вывести своих сторонников на улицу, если оппозиция продолжит на него давление и попытается запустить механизм внеконституционного захвата власти. Симптоматично, что, по апробированной во время киевского майдана методике, во внутривенесуэльские дела начинает вмешиваться внешний фактор: обратило на себя внимание активное стремление оказать некие посреднические услуги со стороны бывшего председателя испанского правительства и экс-генерального секретаря Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) Фелипе Гонсалеса, которые были отвергнуты венесуэльскими властями [1].

Нынешний венесуэльский режим всегда вызывал в Мадриде раздражение, независимо от того, какая из партий – ИСРП или консервативная Народная – находилась у руля управления страной. Не сдана в архив и тема предоставления венесуэльскими властями убежища боевикам баскской террористической организации ЭТА: многие испанцы по-прежнему воспринимают Венесуэлу в качестве «зарубежной базы» баскских экстремистов [2].

Венесуэла – это мина замедленного действия. Ситуация здесь предельно нестабильная и может начать стремительно деградировать, как только оппозиция посчитает, что готова к самым решительным действиям. Сегодня она постоянно говорит о необходимости диалога с президентом Мадуро во имя будущего страны, но будет ли она сама настроена на такой диалог, если перспектива перехватить власть станет достижимой? И не захотят ли Соединенные Штаты резко повысить свой профиль в делах этого государства в том случае, если шанс покончить с венесуэльской революцией обретет реальные очертания?

Продолжает лихорадить Бразилию. После победы на выборах, которая отнюдь не была триумфальной, Дилма Руссеф испытывает в начале своего второго президентского срока состояние, которое можно охарактеризовать как преждевременный «политический износ». К проблеме коррупции, нанесшей серьезный удар по престижу президента, правительства и правящей Партии трудящихся, добавились сложности в экономике, приведшие к ее стагнации. Рейтинг популярности президента стремительно покатился под откос, достигнув исторического минимума, что дает ее противникам основания рассуждать – пока, правда, чисто гипотетически – о возможности импичмента. Эрозия власти в Бразилии, определяющей в последние десятилетия главные тенденции развития Латинской Америки, может самым негативным образом сказаться на стабильности всего континента. Заинтересованы ли в этом США и будут ли они поддерживать местную оппозицию, если та постарается расшатать ситуацию? По логике вещей, Вашингтон не должен провоцировать напряженность в стране, поскольку это чревато самыми непредсказуемыми последствиями, в которых американцы не заинтересованы. Но, как и венесуэльский режим, бразильские левые, находящиеся у власти в латиноамериканском гиганте уже более 12 лет, не могут не раздражать определенные американские элиты, которые, как показали события на Украине, способны на абсолютное безрассудство. И все же наш прогноз в отношении Бразилии – скорее позитивный, чем негативный. Страна должна постепенно преодолеть нынешние трудности. Именно «бразильский вариант» «новых левых» заставляет многих мыслителей не только в Латинской Америке, но и в других местах планеты задумываться о сути данного феномена, что только подогревает интерес к этой неординарной стране [3]. «Сильный человек» в бразильском правительстве, министр планирования Нельсон Барбоза прогнозирует, что уже к концу этого года экономика страны вернется в стадию роста. Особенно он рассчитывает на реализацию при участии Китая амбициозного инфраструктурного проекта, предусматривающего строительство железной дороги, которая свяжет Бразилию с Тихим океаном, пройдя по территории Перу [4].

И, наконец, Аргентина. При анализе ситуации, складывающейся в этом государстве, мы найдем определенные сходства как с венесуэльским, так и с бразильским сюжетами. Ослабляющим нынешнюю власть элементом, безусловно, является длительность нахождения у руля управления государством представителей не только одного политического течения, но и одной семьи Киришнеров – Нестора, а затем Кристины. Это обстоятельство, естественно, не удовлетворяет определенную часть аргентинского общества, особенно те силы, которые находятся в открытой оппозиции к действующему

президенту Кристине Фернандес де Киршнер. Однако 12 лет у власти семьи Киршнеров ассоциируются у многих аргентинцев с периодом относительной стабильности, как политической, так и экономической, хотя и в меньшей степени. У старшего и среднего поколений аргентинцев еще свежи воспоминания о преступлениях, совершенных военными хунтами. Подросли и активно вошли в политику дети, родители которых были замучены в застенках профашистской диктатуры. Эти люди, являющиеся опорой нынешнего аргентинского правительства, готовы многое простить нынешней власти, дабы не допустить возвращения к управлению страной тех сил, которые прямо или косвенно связаны с трагическим прошлым страны. Что касается состояния аргентинской экономики, то оппозиция активно педалирует тему недостоверности официальной статистики. Дескать, инфляция, по официальным данным, составляет 15 %, а на самом деле — 30 %. Уровень бедности, со слов президента, ниже 5 % населения, а в действительности — более 20 %, с чем согласна и церковь. И т.д. Тем не менее и оппозиция не в силах отрицать, что за годы правления Киршнеров уровень государственного долга снизился до исторического минимума, что позволяет стране менее зависеть от диктата кредиторов и придерживаться относительно самостоятельного курса [5]. А Всемирный банк, в свою очередь, признает, что в период с 2003 по 2009 гг. средний класс в Аргентине удвоился с 9,3 млн человек до 18,6 млн, составив 45 % населения страны.

Тем не менее «эра Киршнеров» подходит к концу с завершением второго президентского срока Кристины Фернандес, которая покинет президентский дворец «*Casa Rosada*» 10 декабря. На авансцену аргентинской политики выходят новые персоналии. Неопределенность складывающейся в стране ситуации подтвердили результаты первого тура президентских выборов, прошедшего 25 октября. Кандидат от возглавляемой Кристиной Фернандес коалиции «Фронт для победы» (*Frente para la Victoria*) Даниэль Сциоли, которому все опросы отдавали безоговорочную победу уже в первом туре, лишь на пару с половиной процентов превзошел своего «правого» конкурента Маурисио Макри (36,8 % против 34,3 %). На 22 ноября назначен второй тур голосования. Решающее значение будет иметь волеизъявление избирателей, поддержавших в первом туре «перониста-диссидента» Серхио Масса (получил 21 % голосов) [6]. Однако оппозиция уже готова отпраздновать победу. Смена власти в Аргентине, с которой в значительной степени было связано начало «левого поворота» во всей Латинской Америке, может быть первым серьезным симптомом перехода правых в контрнаступление.

Итак, подведем итог. Последние полтора десятилетия были отмечены в Латинской Америке серьезным социально-политическим запросом на новые левые идеи, что позволило различным левым партиям и течениям, степень революционности или радикальности которых была неодинаковой, прийти к власти в большинстве стран континента демократическим путем, получив доверие населения путем его свободного волеизъявления на выборах. Соединенные Штаты, исторический патрон Латинской Америки, на определенном этапе утратили контроль за процессами, развивавшимися у них под боком, что, естественно, вряд ли могло их удовлетворить. Однако погруженность в дела других континентов побуждала Вашингтон к проведению в Латинской Америке осторожной линии, исключающей форсирование «антилевых» процессов в духе пресловутых «цветных» революций. Тем не менее сегодня ситуация начинает меняться. США, как можно предполагать, вновь готовы активизировать свою роль «латиноамериканского менеджера», пойдя по пути постепенной замены идеологически чуждых им режимов на более лояльные. В эпицентре политического шторма сейчас находятся Аргентина, Венесуэла и Бразилия. Хотя не стоило бы исключать и возможности накала страстей в других странах Латинской Америки, о чем свидетельствуют июньские (2015 года) обострения ситуации в Чили и Эквадоре.

На этом фоне весьма симптоматично выглядит заигрывание демократической администрации Обамы с Кубой. Неужели США, более полувека «прессовавшие» Остров Свободы по полной программе, осознали ошибочность этого курса и решили исправить положение? Хотелось бы верить, что это так. Но, вероятно, не следует поддаваться иллюзиям.

Скорее всего, вашингтонские аналитики в преддверии прогнозируемых ими кадровых перестановок в кубинском руководстве хотят разыграть сюжет в духе «перестройки» в СССР с последующим мягким демонтажем режима. Это, по сути дела, еще один из векторов «переформатирования» Латинской Америки под американские интересы, чем США начали плотно заниматься в последнее время.

Литература

1. *Respiro en Venezuela* (editorial) // [Электронный ресурс]. URL: http://elpais.com/elpais/2015/06/24/opinion/1435167153_454556.html
2. См.: Орлов А.А. Терроризм в Испании: международный аспект // *Обозреватель — Observer*. 2009. № 11 (238). — С. 65–73; Орлов А.А. Проблема терроризма в Испании на современном этапе // *Обозреватель — Observer*. 2009. № 12 (239). — С. 55–61; Орлов А.А. Историческая основа терроризма в Испании // *Обозреватель — Observer*. — 2009. № 10 (237). — С. 80–87; Орлов А.А. Проблема терроризма в Испании. ЭТА — «ударный отряд» баскского национализма. — М.: Русская панорама, 2009; Хенкин С.М., Самсонкина Е.С. Баскский конфликт. — М.: МГИМО-Университет МИД России, 2011.
3. Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта: Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг. — 2006 г.). М.: МГИМО-Университет, 2008. — С. 30.
4. *Nelson Barbosa*: “Brasil volverá a crecer en el último trimestre del año” // URL: http://internacional.elpais.com/internacional/2015/06/24/actualidad/1435098014_193614.html
5. *Argentina, un país sin datos oficiales* // URL: http://internacional.elpais.com/internacional/2015/06/24/actualidad/1435099251_541614.html
6. *Argentina irá a segunda vuelta tras la mínima victoria del oficialista Scioli* // URL: http://internacional.elpais.com/internacional/2015/10/25/argentina/1445811339_529911.html

А.Н. Рылова

Саморегулирование журналистики в Испании

Саморегулирование журналистики — это меры, добровольно предпринимаемые профессиональным сообществом журналистов, для обеспечения соблюдения определенных принципов в процессе информирования общественности, сохранения независимости СМИ и доверия к ним населения. Институт саморегулирования журналистики в Испании сложился значительно позже, чем в других западных странах. Причина этого кроется в исторических особенностях взаимодействия испанской журналистики и государства: в Испании долгое время существовали административный контроль за СМИ и ущемление свободы слова. Из-за этого первые попытки учредить органы саморегулирования после падения диктатуры Ф. Франко вызвали опасения возврата к временам цензуры. Однако отставание в вопросе саморегулирования СМИ впоследствии позволило Испании воспользоваться опытом других стран. В настоящее время саморегулирование журналистики в Испании находится на одном уровне с другими странами Запада. Институт успешно функционирует и способствует укреплению авторитета испанских СМИ.

Ключевые слова: *Испания, саморегулирование журналистики, независимость СМИ, цензура, авторитет СМИ.*

A. Rilova

SELF-REGULATION OF JOURNALISM IN SPAIN

Self-regulation of journalism resides in voluntary measures taken by the professional community of journalists to guarantee the observation of certain rules and principles in the process of providing information to public, maintain independence and credibility of media. The institution of self-regulation of Spanish journalism emerged later than in other Western countries due to the history of interaction between the State and media: for a long time Spanish media were under State control and freedom of expression was constantly defied. That is why first attempts to establish bodies for self-regulation of journalism in the post-Franco Spain evoked fears of a return to censorship. However, the time lag concerning media self-regulation allowed Spain to use other countries' experience. Nowadays, the degree of self-regulation of journalism in Spain is similar to that of the Western countries. The institution of self-regulation operates successfully and facilitates Spanish media authority.

Key words: Spain, self-regulation of journalism, independence of media, censorship, media authority.

Саморегулирование журналистики — это меры, предпринимаемые профессиональным сообществом, которые представляют собой добровольное соблюдение определенных принципов и норм в процессе информирования общественности. Саморегулирование СМИ улучшает качество их работы, повышает степень доверия к ним аудитории, а также помогает сохранять независимость в условиях давления со стороны государства и бизнеса.

Импульсом к формированию института саморегулирования журналистики изначально была внешняя критика отрасли. Она была вызвана коммерциализацией журналистики и ориентацией ее на массового читателя, что неизбежно отражалось на ее качестве и привело к потере доверия общественности. Другим важным фактором стали попытки государства повлиять на независимость СМИ при помощи различных рычагов, в том числе экономических. Так, стали появляться своды внутренних норм, которые должны были защитить журналистику от саморазрушения и внешнего давления. Первые профессиональные кодексы журналистов стали появляться во второй половине XIX в. Позднее стали формироваться специальные органы саморегулирования СМИ в разных странах. Старейший орган саморегулирования журналистики — Шведский совет по прессе, или Суд чести, созданный еще в 1916 г.

Органы саморегулирования журналистики появились в Испании значительно позже, чем в других странах Запада. Это объясняется историческими причинами развития испанской журналистики. Однако это отставание позволило Испании воспользоваться успешным опытом других стран, чтобы в краткие сроки наверстать упущенное. Ориентиром для организации саморегулирования СМИ в Испании служили зарубежные профессионально-этические кодексы и органы саморегулирования. Важную роль сыграла резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1003 (1993 г.) «О журналистской этике», одним из составителей которой был испанец Мануэль Нуньес Энкабо. В ней были провозглашены этические принципы, которыми должны руководствоваться журналисты по всей Европе.

В настоящее время саморегулирование журналистики в Испании, несмотря на свое довольно позднее появление, успешно функционирует и развивается, что способствует укреплению авторитета испанских СМИ как внутри страны, так и за рубежом. Испания сумела преодолеть свое отставание в этой сфере и сейчас находится на одном уровне с другими странами Запада.

Федерация журналистских ассоциаций Испании (FAPE) была основана в мае 1922 г. в Сантандере. Это первая в своем роде профессиональная организация журналистов Испании. В настоящее время в нее входят 48 местных журналистских ассоциаций, еще 16 ассоциаций с ней сотрудничают. Всего в Федерации состоит 21 тыс. журналистов. Официальный статус организации установлен в соответствии с законом «О профессиональных ассоциациях» 1977 г. В своей деятельности FAPE руководствуется Уставом, принятым на Генеральной Ассамблее в Севилье в 2008 г. FAPE издает собственный журнал «Журналисты» (Periodistas).

С 1993 г. в рамках FARE начался процесс создания специального органа, отвечающего за саморегулирование отрасли и соблюдение профессионально-этических норм испанскими журналистами. Тогда был принят Деонтологический кодекс FARE, закрепивший основные профессиональные принципы журналистики Испании. Но лишь к 2004 г. был учрежден Деонтологический совет, позднее переименованный в Комиссию по арбитражу, жалобам и профессиональной этике.

Комиссия по арбитражу, жалобам и профессиональной этике — это орган внутреннего деонтологического самоконтроля журналистской профессии. Комиссия обладает моральным авторитетом в отношении ассоциированных с FARE журналистских организаций. Ее основная задача — гарантировать соблюдение Деонтологического кодекса Федерации.

Между тем в Испании, еще до создания национального органа саморегулирования журналистики, действовал региональный Совет по прессе (*Consell de Informació*), основанный в Каталонии в 1996 г. Также деятельность отдельных средств массовой информации Испании регулировалась собственными внутренними уставами редакций и сводами норм.

Тот факт, что институт саморегулирования журналистики в Испании долгое время не получал развития можно объяснить историческими причинами. Большую часть XX в. свобода слова в Испании подавлялась или жестко контролировалась. Свобода прессы в Испании была провозглашена еще в Конституции 1876 г., однако на практике она не была реализована, так как в другой статье той же Конституции говорилось, что осуществление определенных конституционных прав может быть приостановлено, «если того требует безопасность государства» [1]. В результате правительство прибегало к этой оговорке почти на ежедневной основе. В 1923 г., при короле Альфонсо XIII, ввиду полной недееспособности государственного аппарата, в Испании была установлена военная диктатура генерала Мигеля Примо де Риверы. Одновременно была введена предварительная цензура печати, просуществовавшая до 1930 г., когда на фоне общественного недовольства Примо де Ривера был вынужден подать в отставку, и диктатура пала. В период Второй Испанской Республики (1931–1939 гг.) положение свободы слова было противоречивым. С одной стороны, правительство республиканцев приняло декреты, которые укрепляли свободу прессы и объявляли амнистию по преступлениям, связанным с цензурой времен военной диктатуры. С другой стороны, был одобрен закон «О защите Республики», запрещающий публикацию новостей, которые могли нанести вред общественному порядку и социальному миру.

Носамый жесткий контроль за прессой существовал во время диктатуры Франсиско Франко (1939–1975 гг.). Первые десятилетия франкистской диктатуры действовал Закон о прессе, принятый еще до окончания гражданской войны в 1938 г. Согласно ему, вновь вводилась предварительная цензура, а также создавались структуры: Национальный отдел по прессе и пропаганде, Национальное радио Испании и информационное агентство EFE, которые впоследствии сыграли большую роль в осуществлении правительственной пропаганды. Фактически пресса была подчинена государству и должна была выполнять политические задачи и распространять национал-синдикалистские идеи [2]. Существовала особая система инструкций для периодики, в соответствии с которой печатные издания были обязаны публиковать на своих страницах официальную информацию, передаваемую «сверху». За назначение и смещение главных редакторов газет отвечал сам министр внутренних дел. Правительственному контролю подвергались и сами журналисты. Монополия на журналистское образование в течение почти двадцати лет принадлежала Официальной школе журналистов, учрежденной в 1941 г. Обязательным условием поступления туда было членство во франкистской партии «Испанская фаланга» и ХОНС, которую возглавлял сам Франко. Тем самым обеспечивалась верность журналистов партии и правительственному курсу. Только в 1960-е гг. появились три новых журналистских учебных заведения, хотя и они были учреждены католическими организациями, верными франкизму.

Начиная с 1950-х гг. режим диктатуры стал постепенно смягчаться, страна стала отказываться от политики автаркии и преодолевала международную изоляцию.

Меняющаяся ситуация потребовала принятия нового, более мягкого закона о прессе, который был одобрен в 1966 г. Закон 1966 г. отменил предварительную цензуру за исключением периодов чрезвычайного или военного положения, вместо нее была введена так называемая «добровольная консультация». Была упразднена система, но обязательство бесплатно публиковать «информацию, представляющую общий интерес», сохранялось. Также разрешалось создание негосударственных журналистских организаций, однако государство оставляло за собой право отказать им в регистрации, проводить инспекции финансовой отчетности и проверять акционеров. Были распространены судебные расследования по поводу публикации тех или иных материалов. Всего с 1966 по 1975 гг. было возбуждено 1 270 уголовных дел против газет и журналов [3]. Опасаясь проблем с законом, многие редакции и отдельные журналисты прибегали к самоцензуре. Кроме того, вся информация, поступающая из-за рубежа, в обязательном порядке проходила через правительственное информационное агентство Efe, где ее тщательно «фильтровали». Таким образом, несмотря на объявленный «реформистский» характер нового Закона о прессе и некоторые послабления, свобода слова и выражения в Испании продолжала оставаться под строгим контролем франкистского аппарата. Такая ситуация продолжалась вплоть до смерти Франко и окончания периода диктатуры в 1975 г. И только в Ст. 20 Конституции Испании 1978 г. были признаны и закреплены права испанцев на «свободное выражение и распространение взглядов, идей и мнений устно, письменно или иными средствами» и «свободную передачу и получение достоверной информации посредством любых средств распространения» [4], и на этот раз они существовали не только на бумаге.

Когда после стольких лет несвободы и жесткого контроля над средствами массовой информации стали предприниматься первые попытки создать орган самоконтроля журналистики, и редакторы, и журналисты относились к ним либо с опаской, либо с насмешкой, так как видели в них угрозу возврата к временам цензуры и вмешательства в деятельность СМИ, характерных для периода диктатуры. Первое время сложно было забыть о перипетиях прошлого и понять, что в демократическом обществе, переход к которому Испания совершила мирно и в краткие сроки, саморегуляция преследует иные цели и благотворна для поддержания независимости СМИ. Только к середине 2000-х гг. испанское медийное сообщество наконец «созрело» для создания независимого органа саморегуляции журналистики.

В осуществлении своей деятельности Комиссия по арбитражу, жалобам и профессиональной этике ориентируется на нормы Деонтологического кодекса FAPE, а также на собственный Регламент, принятый 29 ноября 2013 г.

В Регламенте закреплены следующие функции Комиссии:

- Информировать общественность и высказывать мнение по вопросам, связанным с соблюдением профессиональной этики журналистами.
- Рассматривать и разрешать дела, инициированные в связи с возможным несоблюдением Деонтологического кодекса. Комиссия рассматривает жалобы как по собственной инициативе, так и по заявлению Федерации или любого гражданина Испании.
- Осуществлять арбитражное разбирательство и выступать посредником в спорах, связанных с профессионально-этическими нормами [5].

Также в Регламенте Комиссии подробно описана процедура подачи и рассмотрения жалоб. В общем виде она такова: любое физическое или юридическое лицо, пострадавшее от журналистской деятельности, которая, по их мнению, нарушает нормы Деонтологического кодекса, имеет право обратиться в Комиссию с просьбой начать разбирательство по данному делу; жалоба должна быть подана в течение двух месяцев с момента публикации материала, нарушающего профессиональные нормы журналистики. Сам процесс рассмотрения жалобы является гибким и зависит от конкретной ситуации. Обе стороны — пострадавшая и обвиняемая — имеют право быть заслушанными во время рассмотрения жалобы. Стороны могут участвовать в разбирательстве лично, или их интересы могут защищать их представители. Предварительные решения Комиссии могут быть отправлены на повторное

рассмотрение, окончательные решения обжалованию не подлежат, однако это не исключает возможности обращения в другие инстанции, в том числе судебные. В окончательном решении Комиссии констатируются нарушенные профессиональные нормы, а также излагаются меры, которые Комиссия рекомендует предпринять, чтобы компенсировать причиненный ущерб. Это может быть: публикация решения Комиссии в СМИ, нарушении Деонтологический кодекс; публикация опровержения/исправленной информации; публикация извинений в адрес пострадавшей стороны и другие аналогичные меры.

Деонтологический кодекс FAPE закрепляет следующие основные принципы журналистской профессии: обязательное соблюдение норм Кодекса, уважение правды, свобода расследования и честного распространения информации, свобода комментирования и критики, уважение частной жизни граждан (вмешательство оправдано, только если речь идет о защите интересов общества; ограничения на вмешательство тщательно соблюдаются, если речь идет о людях, помещенных в медицинские учреждения); соблюдение презумпции невиновности, пока судом не будет доказано обратное (с особой строгостью исполняется, когда речь идет об интересах несовершеннолетних); недопустимость дискриминации на каких-либо основаниях. Также в Кодексе излагаются права и обязанности журналистов, принципы действий для получения достоверной информации законным способом. Многие нормы Деонтологического кодекса FAPE совпадают с Кодексом профессиональной этики российского журналиста 1994 г., а также сводами профессионально-этических норм других стран.

Существует еще целый ряд документов, содержащих этические нормы, которые также учитываются Комиссией по арбитражу, жалобам и профессиональной этике. К ним относятся: Кодекс информационного освещения случаев гендерного насилия (*Código para el Tratamiento Informativo de la Violencia de Género* [6]), принятый администрацией автономии Кастилия и Леон; Кодекс поведения членов Ассоциации журналистов, пишущих об экономической информации (APIE); Деонтологический кодекс Совета по прессе Каталонии, резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы «О журналистской этике», Международная декларация принципов поведения журналистов 1954 г., Деонтологический кодекс профсоюза журналистов Мадрида, редакционные уставы СМИ (газеты *El Mundo*, *El País*, *La Vanguardia*, *IA Efe*), руководства по стилю (*manuales de estilo*).

Комиссия по арбитражу, жалобам и профессиональной этике FAPE — не единственный институт саморегулирования испанской журналистики. Существует также институт омбудсмана или, как его называют в Испании, «защитника читателя» (*defensor del lector*).

«Омбудсмен» в переводе со шведского означает «представитель». Это гражданское, а иногда должностное лицо, которое представляет интересы определенных групп населения в их взаимодействии с органами государственной власти. Применительно к прессе данный термин был впервые использован в США в 1967 г., когда газета «Курьер-Джорнал» (Луисвилль, штат Кентукки) поручила бывшему главе отдела местной информации заниматься взаимоотношениями между читателями и журналистами [7]. Позднее этому примеру последовали другие страны.

В отличие от советов по прессе, чье влияние распространяется на все журналистское сообщество страны, омбудсмены работают в конкретных средствах массовой информации. В их функции входит поддержание связи между редакцией и аудиторией, ответы на комментарии и жалобы, урегулирование возникающих разногласий.

В Испании первый омбудсмен появился раньше, чем был создан специальный орган саморегулирования журналистики. Пионером стала газета *El País*, где должность защитника читателя была учреждена в 1986 г. В 1993 г. омбудсмен появился в *La Vanguardia*, в 2001 г. — в *La Voz de Galicia*, в 2004 г. — в *El Correo Gallego*. Что касается телевидения, то первым «защитником телезрителя» обзавелся канал RTVA в 1995 г., а государственная телерадиокомпания Испании — RTVE — только в 2006 г. [8].

Появление института омбудсмана СМИ в Испании стало ответом как на внешние, так внутренние вызовы, с которыми столкнулась журналистика. С одной стороны, испанские СМИ, особенно печатные, часто подвергались и подвергаются критике со стороны

общественности за необъективность и поддержку одной из двух основных политических партий Испании — ИСРП и Народной партии. С другой стороны, испанские СМИ часто вызывают критику своих коллег по цеху, которые, борясь за аудиторию, стараются очернить конкурента. Таким образом, в определенный момент появление такой фигуры, как омбудсмен, стало необходимым требованием для сохранения доверия к журналистской профессии. Главная цель омбудсмана в 1980-х гг. заключалась в том, чтобы донести до общественности, что признание собственных ошибок и исправление их — в интересах самих СМИ. Учитывая, что журналистика — это прежде всего служение на благо общества, журналист всегда должен быть готов воспринимать общественную критику.

Рассмотрим подробнее, как работает защитник читателя в Испании на примере газеты *El País*.

Первый номер газеты *El País* появился на свет 4 мая 1976 г., всего через несколько месяцев после смерти Ф. Франко. Она стала первым демократическим изданием в постфранкистской Испании. Также она стала первой газетой Испании, закрепившей внутренние нормы контроля качества журналистики. В 1980 г. был принят редакционный устав газеты, а в 1986 г. появилась должность защитника читателей *El País*. Газета опередила другие издания и в составлении собственного Руководства по стилю, которое с течением времени претерпело 22 переиздания (последнее — в мае 2014 г.). В Руководстве по стилю перечислены этические принципы, соблюдаемые редакцией, один из которых гласит: «Издание должно первым указывать на ошибки, допущенные на собственных страницах, и исправлять их как можно скорее и без утайки» [9]. Большую роль в выполнении этого принципа играет защитник читателя. Омбудсмен *El País* отвечает за соблюдение прав читателей, отвечает на их просьбы, жалобы, замечания и предложения, следит за тем, чтобы информационное освещение событий в газете соответствовало этическим и профессиональным нормам журналистики. Он также помогает поддерживать связь между авторами и их читателями. Вмешательство омбудсмана возможно по просьбе читателя или по собственной инициативе. С сентября 2014 г. должность защитника читателя в газете *El País* занимает Лола Галан. После того, как омбудсмен рассмотрит и расследует какой-либо вопрос или обращение, в самой газете и в блоге омбудсмана на официальном сайте *El País* публикуется статья, посвященная данной проблеме.

Подводя итоги исследования, подчеркнем, что становление института саморегулирования СМИ в Испании началось значительно позже, чем в других западных странах. Из-за более позднего перехода к демократии, без которой немыслима свобода слова, а также из-за сложной истории взаимоотношений журналистики и государства, продолжительного правительственного контроля за деятельностью СМИ, в первые годы после падения франкистской диктатуры все идеи о создании органов саморегулирования вызывали опасения возврата к временам цензуры. Тем не менее, когда Испания оказалась готова к созданию собственных механизмов саморегулирования журналистики, в ее распоряжении оказался богатый опыт, накопленный другими странами, что позволило ей быстро и успешно восполнить существующие пробелы.

В Испании саморегулирование журналистики осуществляется как на общенациональном, так и на региональном уровнях. За соблюдение профессионально-этических норм всем журналистским сообществом отвечает Комиссия по арбитражу, жалобам и профессиональной этике Федерации журналистских ассоциаций Испании, за уважение этических норм в отдельных СМИ — собственные пресс-омбудсмены в редакциях. Все граждане Испании имеют право обратиться в данные органы с жалобами на нарушение профессиональной этики, либо с замечаниями и предложениями по работе СМИ, и ни одно обращение не остается без внимания. Это позволяет избегать ошибок или сократить их количество, улучшить работу СМИ, повысить степень доверия аудитории.

Существование органов саморегулирования журналистики в современной Испании имеет большое значение. К сожалению, многие средства массовой информации Испании имеют оттенок «партийной принадлежности», что может повлиять на объективность передаваемой ими информации. В этих условиях усиление внутреннего контроля и строгое соблюдение

профессионально-этических норм могут сыграть ключевую роль в обеспечении гарантий конституционно закрепленного права на свободную передачу и получение достоверной информации.

Литература

1. Алексеева Т.А. История испанской конституции. — М.: Проспект, 2011, с. 233.
2. Mesa R.Y. La complicada evolución de la libertad de prensa en España durante el siglo XX. Apuntes para su estudio. Espéculo. Revista de estudios literarios. Universidad Complutense de Madrid, 2005.
3. Mesa R.Y. Op. cit.
4. Конституция Испании на русском языке. Перевод П. Романа. Посольство Королевства Испании в Российской Федерации, 1995.
5. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comisiondequejas.com/Reglamento/Reglamento.htm>
6. [Электронный ресурс]. URL: http://www.comisiondequejas.com/Otras_Normas/Codigos/Relacion/CODIGO_MEDIOS_COMUNICACI%D3N.pdf
7. Харасту М. Путеводитель по саморегулированию СМИ. Бюро Представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ. — Вена, 2008, с. 78.
8. Maciá Barber C. A Press Ombudsman Model for Improvement of Journalistic Practices in Spain. Communication & Society 19(1), 2006. P. 47–66.
9. Libro de Estilo de El País. [Электронный ресурс]. URL: http://blogs.elpais.com/defensor-del-lector/doc/principios_eticos.pdf

С.И. Чернявский

Россия и Испания в годы Великой войны (1914–1918 гг.)

Статья посвящена сотрудничеству между Россией и Испанией по оказанию помощи депортированным русским подданным и военнопленным в 1914–1918 гг.

Ключевые слова: депортация гражданских лиц, защита прав военнопленных.

S. Cherniavsky

RUSSIA AND SPAIN DURING THE GREAT WAR (1914–1918)

The article is devoted to cooperation between Russia and Spain to assist deported Russian citizen and prisoners of war in 1914–1918.

Key words: the deportation of civilians, protection of the rights of prisoners of war.

В европейской политике Российской империи Испании никогда не принадлежало центральное место. В начале прошлого столетия отношения между нашими странами носили в целом вялотекущий характер. Это отражалось и на внутренней жизни посольств — небольшие здания в Мадриде и Петербурге, лишённые какой-либо помпезности, ограниченный персонал: посол и 2–3 сотрудника, отсутствие консульских точек. Ну и, наконец, весьма скромные дипломатические приемы, связанные с ограниченным финансированием.

О жизни и деятельности российского посольства в Мадриде современники судят во многом по мемуарам Юрия Яковлевича Соловьева, назначенного в 1912 г. советником в Испанию. В силу ряда обстоятельств деятельность Соловьева на этом посту приобрела особо важное значение для МИД России, поскольку в первые же дни Великой войны (как ее до сих пор принято называть в Европе) 1914–1918 гг. испанское правительство заявило о своем нейтралитете и готовности представлять интересы России в воюющих странах. Ю.Я. Соловьев, находившийся в момент объявления войны в отпуске в Петрограде, стал первым руководителем мидовского подразделения, которому было поручено заниматься депортированными из государств Тройственного союза российскими подданными, о чем он впоследствии также упомянул в своих воспоминаниях.

Хотя российско-испанские отношения 1914–1918 гг. рассматривались в работах многих советских и российских испанистов, круг первоисточников, раскрывающих более подробно особенности этого периода, весьма ограничен. Работая над монографией о гуманитарной миссии российской дипломатии в годы Первой мировой войны, автору удалось, как представляется, более предметно проанализировать проблематику гуманитарного сотрудничества российских и испанских дипломатов в условиях мирового конфликта. Война потребовала нестандартных подходов со стороны дипслужбы по предоставлению дипломатической опеки подданным воюющих сторон, их физической защите, распределению материальной помощи и организации массовой эвакуации на родину. Особо сложными оказались вопросы, связанные с оказанием помощи военнопленным.

Первая мировая война явилась результатом длительного накопления противоречий между ведущими мировыми державами. Во всех странах усилились шовинистические настроения. Общественность, привыкшая за несколько лет постоянных кризисов к балансированию на грани катастрофы, не теряла надежды, что в последний момент кто-нибудь одумается и отступит. Правительства и дипломатические ведомства уверяли в неизбежности компромисса без потери престижа. Для России эта задача в тот период оказалась непосильной.

ДЕПОРТАЦИЯ РОССИЙСКИХ ПОДДАННЫХ

С первых же дней Великой войны перед внешнеполитическим ведомством Российской империи встала задача оказания срочной практической помощи значительной массе соотечественников, застигнутых военными действиями за рубежом.

Однако в первую очередь необходимо было закрыть собственные посольства и консульства в странах Тройственного союза, передав заботу о них испанским представителям. Ведь дипломаты, как и пограничники, сразу же выдвигаются на линию огня. Они и их семьи, как правило, становятся первыми невинными жертвами любого обострения ситуации в стране пребывания. Судьба многих дипломатов, оказавшихся в силу разных обстоятельств в руках неприятеля, заканчивается трагически. Так случилось и в Германии летом 1914 г.

После объявления войны обстановка вокруг российских загранучреждений стала откровенно враждебной. По словам секретаря посольства России в Берлине С.Д. Боткина, «с самого начала обострения кризиса в посольство приходили многочисленные русские подданные за советом и помощью. Толпа русских настолько увеличилась, что заполнила подворотню и переднюю, проникая во внутренние помещения посольства. 20 июля с утра число наших соотечественников достигло многих сотен. Они в слезах просили защиты от начавшихся притеснений со стороны немецких властей и умоляли оказать помощь, чтобы выбраться за пределы Германии. Не только весь проезд, но и двор был заполнен несчастными путешественниками. Они наводнили также парадную лестницу и прилегающие комнаты. Врывались силой в канцелярию, где в это время спешно укладывались секретные архивы. К сожалению, сотрудники посольства были бессильны оказать беженцам сколько-нибудь осязаемую помощь. Приходилось успокаивать их уверениями, что, несмотря на предстоящую войну, они, как мирные туристы и больные, притом, по большей части, женщины и дети, решительно ничем не рискуют, даже если бы, вследствие невозможности немедленно выехать, они вынуждены будут остаться еще на некоторое время в Германии. Никто в это

время не мог и предполагать, какая участь ожидала наших бедных соотечественников, застрявших в Германии!» [1].

Германский МИД назначил день отъезда русских дипломатов на 1 час 07 мин. 21 июля (3 августа). Несмотря на позднее время у здания посольства собралась огромная толпа берлинцев, провожавшая отъезжавших свистом и оскорбительными криками. Собравшиеся наваливались на автомобили, не давая им сдвинуться с места. Они били выходивших женщин и детей палками и зонтами, плевали, забрасывали песком и мелкими камнями. Подобной участи избежала лишь машина посла, которая продвигалась под эскортом конной полиции.

Оказавшийся в эти дни в Берлине князь Ф.Ф. Юсупов так описал отъезд русского посольства: «На другой день рано утром мы поехали в русское посольство, а оттуда на вокзал к копенгагенскому поезду. Никакого сопровождения, как полагалось бы иностранной миссии. Мы отданы были на милость разъяренным толпам. Всю дорогу они швыряли в нас камни. Уцелели мы чудом. Среди нас были женщины и дети, семьи дипломатов. Кому-то из русских палкой разбили голову, кого-то избили до крови. С людей срывали шляпы, иным в ключья изорвали одежду» [2].

После отъезда официального «посольского поезда» в Данию защиту интересов России и принадлежащего ей в Германии имущества формально взяла на себя Испания. Однако испанский посол в Берлине Луис Поло де Бернабе взялся за дело без особого энтузиазма.

Оставленного в Берлине по согласованию с МИД канцелярского служащего Петра Павловича Асеева, которому поручалась охрана имущества и передача архива испанскому посольству, арестовали и заключили в Северную военную тюрьму, где он содержался в одиночной камере до конца февраля 1915 г. [3]. Судьба оставшихся по разным обстоятельствам в Германии консульских сотрудников — как административных, так и дипломатов — сложилась трагически. Тюрьма или концлагерь. Никаких официальных протестов с испанской стороны на этот счет не последовало.

С первых же дней войны перед российским внешнеполитическим ведомством встала задача оказания срочной практической помощи значительной массе людей, застигнутых войной за рубежом. О масштабах этой проблемы говорит тот факт, что лишь на территории Германии в момент войны находилось свыше сорока тысяч российских подданных. МИД приступил к сбору и анализу сведений об их положении, организацией перевода им денежных средств, улучшения условий их жизни путем заключения через испанских посредников соответствующих соглашений с неприятельскими властями.

Центральным звеном в этой гуманитарной миссии российского МИД стало испанское посольство в Петрограде. Посол Испании в России А. Морильо-и-Перес, маркиз де ла Пуэрта, граф де Картахена, прибывший в столицу Российской империи в феврале 1914 г., активно взялся за порученное ему нелегкое дело.

26 июля 1914 г. при Втором департаменте МИД учреждается «Бюро для наведения справок о русских подданных, застигнутых войной в запад-ноевропейских государствах, не состоящих с нами в войне» [4]. Новое подразделение МИД координировало работу по розыску лиц, оказавшихся в этот период вне России. Вскоре его расширяют и преобразовывают в Справочный стол о российских подданных, оставшихся на территории неприятельских стран, который размещают в здании посольства Испании в Петрограде. Директором Справочного стола назначили Ю.Я. Соловьева, бывшего в тот период временным поверенным в делах России в Испании и находившегося летом 1914 г. в отпуске в Петрограде.

В силу малочисленности испанского посольства (посол и два секретаря), оно не могло справиться с новыми задачами своими силами. Поэтому было принято решение о том, что Справочный стол временно будет находиться в посольстве Испании, но обслуживать его работу будут русские подданные.

Соловьеву удалось за несколько дней набрать двенадцать сотрудников, которые заняли две комнаты в посольстве Испании и вели прием посетителей.

Работа Справочного стола носила авральный, ненормированный характер. По

воспоминаниям Ю.Я. Соловьева, за справками обращалось по несколько сот человек в день [5]. Начальник Справочного стола получил от министра широкие полномочия, вплоть до отправки ответов за его подписью на многочисленные письма и телеграммы, поступавшие в МИД с запросами о судьбе русских граждан, застигнутых войной в Германии и Австро-Венгрии. Справочный стол оперативно наладил составление и публикацию списков, застигнутых войной за границей русских подданных [6].

Вскоре Справочному столу передали дополнительные функции, связанные с переводом денег русским, задержанным в воюющих с Россией странах. Это было связано с поручением правительства МИД взять на себя ответственность за российских подданных, оказавшихся за границей или задержанных в воюющих странах, и за российских военнопленных.

Через созданный в этих целях при Первом департаменте МИД Отдел денежных переводов и ссуд должны были поступать в зарубежные представительства МИД денежные средства в виде ссуд и материальных пособий, а также отправляться денежные переводы по льготному обменному курсу лицам, оказавшимся в неприятельских странах и на оккупированных территориях [7].

На Отдел возлагались следующие основные функции:

«1) Денежные переводы по льготному курсу от частных лиц нуждающимся русским гражданам, оставшимся по обстоятельствам военного времени в Германии, Австро-Венгрии, Бельгии, Турции, Болгарии и занятых неприятелем местностях России, а также в исключительных случаях (тяжкой болезни, невозможности вернуться на родину и т.д.) в Швейцарию. Ввиду ограниченности отпускаемой валюты отдел принимал для перевода лишь до 100—150 рублей на одно лицо и до 200—300 рублей на семью, при этом не более одного раза в месяц. Деньги переводились по телеграфу через испанские посольства в Берлине и Вене, испанскую миссию в Брюсселе и нидерландские миссии в Константинополе и Софии.

2) Выдача ссуд и пособий неимущим русским гражданам, оставшимся за границей по обстоятельствам военного времени и не имеющим возможности возвратиться на родину. Ссуды, подлежащие возмещению, выдаются нашими заграничными установлениями лишь в тех случаях, когда получатели представляют достаточные гарантии возможности впоследствии их возместить. На одно лицо выдается ежемесячно до 300 рублей. Выдача пособий ограничена месячным сроком до поиска лицами, хотя и нуждающимися, но трудоспособными, заработка; более крупные пособия выдавались лишь в самых исключительных случаях безусловной нужды, болезни и неспособности к труду.

3) Помимо переводов денег по льготному курсу от частных лиц за границу, на Отдел возложили операции по переводу денег различным комитетам и организациям благотворительного характера, находящимся как в неприятельских странах и оккупированных местностях, так и в дружественных и нейтральных государствах. Переводы эти имеют целью оказание помощи русским военнопленным и бедствующему населению оккупированных местностей и поступают главным образом от Центрального комитета о военнопленных при Российском Обществе Красного Креста и от других благотворительных организаций — русских, польских, литовских и еврейских.

На производство перечисленных операций Министерство иностранных дел было уполномочено особыми постановлениями Совета министров от 28 июля и 14 августа 1914 г. На первоначальные расходы выделено 750 000 рублей» [8].

Начиная с 11 августа 1914 г., денежные переводы задержанным в Германии и Австро-Венгрии русским подданным шли через МИД. Поступавшие в Петроград средства передавались по телеграфу в российскую миссию в Копенгагене и оттуда направлялись через испанскую миссию в испанские посольства в Берлине и Вене. На эти загранучреждения возлагалась задача доставки через германских и австрийских агентов денег по назначению, причем срок выдачи переводимых сумм зависел от различных обстоятельств, предвидеть или изменить которые было невозможно.

Встречавшиеся при выполнении переводных операций затруднения возникали из-за неточности предоставленных отправителями сведений о местонахождении адресатов, их

частых перемещений, не всегда известных близким им лицам, а также вследствие ошибок перегруженного работой телеграфа и проявившихся в отдельных случаях намеренных задержек и небрежности передаточных инстанций в Германии и Австро-Венгрии. Часть исполненных министерством переводов не находила адресата и «терялась».

Согласно отчету испанского посольства в Берлине на октябрь 1914 г., из 6 639 переводов, поступивших в Германию на общую сумму 1 329 275 рублей лишь 3 586 переводов, на сумму 714 062 рублей были выплачены адресатам или доверителям; 1 488 переводов на сумму 321 155 рублей были уничтожены по просьбе отправителей, как не достигшие своей цели, и возвращены им Министерством, и, наконец, 1 565 переводов на сумму 294 058 рублей остались невыплаченными за выездом адресатов из Германии [9].

Неоднократные попытки Министерства повысить эффективность деятельности испанских агентов успеха не имели. Весьма болезненной становилась проблема отчетности.

Расходы на указанные цели постоянно росли, и к февралю 1915 г. общая сумма одновременно открытых кредитов составила 7 221 239 рублей. По различным странам сумма эта распределялась следующим образом (Табл. 1):

Таблица 1.

Страны	Кредиты	
Австро-Венгрия	886 687 крон	349 088 руб.
Великобритания	31 000 ф.ст.	293 167 руб.
Германия	4 867 617 марок	2 253 219 руб.
Франция	2 200 000 франков	
Бельгия	225 000 фр.	
Греция	450 000 фр.	
Италия	1 000 000 фр.	
Испания	90 000 фр.	3 009 906 руб.
Португалия	25 000 фр.	
Румыния	95 000 фр.	
Швейцария	3 941 417 фр.	
Дания	1 000 000 крон	
Норвегия	125 000 кр.	
Швеция	950 000 кр.	1 080 672 руб.
Нидерланды	170 000 гульденов	132 787 руб.
Египет		102 700 руб.
<i>Итого</i>		<i>7 221 539 руб.</i>

Выдача денежных ссуд русским подданным в Германии и Австро-Венгрии, за исключением города Будапешта, производилась дипломатическими и консульскими учреждениями Испании, в Будапеште – американским представителем, в Турции – итальянскими и американскими учреждениями и в Болгарии – нидерландскими.

По данным поступившей в МИД отчетности за период с начала войны до 1 сентября 1915 г. были израсходованы следующие суммы, в рублях (см. Табл. 2):

Таблица 2.

Страны	1914 г.	1915 г.			
		Январь	Февраль	Март	Апрель
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.
Австро-Венгрия	67 182	9 618	13 669	14 083	9 057

Болгария	33 490	4 067	2 883	2 327	2 334
Великобритания	120 304	10 100	1 515	17 322	101
Германия	593 832	86 438	97 632	115 492	94 517
Греция	42 419	15 683	6 320	7 970	11 890
Египет	125 347	—	—	—	—
Испания	10 564	—	—	—	—
Италия	125 798	1 266	3 995	428	1 982
Нидерланды	22 885	448	826	709	1 142
Норвегия	32 150	2 999	1 720	3 073	1 614
Португалия	7 434	2 000	—	—	—
Румыния	71 823	3 988	1 972	1 012	994
Сербия	7 354	88	412	608	—
Франция	214 093	4 308	5 035	6 957	8 111
Швейцария	149 162	5 069	7 277	3 299	3 071
Итого	1 623 837	146 072	143 256	173 280	134 813
	1915 г.				
	Май	Июнь	Июль	Август	Всего
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.
Австро-Венгрия	6 329	6 455	—	—	126 393
Болгария	1 886	1 314	2 062	2 344	52 707
Великобритания	1 212	2 424	17 550	24 779	195 307
Германия	72 124	—	—	—	1 060 035
Греция	7 128	2 238	4 544	6 652	104 844
Египет	—	—	—	—	125 347
Испания	—	—	—	—	10 564
Италия	—	—	—	—	133 469
Нидерланды	636	918	1 505	—	29 069
Норвегия	1 533	4 996	4 910	—	52 995
Португалия	—	—	—	—	9 434
Румыния	960	626	627	1 468	83 470
Сербия	—	—	—	—	8 462
Франция	3 132	4 050	—	—	245 686
Швейцария	—	—	—	—	167 878
Итого	94 940	23 021	31 198	35 243	2 405 660

Реализация гуманитарной миссии МИД по поддержке русских подданных, застигнутых военными действиями в Германии и Австро-Венгрии, столкнулась с серьезными финансовыми трудностями.

Хотя к январю 1915 г. значительное число русских подданных вернулось из Европы и Турции на родину, в воюющих странах оставалось немало соотечественников — в большинстве своем мужчин призывного возраста (военнообязанных) и членов их семей. По данным испанского посольства в Берлине, только в Германии оставалось не менее 7 000 нуждающихся в помощи русских подданных, из которых 4 500 находились в Берлине; в Дрездене — 120; в Ганновере, Галле, Гальберштадте и Лейпциге — 400; в Хемнице — 1 200; на юге Германии около 400 и в остальной части империи — 500. Кроме того, 5 300 гражданских задержали

в качестве «военнообязанных», из которых 1 300 человек помещены в Гольцминдене, 2 000 — в Гавельберге и 2 000 человек — в других германских концентрационных лагерях. На оказание им помощи требовалось, по подсчетам испанского посла, не менее 200 000 марок ежемесячно.

ЗАЩИТА ПРАВ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Уже к осени 1914 г. стало ясно, что воюющие державы явно недооценили масштабов развязанной ими перекройки мира. В отличие от всех предыдущих батальи эта война обернулась невиданным доселе катаклизмом, вовлекая в свое горнило миллионы человеческих жизней. Возросшая мобильность вооруженных сил и новые виды вооружений позволили значительно быстрее продвигаться по захваченной территории, не давая ни малейших шансов на спасение ни отступающим войскам, ни гражданскому населению. В первые же месяцы войны появились большие группы пленных, исчисляемые сотнями тысяч. Солдаты австро-венгерской армии (особенно мобилизованные из числа славянских народов — чехов, словаков и сербов) десятками тысяч складывали оружие перед русскими в Галиции. Германцы в свою очередь пленили десятки тысяч русских солдат при разгроме армии генерала Самсонова в августе 1914 г. в Восточной Пруссии.

В практическую плоскость встал вопрос о защите прав военнопленных.

21 октября/3 ноября 1914 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов поручил послу России в Испании Ф.А. Будбергу «просить королевское правительство дать поручение испанским послам в Берлине и Вене офици-ально довести до сведения германского и австро-венгерского правитель-ств, что в случае подтверждения полученных военными властями сведений о многочисленных актах насилия, совершенных германскими и австро-венгерскими властями в отношении российских подданных и военноплен-ных в Германии и Австрии, равно как и на театре военных действий, с нашей стороны последуют репрессалии» [10].

7/20 ноября 1914 г. посольство Испании в Петрограде вручило МИД России телеграмму испанского посла в Берлине. В ней говорилось о том, что посол передал германскому правительству вышеупомянутое сообщение российской стороны и полагает, что «сведения об актах насилия, которые могут быть приписаны германским властям, по большей части неточны или преувеличены».

Подобный ответ вызвал возмущение в Петрограде, что и получило соответствующее отражение в дипломатической переписке.

30 декабря 1914 г./12 января 1915 г. МИД России направил посольству Испании ноту следующего содержания (приводится с сокращениями).

«Российское императорское Министерство иностранных дел имело честь получить сообщение испанского королевского правительства от 7/20 ноября с телеграммой испанского посла в Берлине. Поскольку в этой телеграмме содержится утверждение, что «сведения об актах насилия, которые могут быть приписаны германским властям, по большей части неточны или преувеличены», российское императорское правительство считает должным просветить испанское правительство на этот счет, предоставив ему первые результаты проводимых нами исследований касательно нарушений законов и обычаев войны на суше, совершенных германскими и австро-венгерскими властями и войсками. Наиболее серьезные из этих нарушений можно отнести к следующим категориям.

I. Изувечение и умерщвление русских раненых.

Из многочисленных показаний российских солдат, лечившихся в госпиталях, следует, что германские солдаты весьма часто добивали русских раненых на поле брани. Некоторые из этих преступлений совершались даже на глазах у российских войск в тот момент, когда сии последние покидали поле боя, однако, обычно раненые хладнокровно и методично добивались по окончании сражения; об этих расправах сообщали российским властям раненые, которые сумели избежать истребления, прикинувшись мертвыми.

II. Казни российских пленных.

Имело место немало случаев расстрела российских пленными германскими и австрийскими войсками.

III. Вероломные нападения гражданского населения на российские войска.

Почти во всех городах и селениях, оккупированных или пересекавшихся российскими войсками, последние подвергались вероломным нападениям со стороны жителей, стрелявших по ним с крыш и из окон своих домов. Ознакомившись с приложениями, испанское королевское посольство легко убедится в том, что германское население нападало на россий-ские войска вероломным образом и это, конечно, должно было побудить сии последние к принятию репрессивных мер.

IV. Преступления, совершенные германскими и австрийскими войсками в отношении российского гражданского населения.

Поведение германских и австрийских войск в оккупированных ими местностях по отношению к российскому гражданскому населению следует квалифицировать как совершенно противное правилам, установленным Гаагской конвенцией 1907 г. (Отделение III. О военных властях на территории неприятельского государства). Путем официального расследования было установлено, что прусский комендант Калиша Прейскер отдал 22 июля приказ о расстреле местных жителей в силу вопиюще незаконных оснований или вообще без всяких оснований с единственной целью терроризировать население города, которое он считал, вероятно, недостаточно запуганным предшествовавшей тому бомбардировкой.

Захват заложников — еще одно нарушение действующих норм международного права, совершаемое германскими и австрийскими военными властями. Так, в Калише какое-то число чиновников и видных жителей города было арестовано и отправлено в Германию. Также и австрийские войска в конце августа увели с собой множество жителей, в том числе порядка 500 обитателей селения Мальчице и священников из многих других селений.

В тех же селениях австрийские военные власти в нарушение ст. 44 Гаагской конвенции с помощью угроз и насилия добивались от населения и, прежде всего, от священников сведений о российской армии.

V. Использование разрывных пуль австрийскими войсками.

Использование австрийскими войсками разрывных пуль многократно подтверждалось фактами, приводившимися в заявлениях российских военных властей и медицинских рапортах, а также фотографиями ран, патронов и пуль.

VI. Осквернение и разграбление церквей.

VII. Нарушения Женевской конвенции.

Официальные документы ясно показывают, что германские и австро-венгерские войска многократно нарушали положения Женевской конвенции 1906 г.

VIII. Использование вероломных приемов в нарушение ст. 23, п. b) Гаагской конвенции 1907 г. о законах и обычаях войны на суше.

Перечислив выше означенные случаи, российское императорское правительство отнюдь не исчерпало список нарушений законов и обычаев войны на суше, содеянных германской и австрийской армиями. Настоящим сообщением оно всего лишь хотело уведомить посольство его величества короля Испании о некоторых самых бесчеловечных и жестоких деяниях, совершенных союзными армиями. Основываясь на совокупности приведенных выше вопиющих фактов, Императорское министерство иностранных дел имеет честь еще раз заявить, что в случае продолжения подобных действий в отношении российских войск или гражданского населения оно будет вынуждено воспользоваться своим правом на репрессалии.

Российское императорское Министерство иностранных дел имеет честь просить испанское посольство сообразоваться официально, при посредстве правительства его католического величества, довести эту ноту до сведения германского и австро-венгерского правительств» [11].

Вопрос о нарушении германскими войсками Женевской конвенции от 6 июля 1906 г. «Об отношении к раненым и больным воинам, об отношении к врачебному и вспомогательному персоналу, госпиталям во время ведения военных действий», а также Гаагской конвенции 1907 г. О законах и обычаях сухопутной войны неоднократно поднимался российской стороной.

Так, в ноте товарища министра иностранных дел А.А. Нератова послу Испании в России Картахене от 10 июня 1915 г. ему в очередной раз сообщались факты грубого обращения с военнопленными, принятого в нарушение всех человеческих законов и норм международного права, ко-торые предлагалось довести до сведения германского правительства.

«Господин посол,

В продолжение предыдущих сообщений имею честь довести до сведения Вашего превосходительства показания, данные надлежащим воен-ным властям пятью российскими солдатами, бежавшими из Германии в мае месяце сего года.

Эти люди утверждают, что, попав в плен и будучи отправлены под конвоем в армейские тылы, они подвергались побоям и издевательствам не только со стороны проходивших мимо солдат, но и гражданских лиц. Их били хлыстами, пиками, прикладами ружей, саблями; пинали ногами, пле-вали им в лицо, бросали песок в глаза и т.п. Одного из них, казака, хотели расстрелять около пехотного бивака, и он избежал этой участи только благодаря своему «отказу» от принадлежности к казачьему сословию.

При допросе ему давили на глаза и, отделив от других пленных, вы-водили и ставили его на линию огня. Издевательства и оскорбления не прекращались и там. По прибытии пленных солдат в Логумкlostер трое из них оказались свидетелями того, как один российский пленный по име-ни Степан Кузнецов, возвращаясь с работы, получил убийственный удар прикладом в пах, от которого вскоре скончался. В Хаммерштайне они видели, как российского пленного закололи штыком. В Стендале пленных били резиновыми ремнями и натравливали на них собак; был даже один случай, когда пленному рассекли голову саблей.

Питание во всех лагерях было очень плохим. С 19 февраля пленные вместо фунта хлеба в день стали получать только половину этой порции. Утром в 6 часов им давали теплую воду с небольшим количеством муки, картофеля или желудей; в полдень — суп с горохом, морковью или свеклой; несколько раз в суп клали молотое мясо и дважды в неделю, в четверг и в субботу, — рыбу, но в очень малом количестве. Часто эта рыба и это мясо были плохого качества. По воскресеньям давали кофе. Письма и почтовые посылки до пленных не доходили. Санитарное состояние лагерей было плачевным.

Спали пленные на соломенных тюфяках в холодных помещениях на нарах в два или три этажа. За все время их только один раз сводили в ба-ню, чего было явно недостаточно ввиду множества заведшихся на них паразитов. Неудивительно, что в таких условиях среди пленных была большая смертность. Так, в Логумкlostере за три месяца из 2 тыс. русских 60 человек умерло.

В Шлезвиге пленные были заняты на тяжелых работах, таких, например, как добыча торфа. Они получали, хотя и нерегулярно, по 15 пфеннингов за 24 часа работы. Пленные неоднократно подвергались обыскам. В ходе таковых у одного из солдат отобрали часы стоимостью в 18 рублей, а у другого — в 25 рублей, у третьего — бритву, у четвертого — сапоги, у пятого — часы и 86 рублей деньгами.

По словам этих людей, с пленными французами и бельгийцами об-ходились лучше, чем с русскими.

Кроме того, все дружно говорят о привилегированном положении среди пленных представителей еврейской национальности. Германские власти наделяют сих последних исключительными привилегиями и преимуществами. Бежавшие солдаты рассказывают, что германские военные власти выдают российским пленным солдатам, евреям по происхождению, резиновые плетки и приказывают использовать оные против их русских товарищей при малейших промашках со стороны последних. Солдаты-евреи в полной мере пользуются этим разрешением и доходят в своем усердии до истязаний и убийств. На основании

рассказов бежавших русских пленных мы вправе заключить, что германские военные власти используют чувства расовой нетерпимости для установления строгого надзора за пленными и поощрения доноительства, не обращая внимания на неслыханные злоупотребления и преступные бесчинства, которые являются неизбежным следствием этого» [12].

Для российской стороны было особенно важно обеспечить контроль за тем, как обращаются с попавшими в плен офицерами и рядовыми русской армии. Поскольку испанские дипломаты, взявшие на себя защиту российских интересов в Германии и Австро-Венгрии (не бесплатно!), весьма неохотно посещали места заключения военнопленных, МИД настаивал на плановой проверке концлагерей. В этой связи министр иностранных дел С.Д. Сазонов просил поверенного в делах России в Испании Ю.Я. Со-ловьева обратить внимание испанцев на следующие вопросы:

«1) Дурное питание, равносильное голоданию, наших военнопленных в Германии.

2) Связанные с жестокими наказаниями за непослушание принудительные посылки пленных на французский и австро-итальянский фронты и другие работы, связанные с военными целями, а также в Болгарию и Сербию на железнодорожные и иные тяжелые работы.

3) Очень желательно добиться от германского правительства заключения соглашения об обмене пленных врачей и санитарного персонала.

4) Мы были бы крайне признательны за возможно частые командирования чинов посольства в разные лагеря для проверки многочисленных жалоб о положении пленных, о которых мы ему сообщаем, Вы могли бы дать мысль об увеличении личного состава посольства в Берлине по примеру американского в Петрограде, к которому ныне прикомандировываются еще новых пять лиц для объезда германских лагерей в России. Все расходы по объездам лагерей посол может покрывать из уже переведенных ему в марте ста тысяч рублей» [13].

Результатом этих усилий стало учреждение при испанском посольстве в Берлине специального отдела по делам русских пленных, во главе с особым уполномоченным в звании чрезвычайного посланника. В состав отдела вошли 9 офицеров и врачей испанской армии. Контролирующая деятельность испанского посольства стала носить постоянный характер, и российский МИД чаще получал необходимую информацию о положении дел в местах заключения. В июне 1916 г. посольство Испании в Берлине направило в испанское посольство в Петрограде развернутый отчет по 4 наиболее острым вопросам содержания военнопленных в немецких лагерях.

Российское внешнеполитическое ведомство объективно, но весьма сдержанно оценивало роль испанцев в оказании помощи военнопленным.

В записке Отдела о военнопленных МИД от 28 декабря 1916 г. отмечается, что на первых порах деятельность испанского правительства по охране интересов русских подданных в Германии и Австро-Венгрии и заботе о наших военнопленных в названных странах «не давала тех результатов, на которые императорское Министерство иностранных дел имело право рассчитывать. Поэтому российская сторона неоднократно настаивала перед испанским правительством на более энергичной защите им интересов наших пленных.

Путем повторных представлений, сделанных как через посредство императорского посла в Мадриде, так и через посредство императорских миссий в Стокгольме и Копенгагене, Министерству иностранных дел удалось обратить внимание испанского правительства на необходимость принять решительные меры к расширению и усилению деятельности дипломатических представительств Испании в Германии и Австро-Венгрии в смысле осведомления императорского правительства об условиях содержания русских пленных в этих странах. Результатом этих настояний было учреждение испанским правительством при испанском посольстве в Берлине особого отдела со значительным штатом делегатов, коим поручено было производить периодически объезды мест водворения наших военнопленных в Германии и Австро-Венгрии и представлять отчеты об условиях их содержания. Во главе этого отдела стоит особый уполномоченный, г-н Дельгадо, носящий звание

чрезвычайного посланника; в состав его входят следующие чины испанской армии: один полковник, деятельность которого распространяется на всю территорию Германской империи, два подполковника, два капитана, один лейтенант и два врача, круг деятельности коих ограничен районами расквартирования в мирное время определенных корпусов германской армии.

К сему прилагается доставленный испанской миссией в Стокгольме список с указанием всех мест водворения русских военнопленных в Германии, осмотренных, согласно сообщению означенной миссии, упомянутыми делегатами за время с начала военных действий по настоящий момент. Всего посещено ими: 44 офицерских лагеря, 131 солдатский и 190 лазаретов. Министерство иностранных дел располагает уже 195 донесениями означенных делегатов, каковые, представляя собой изложение впечатлений, полученных лицами, не владеющими русским языком и неспособными вследствие этого вполне исчерпывающим образом ознакомиться с положением наших пленных в том или другом лагере, все же дают обильный материал для некоторого осуждения об условиях, в которых русским военнопленным приходится жить в германском и австрийском плену.

Как явствует из этих донесений, испанские делегаты нашли большинство осмотренных ими мест водворения наших пленных в Германии удовлетворительными во всех отношениях, за исключением довольствия, крайне недостаточного, как они подтверждают, решительно во всех лагерях и рабочих командах» [14].

К февралю 1917 г. Отдел о военнопленных располагал более чем 225 донесений испанских делегатов, представлявших подробные сведения о посещенных ими 200 лагерях. Полученная информация давала основания для заявления протестов как относительно общего режима того или иного лагеря, так и отдельных военнопленных.

* * *

Подводя итоги сотрудничества российских и испанских дипломатов по оказанию помощи попавшим в беду российским соотечественникам и военнопленным в годы Первой мировой войны, можно вполне обоснованно дать высокую оценку их деятельности. Эта непривычная для дипломатов работа велась в нелегких условиях военного времени весьма ограниченными силами.

Посол Испании в Берлине Луис Поло де Бернабе, посол в Вене Антонио де Кастро-и-Касалеис, а также посланник в Брюсселе маркиз де Ви-льялобар относились весьма ревностно к возложенным на них обязательствам. Благодаря их поддержке многим нашим соотечественникам, испытывавшим в пути немало трудностей и лишений, все же удавалось прорваться домой через нейтральную Швецию и русскую Финляндию.

Самое деятельное участие в работе на гуманитарном направлении принял испанский король Альфонс XIII, создавший при своем личном секретариате Бюро помощи пленным. Испанцам удалось разыскать и репатриировать 21 тыс. военнопленных и около 70 тыс. гражданских лиц разных национальностей [15]. Немалое число среди них составляли наши соотечественники. Российское посольство в Мадриде часто вело через секретариат переговоры с враждебными государствами по вопросу об обмене пленными.

Дипломатические представители царской России и Временного правительства неоднократно выражали признательность Альфонсу XIII за его заботу о правах русских пленных и интернированных лиц. К сожалению, продолжительная деятельность короля на благо наших соотечественников до сих пор не была должным образом освещена ни испанскими, ни российскими специалистами, изучающими историю двусторонних отношений, и остается в целом мало известной широкой общественности наших стран.

После Октябрьской революции Испания отозвала своего посла из России. В начале января 1918 г. российский представитель получил прощальную аудиенцию у Альфонса XIII, и в российско-испанских отношениях наступила многолетняя пауза.

Цитируемые источники

1. Боткин С.Д. Три последних дня пребывания Императорского Посольства в Берлине // Известия МИД. — Петроград, 1916. Кн.1. С. 68—74.
2. Юсупов Ф.Ф. Мемуары. — М., 2007. С. 153.
3. АВПРИ, ф.159, оп. 749/3, д. 2636, л. 14—14 об.
4. АВПРИ, ф. 155. 1-5, оп. 709, д. 2216, л. 3.
5. Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата 1893—1922. — Мн.: Харвест, 2003. с. 254—255.
6. АВПРИ, ф. 155. 1—5, оп. 709, д. 2216, л. 38—38 об.
7. АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, Реорганизация МИД, оп. 731, д. 234, л. 1.
8. АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, Справочный материал, оп. 664/1, д. 105, л. 6.
9. АВПРИ, ф. 155. 1—5, оп. 709, д. 25, л. 3—16.
10. АВПРИ, ф. 156 «Юрисконсультская часть», оп. 457, д.926, л. 9 об.
11. АВПРИ. Ф. 156, оп. 457, д. 23, л. 1—4.
12. АВПРИ.Ф. 156, оп. 457, д. 112, л. 157—158.
13. АВПРИ, ф. 160, оп. 708, д. 2685, л. 4—4 об.
14. АВПРИ.Ф. 160, оп. 708, д. 2662, л. 4—5.
15. См. Медников И.Ю. Российско-испанские отношения в годы Первой мировой войны // История: электронный научно-образовательный журнал. 2011. Вып. 8: Новые перспективы в изучении истории Испании [Электронный ресурс]. URL: <http://mes.igh.ru/magazine/content/rossisko-ispanskie-otnoshenia.html>.

Литература

1. Воронин Е.Р. Первая мировая война. Errare humanum. Кто вино ват? — М.: МГИМО-Университет, 2014.
2. История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. — М., 2008.
3. Медников И.Ю. Испания в годы Первой мировой войны / Новая и новейшая история, № 4, 2007, с. 51—66.
4. Медников И.Ю. Историческое значение испанского нейтралитета в Первой мировой войне. М.: Вестник МГИМО-Университета № 4 (37), 2014, с. 26—34.
5. Памяти кн. Гр.Н.Трубецкого: сб. статей с предисловием П.Б. Струве. Париж. 1930.
6. Пахалюк К.А. Русские туристы в Германии в августе 1914 г. // Рей-тар. 2010. № 3. С. 161—168.
7. Россия и Испания. Документы и материалы. 1667—1917. Т. 2. — М.: АСТ, 1997.
8. Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893—1922. — М.: Хар-вест, 2003.
9. Чернявский С.И. Российские дипломаты в Первой мировой войне. М.: МГИМО-Университет, 2014.

Раздел II.

Ибероамериканский мир в пространстве и времени: актуальные вопросы языка и культуры

María García Antuña

CIESE-Fundación Comillas Grupo de Investigación “Semaínein”

La investigación en terminología. La relevancia del corpus oral para determinadas lenguas de especialidad

Este trabajo se enmarca dentro de un proyecto terminográfico plurilingüe sobre la marroquinería. En él presentamos las directrices seguidas y las dificultades encontradas para la configuración de una parte del corpus de vaciado extraída de fuentes orales. La escasez de fuentes documentales escritas en determinadas subáreas del árbol temático de la marroquinería dificultaba, en gran medida, la realización de un trabajo sistemático. En consecuencia, quedaba subsanar estos problemas metodológicos que nos planteaba la falta de un corpus escrito que fuera representativo de todos los campos temáticos. Esto fue solventado con la elaboración de un corpus oral.

Palabras clave: terminología, corpus oral, terminografía

THE INVESTIGATION IN TERMINOLOGY. THE RELEVANCY OF THE ORAL CORPUS FOR CERTAIN PROFESSIONAL LANGUAGES

This work is part of a multilingual terminographic project in the lexical field of leather goods. We present the guidelines we followed and the difficulties we met in setting up bases of the corpus extracted from oral sources. The scarcity of written documentary sources in certain sub-themes of the lexical field of leather goods considerably complicated carrying out the systematic work. Consequently, it was necessary to solve the methodological problems caused by the absence of a written corpus which would be representative for all thematic areas. This was settled by the development of an oral corpus.

Key words: terminology, oral corpus, terminography

1. INTRODUCCIÓN

La proliferación de trabajos terminográficos plurilingües en distintos sectores artesanales e industriales de la actividad económica española en los últimos años, debido, sobre todo, a la necesidad de una comunicación internacional por el aumento de las relaciones comerciales de España con otros países, ha favorecido el desarrollo de investigaciones realizadas conjuntamente entre distintas áreas de conocimiento.

Bajo este prisma interdisciplinar, se ubica este trabajo, que trata de abordar la recopilación y estudio de un corpus oral con fines terminográficos, concretamente, para la extracción de la terminología del sector marroquino, con el fin de la transmisión de conocimientos entre los profesionales y los grupos de interés internacionales de este sector.

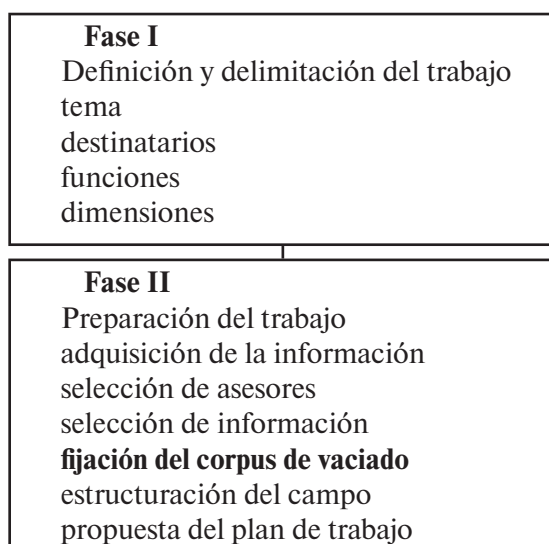
Por otro lado, y ya desde una perspectiva académica, este trabajo se integra en dos de las líneas de investigación del Grupo interuniversitario de excelencia “Semaínein” (“terminología y lenguas de especialidad” y “lingüística de la comunicación y tipos de lenguaje”), cuyo investigador principal es el profesor Miguel Casas Gómez. Asimismo, se enmarca en cuatro proyectos de investigación: a) un proyecto de la Junta de Andalucía (Convocatoria para la concesión de incentivos a proyectos de investigación de excelencia en equipos de investigación), “Estudio de la comunicación social y

estrategias lingüísticas en las interacciones médico-paciente, Administración-ciudadano y empresa-cliente” (HUM-01202) (Proyecto de Excelencia) entre 2006 y 2010, b) un proyecto financiado por el MEC y Fondos FEDER, “Estrategias lingüísticas aplicadas a la comunicación social: estudio de necesidades comunicativas y diseño de materiales en los ámbitos de la Medicina, la Administración y la Empresa” (HUM2006-12523/FILO) desde 2006 hasta 2008, c) un proyecto financiado por la Oficina de Transferencia de los Resultados de la Investigación (OTRI) del Vicerrectorado de Investigación, Desarrollo Tecnológico e Innovación de la Universidad de Cádiz, «Aplicaciones de la Lingüística en los ámbitos empresarial, tecnológico y de la comunicación social» y d) un Proyecto de Investigación de Excelencia (propuesta de Proyecto Motriz) de la Junta de Andalucía, titulado “Comunicación integral y planificación lingüística como estrategia para el sector de la piel en Andalucía” (HUM6823), concedido al grupo de investigación “Semaínein” y a la Fundación MOVEX Centro Tecnológico de la Piel de Andalucía. Los principales objetivos de este último proyecto han sido los siguientes: a) establecer y promover vínculos de colaboración entre el tejido empresarial del sector y el mundo universitario, concretamente el Área de Lingüística General de la Universidad de Cádiz a través de convenios específicos y contratos I+D que faciliten las transferencias de conocimiento y resultados de la investigación a las necesidades comerciales, b) realizar un análisis de los distintos grupos de interés de las empresas del sector marroquino para establecer las dificultades y los problemas comunicativos, c) concienciar a los empresarios sobre la importancia de las estrategias comunicativas para asegurar la competitividad del sector, d) elaboración del Léxico específico monolingüe de la Piel, e) elaboración del Léxico específico plurilingüe de la Piel, f) diseño de un software de aplicación que impulse la incorporación de las TICs para optimizar la comunicación externa de las empresas y, por tanto, sus relaciones con proveedores y clientes, g) dotar de recursos plurilingües a la asociación de empresarios para mejorar la presencia empresarial en el mercado exterior, h) gestión de una base de datos terminológicos de la marroquinería que permita el desarrollo de herramientas eficaces de traducción y permita la normalización del lenguaje específico del sector, e i) incrementar, mediante estrategias lingüísticas y comunicativas, la calidad, rapidez y transparencia de los servicios prestados al cliente.

Si bien este es el marco en el que se ha desenvuelto nuestro trabajo, debemos especificar que este capítulo tan solo se centrará en las directrices seguidas y las dificultades encontradas para la configuración de una parte del corpus de vaciado extraída de fuentes orales.

2. CONSIDERACIONES METODOLÓGICAS

Para la creación de un léxico específico de la artesanía de la piel, hemos seguido las pautas metodológicas propuestas ya en 1993, por Mª T. Cabré (1993: 289-352) y las propuestas de la Teoría Comunicativa de la Terminología, cuya vigencia sigue estando presente en la mayoría de trabajos terminográficos. Concretamente en este capítulo nos hemos ceñido a la segunda fase del proceso de trabajo terminológico monolingüe, en particular al proceso de fijación de un corpus (oral) de vaciado.

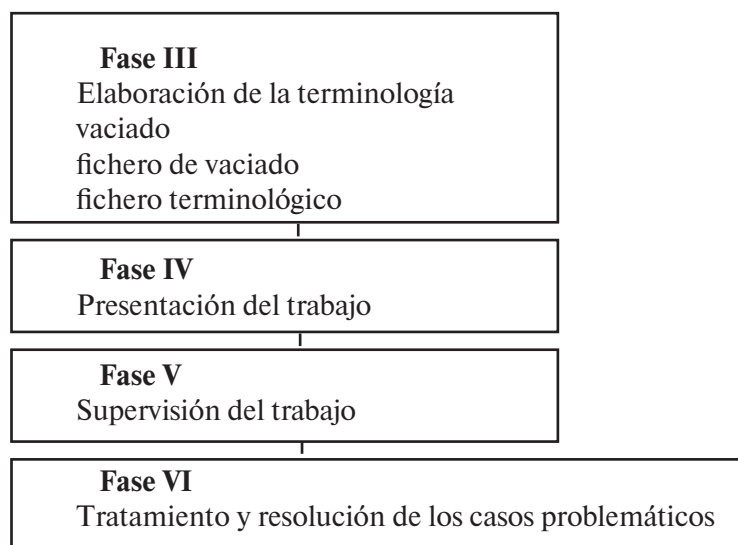

Figura 1: Esquema del proceso de trabajo sistemático monolingüe de Mª T. Cabré (1993: 292)

Este proyecto terminográfico denominado Léxico específico de la piel, concebido como un léxico monolingüe con equivalencias en francés, inglés y alemán, con un número de entradas que ronda aproximadamente las 2500, se ha caracterizado por la escasez de fuentes bibliográficas específicas del trabajo del marroquiner y por un vacío lexicográfico, que es el que, por otra parte, intentamos rellenar. Estas dificultades han sido las que han marcado en todo momento las pautas metodológicas a seguir. Así, se hizo necesario ampliar nuestros conocimientos sobre el área de la marroquinería por otras vías, en palabras de P. Auger y L. -J. Rousseau (1977/2003), mediante otros medios de exploración del campo de trabajo [1]. De ahí que nuestros objetivos se centraran, primeramente, en un acercamiento a la materia en cuestión a partir de la visitas a los Museos de la Piel de Igualada (Barcelona) y de Ubrique (Cádiz) y la toma de contacto con especialistas a través de distintas Instituciones como MOVEX, EMPIEL o AIICA con el fin de recopilar y clasificar las fuentes documentales proporcionadas por los propios especialistas; y, en segundo lugar, en la necesidad de establecer un primer listado de términos del sector, que nos permitieran realizar un bosquejo del árbol de campo, sobre el que empezar a trabajar. De este modo, este proyecto comenzó con la realización de encuestas por escrito, cuyos resultados nos permitieron obtener una visión global de la lengua de la marroquinería.

Tras la revisión, clasificación y evaluación por parte de los propios especialistas del resto de fuentes documentales escritas se realizó una primera estructuración conceptual del campo, que nos permitió identificar qué subáreas del árbol temático de la marroquinería estaban escasamente representadas por estas fuentes, para posteriormente completarlas mediante la fijación de un corpus oral.

Tomando como referencia, en este sentido, el Diccionario del calzado e industrias afines, obra lexicográfica que ha servido en mucho de los casos como fuente documental de términos de nuestro léxico, y siguiendo la metodología propuesta por A. Gómez González-Jover (2006) en su tesis sobre el léxico especializado del sector industrial del calzado, distinguimos 7 subáreas temáticas [2] (materiales, útiles y herramientas, maquinaria, artículos de piel, sistema de fabricación, espacios y seguridad y trabajadores de la piel).

Esta sistematización del campo, realizada bajo la supervisión y continuo asesoramiento del grupo de expertos y bajo la dirección de los responsables de EMPIEL (Asociación de Empresas de Moda y Piel de Andalucía) y la Fundación MOVEX, Centro Tecnológico de la Piel, recoge desde las materias primas utilizadas en la fabricación de los artículos de piel, hasta aquellas subáreas más generales, como todas las relativas al área estratégica, que pueden ser encontradas en otros campos de cualquier sector industrial y es, tal y como mencionamos en párrafos anteriores, el punto de partida para la configuración del corpus de vaciado, dado que la elección de la documentación fue condicionada por la representatividad de los textos en cada una de estas subáreas.

- 1.1. MATERIALES
 - 1.1.1 Pielés
 - 1.1.1.1 Tipos de pieles
 - 1.1.1.2 Partes de la piel
 - 1.1.1.3 Curtidos
 - 1.1.1.4 Calidad, propiedades y defectos de la piel
 - 1.1.1.5 Acabados de la piel
 - 1.1.2. Textiles y plásticos
 - 1.1.3. Adhesivos
 - 1.1.4. Fornituras
 - 1.1.5. Materiales de embalaje
- 1.2. ÚTILES Y HERRAMIENTAS
- 1.3. MAQUINARIA
- 1.4. ARTÍCULOS DE PIEL
 - 1.4.1 Tipos de artículos
 - 1.4.1.1. Pequeña marroquinería
 - 1.4.1.2. Bolsos
 - 1.4.1.3. Artículos de viaje
 - 1.4.1.4. Estuchería
 - 1.4.1.5. Guarnicionería
 - 1.4.1.6. Carteras de mano
 - 1.4.1.7. Otros artículos
 - 1.4.2. Componentes y piezas de los artículos
- 1.5. SISTEMA DE FABRICACIÓN
 - 1.5.1. Área estratégica
 - 1.5.1.1. Comercio
 - 1.5.1.2. Transporte y distribución
 - 1.5.1.3. Gestión
 - 1.5.1.4. Moda
 - 1.5.1.5. Indicadores de calidad y medidas
 - 1.5.1.6. Organismos e Instituciones
 - 1.5.2. Área productiva
 - 1.5.2.1. Procesos
 - 1.5.2.1.1. Diseño
 - 1.5.2.1.2. Patronaje
 - 1.5.2.1.3. Cortado
 - 1.5.2.1.4. Rebajado
 - 1.5.2.1.5. Fabricación
 - 1.5.2.1.6. Acabado
 - 1.5.2.1.7. Envasado
 - 1.5.3. Área de apoyo
 - 1.5.3.1. Compras/Almacén
 - 1.5.3.2. Mantenimiento
- 1.6. ESPACIOS Y SEGURIDAD
 - 1.6.1 Gestión medioambiental
 - 1.6.2 Riesgos laborales
 - 1.6.3. Espacios de la empresa
- 1.7. TRABAJADORES DE LA PIEL

Figura 2: Estructura conceptual del Léxico de la Marroquinería

3. DISEÑO DE UN CORPUS DE VACIADO DE LA MARROQUINERÍA

Teniendo en cuenta las dificultades encontradas en la obtención de documentación escrita, el diseño de un corpus que nos permitiera realizar de manera sistemática la extracción de la terminología se convirtió en una de las fases más importantes de nuestro proyecto. Por tanto, para la fijación de nuestro corpus de vaciado, partimos de lo postulado por P. Auger y L. -J. Rousseau (1977/2003: 38), quienes defienden que del rigor con el que se diseñe el corpus dependerá en gran medida el resultado final del trabajo terminográfico. De ahí, que hayan sido dos las condiciones que han caracterizado la configuración del corpus: de una parte, ser representativo del área de la marroquinería y de las distintas subáreas temáticas que lo integran; de otra, ser homogéneo, es decir, que los textos que lo conforman pertenezcan al mismo nivel de lengua y representen un estado sincrónico (cf. P. Auger y L.-J. Rousseau, 1977/2003: 38). Como consecuencia de ello, se realizó una nueva selección exhaustiva entre aquellos textos que sirvieron como primeras fuentes de información sobre el tema, ya que estos han sido durante todo el proceso, no solo la fuente de extracción de los términos, sino también de los contextos y de otras informaciones terminológicas útiles para nuestro léxico específico y se detectaron las lagunas que debían ser completadas con un corpus oral.

Los 190 textos escritos que conforman el subcorpus escrito de vaciado (410.197 palabras) han sido clasificados en: documentos de trabajo o documentación industrial, archivo histórico (corpus diacrónico), revistas especializadas, tesis y páginas web.

Entre la documentación industrial consultada, han servido de base para el corpus de vaciado: catálogos de productos, de pieles, de maquinaria; documentos de gestión, como hojas de pedido, informes anuales o convenios colectivos; documentos relativos a la fabricación, como hojas de rutas, manuales de instrucciones de máquinas, documento de distribución y almacenamiento de materiales y diseños de artículos de piel y documentos relativos a la seguridad laboral.

Asimismo, se ha incluido como texto para el corpus la tesis doctoral de E. Villagrán Medinilla (2001), *Dermatitis de contacto en la industria marroquinera de la Sierra de Cádiz*, por contener material terminológico importante sobre los distintos adhesivos utilizados en los trabajos de fabricación de los artículos de piel. Del mismo modo, forman parte del corpus escrito los artículos de la revista *Marroquinería Española*, en formato electrónico desde los años 2008 a 2010.

Las páginas web consultadas y seleccionadas para el corpus de vaciado fueron las páginas de 20 empresas, las web de dos asociaciones, EMPIEL y ASEFMA, la página de la Fundación, MOVEX, Centro Tecnológico de la Piel y las de dos empresas de intermediación comunicativa entre empresas marroquineras y clientes como Betangible.com o Ubrike.com.

Este subcorpus no hubiese sido representativo, al no abarcar todas las áreas temáticas del dominio. De ahí que creyésemos necesaria la incorporación de textos orales transcritos, aunque esto supuso una dificultad y un coste de tiempo añadido. No obstante, estimamos que esta fase ha sido fructífera en cuanto a la extracción terminológica, ya que, a pesar de que se encontró documentación escrita (poca si tenemos en consideración otras lenguas de especialidad), no se halló ninguna relativa a los componentes y piezas de los artículos (punto 1.4.2. dentro de la estructura conceptual del campo de la marroquinería. V. figura 2.) y ninguna documentación relativa al área de producción, concretamente a los procesos de diseño, patronaje, cortado, rebajado, fabricación, acabado y envasado (punto 1.5.2.).

4. CREACIÓN DE UN CORPUS ORAL

Tras una revisión bibliográfica, apenas hemos encontrado trabajos prácticos en los que la introducción de un corpus oral sea relevante en la elaboración de un proyecto terminográfico en español. Entre los trabajos consultados debemos destacar el realizado por C. Herrera (2010) del “Bureau de la Traduction (Travaux publics et services gouvernementaux Canada)”, quien realizó una encuesta sistemática en todas las secciones de la Royal Canadian Mint para la elaboración del *Léxico de la Acuñación y de la Tecnología de Enchapado de Monedas*. Otro trabajo similar al nuestro, es el realizado por Mª J. Jiménez Rubio (1981: 105-138), por ejemplo. Así, para la recolección de

los datos para un léxico de la cestería tradicional en la Rioja, realizó varias entrevistas en algunos talleres de la Rioja, tomando como base el cuestionario de cestería editado por el Museo Etnológico y Colonial del Ayuntamiento de Barcelona. Finalmente, en esta mismo marco metodológico, podemos ubicar la investigación de Mª J. Bau, Mª T. de Cuadra y A. Sánchez Villalón (2003), sobre el léxico del vino, quienes para la extracción terminológica de su léxico parten de un corpus escrito y de un corpus oral, en el que incluyen grabaciones de catas de vino.

Este papel secundario del corpus oral en los trabajos terminológicos, ya ha sido señalado por N. Seghezzi (2007: 2011) en sus estudios sobre la variación terminológica y el canal de comunicación, quien afirma que “primero desde la óptica de la teoría y luego desde la práctica terminológica, la oralidad en terminología ha tenido un lugar cuando menos relegado” (2007: 2). Esto ha demorado en gran medida nuestro proyecto terminográfico. Al no haber ninguna línea metodológica fijada para el diseño y la elaboración de un corpus oral para la extracción terminológica, hemos debido configurar nuestras propias pautas de seguimiento, que si bien no han sido todo lo rigurosas que nos hubiese gustado (en nuestro caso, las entrevistas se vieron en todo momento condicionadas por la actitud y disponibilidad de los entrevistados), sí hemos intentado ser lo más sistemáticos posible. Para ello, se diseñaron dos líneas de actuación: por una parte, la grabación de entrevistas semidirigidas con expertos y, por otra, la grabación de unas jornadas técnicas en las que expertos del sector trataban del léxico específico de la marroquinería. Como resultado obtuvimos un subcorpus de 175.049 palabras que completaron de manera eficaz las lagunas documentales de las distintas áreas temáticas.

4.1. LA GRABACIÓN DE ENTREVISTAS SEMIDIRIGIDAS CON EXPERTOS

Dadas las características de esta actividad artesanal, fue difícil llevar a cabo un trabajo sistemático como el propuesto por P. Auger y L. -J. Rousseau (1977/2003: 42-43). Así, estos autores recomiendan para la elaboración de la terminología de una empresa determinada, una encuesta sistemática, que permita, en el menor tiempo posible, recoger el léxico específico de todas las secciones de esa empresa. Sin embargo, “en un plan terminológico que cubra el conjunto de la terminología de una especialidad -puntualizan P. Auger y L. -J. Rousseau (1977/2003: 42)- se tenderá a utilizar una encuesta asistemática”, debido a la dificultad que implicaría realizar una encuesta sistemática en todas las empresas de un sector. Para ello, el paso previo consistiría en la selección de las empresas más representativas del área de trabajo, de modo que pudiera cubrirse el conjunto de la terminología. Esta última es la directriz metodológica seguida en nuestra investigación. Se realizaron entrevistas semidirigidas, que fueron previamente preparadas con la colaboración de los expertos, en 20 empresas entre las más de un centenar asociadas a EMPIEL. De estas, la mayoría fueron empresas manufactureras de la piel, aunque también se visitaron algunas empresas auxiliares a este sector dedicadas a la venta o alquiler de maquinaria o a la venta de materiales. Por otra parte, la selección de estas empresas fue realizada por la propia Asociación EMPIEL, lo que facilitó en gran medida el trabajo, favoreciendo la disposición de colaboración de los entrevistados.

Las encuestas se realizaron en las propias fábricas o talleres durante los meses de junio y julio de 2009 en sesiones de 4 horas aproximadamente y, aunque estas estaban dirigidas a los empresarios, en la mayoría de las ocasiones hay intervenciones de los distintos empleados encargados de las principales secciones de la fabricación. Para la realización de las grabaciones se utilizó una grabadora portátil de estado sólido PMD670 Marantz Professional, que la entrevistadora trasladaba durante la visita de la fábrica, lo que dificultó las condiciones técnicas de dichas grabaciones, sobre todo por los ruidos de la maquinaria y porque, en muchos de los casos, los artesanos contestaban mientras seguían trabajando, de ahí que estas hayan tenido que ser depuradas de ruidos para su correcta transcripción.

4.2. LAS JORNADAS TÉCNICAS

La configuración de un grupo de trabajo formado por un número selecto de asesores técnicos fue fundamental para la creación de este corpus, e incluso para la supervisión del trabajo, la elaboración de las fichas terminológicas y la selección y estudio de los textos que conforman el corpus. Con ellos, se organizaron unas jornadas técnicas (I Jornadas técnicas del léxico específico del sector de la marroquinería), coordinadas por la Asociación de Empresas Andaluzas de la Piel (EMPIEL) y el Área de Lingüística General de la Universidad de Cádiz. Estas jornadas tuvieron lugar durante los meses de

junio y julio de 2010, las cuales se dividieron en 24 sesiones de 4 horas cada una, comprendiendo un total de 96 horas. Cada una de las sesiones se centró en una subárea temática, prevaleciendo aquellas áreas de las que apenas se tenía documentación escrita. En ellas, la investigadora, limitó su papel al de moderadora. La incompatibilidad de los horarios de trabajo de estos reconocidos expertos supuso una demora importante en el desarrollo del proyecto. No obstante, la relevancia de su participación y la calidad de los resultados obtenidos tras su intervención ha sido más que evidente.

La escasez de fuentes documentales escritas y el hecho de no estar especializados en el área del trabajo de la marroquinería, provocó la necesidad de un asesoramiento continuo de los expertos para el desarrollo de las distintas fases de este proyecto terminológico, como el diseño del corpus oral, así como también para la selección de las fuentes que conforman el corpus de vaciado, el diseño del árbol del campo o la elección de los posibles términos que conforman el léxico específico. De ahí que la selección de estos expertos fuese objetivo primordial en las primeras fases del proyecto. En cuanto a esta selección, en su manual sobre la metodología de la investigación terminológica, P. Auger y L.-J. Rousseau (1977/2003: 32) proponen una serie de criterios (adoptados y ampliados por A. Gómez González-Jover [3], 2006: 333) que hemos aplicado a la hora de decidírnos por uno u otro informante:

1. disponibilidad de estos asesores para participar en las jornadas;
2. competencia profesional y experiencia, valorándose esta última, sobre todo, al tratarse de un trabajo tradicional cuyas técnicas se han heredado de generación en generación;
3. apertura mental, que facilitara el trabajo en un equipo multidisciplinar y la resolución de los posibles conflictos, y
4. el interés por la investigación terminológica, aspecto este importante, ya que la mayoría de los expertos vieron en este proyecto no solo un trabajo etnográfico, que describía las tradiciones y cultura de Ubrique, como pueblo marroquiner, sino también una herramienta útil para resolver los problemas de comunicación, tanto externa como interna, observados en muchas de las empresas del sector.

Además, siguiendo las propuestas de estos terminólogos (1977/2003: 19), pudimos disponer de la ayuda de asesores provenientes de distintos campos, a fin de contar con varios puntos de vista que enriquecieran el trabajo. En este sentido, se consiguió una representación de los siguientes sectores:

1. industria: asesores de EMPIEL y trabajadores y expertos del sector;
2. enseñanza profesional: de este campo, destacan las aportaciones de B. Pérez Sánchez de Medina, licenciado en Filología Hispánica, profesor de secundaria retirado y autor del libro *El Habla de Ubrique* y, sobre todo, del doctor en Historia F. Sígler Silvera, profesor de la UNED con una importante producción científica. Este último nos asesoró en la revisión del Archivo Histórico de Ubrique y en todos los datos relativos a la historia de la marroquinería;
3. investigación: de este sector participaron miembros del Grupo de Investigación “Semaïnein” (HUM-147 del PAI) del Área de Lingüística General de la Universidad de Cádiz y miembros de la Fundación, MOVEX, Centro Tecnológico de la Piel, y
4. función pública y sociedades culturales, de este modo, participaron en nuestras jornadas la directora del Museo de la Piel de Ubrique y parte del personal técnico del mismo.

4.3. HERRAMIENTAS INFORMÁTICAS UTILIZADAS PARA EL PROCESAMIENTO DEL CORPUS ORAL

No se ha utilizado ninguna herramienta informática de transcripción de archivos de audio, ni ningún programa de ayuda a la transcripción [4], realizándose esta de modo tradicional, mediante la conversión del audio en un archivo Word.

No obstante, sí se utilizó el programa libre y de código abierto Audacity 1.2.6., que nos permitió editar las grabaciones, concretamente reducir el ruido de las mismas, lo que facilitó la inteligibilidad de las voces. Para ello, se aplicó a cada una de las grabaciones el efecto “eliminación de ruido”.

Esta opción nos permitió obtener el perfil de ruido que queríamos eliminar (el sonido del aire acondicionado, el ruido producido por alguna máquina o el murmullo de otros trabajadores hablando de fondo) y aplicarlo a cada una de las grabaciones antes de comenzar con la transcripción.

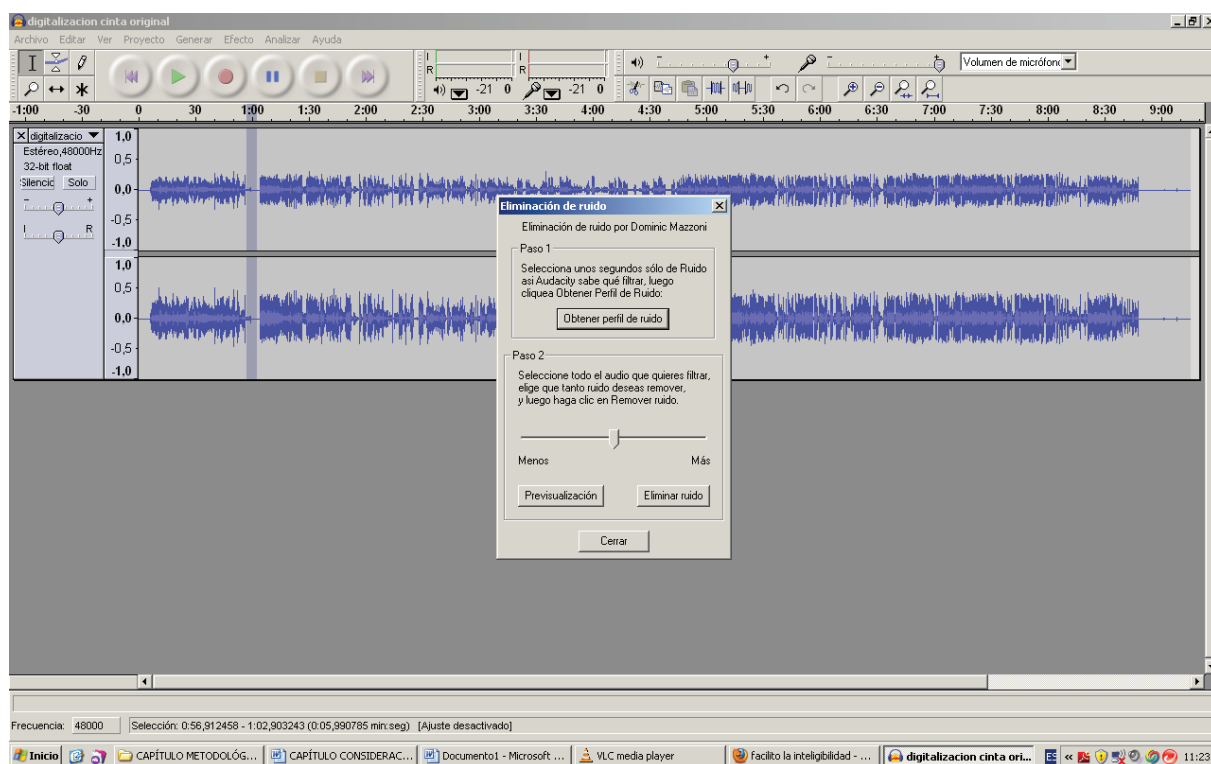

Figura 2: Captura de pantalla del programa Audacity

5. CONCLUSIONES

Para concluir, debemos señalar en primer lugar que, a pesar de la relevancia que han tenido en nuestro corpus los textos orales, compartimos plenamente lo expuesto por P. Auger y L. -J. Rousseau (1977/2003: 43), quienes afirman que la lengua oral vehicula solo una parte de la terminología, por lo que es necesaria la utilización de fuentes escritas para completar el corpus.

Finalmente, creemos que la escasez de proyectos terminográficos que partan de corpus orales así como la escasez de propuestas metodológicas para el diseño y la elaboración de un corpus oral justifican en cierta medida la necesidad de un trabajo de investigación como el que se ha llevado a cabo aquí. Quede, no obstante, advertido que esta investigación pretende ser tan solo un primer acercamiento de naturaleza práctica y, en concreto, una contribución de carácter metodológico en el ámbito terminográfico, con objeto de sentar las bases técnico-metodológicas para la configuración de un corpus oral de una lengua de especialidad.

Notas

1. P. Auger y L. -J. Rousseau (1977/2003: 31–33) distinguen tres maneras distintas de acercarse al campo de trabajo : la búsqueda de documentación preliminar; sondeos y encuestas de campo, lo que implica una primera visita a las empresas, encuentros con directivos y empleados, que permitan al terminólogo conocer el ámbito en el que va a desarrollar su trabajo y las necesidades y las prioridades de los que serán usuarios de su diccionario o de su trabajo terminográfico y, la selección de informantes, que le asesorarán durante el desarrollo del proyecto.

2. En cuanto a la división en 7 grandes áreas temáticas que se subdividen, a su vez, en 13, no deja de ser una clasificación “en gran medida artificial” y susceptible de críticas. Esta subdivisión ha sido el fruto de la reflexión de una selección de expertos del ámbito de la marroquinería, por lo que otros criterios lingüísticos o terminológicos se han visto supeditados a sus decisiones.

3. A los criterios propuestos por P. Auger y L. -J. Rousseau, la autora añade otros, ofreciendo la siguiente relación: disponibilidad, especialización en el dominio, conocimiento del conjunto del área, competencia, experiencia profesional, conocimiento de la lengua de partida y de la lengua de llegada (en casos de proyectos bilingües), interés por la investigación terminológica, capacidad de trabajo en equipo y mentalidad abierta.

4. Entre los programas de ayuda a la transcripción, encontramos el Soundsciber, programa de la Universidad de Michigan, consistente en un pedal electrónico que facilita una serie de opciones para la transcripción de archivos digitales, el Transcriber, programa de características similares al anterior, o el Transana, programa que permite abrir en pantalla de forma simultánea un archivo de audio y un procesador para escribir la transcripción. Para un análisis detallado sobre las herramientas informáticas aplicadas a la transcripción de grabaciones, consúltese el trabajo de Mª C. Sánchez Gómez y F. I. Revuelta Domínguez (2005: 367–386).

Referencias bibliográficas

1. Auger, P. y Rousseau, L. –J. 1977/2003. Metodología de la investigación terminológica, Málaga: Universidad de Málaga.
2. Bau, Mª J., de Cuadra Mª T. y Sánchez Villalón, A. 2003. “La relevancia del corpus oral en la confección de entradas léxicas de la cata de vino: Winetasting-Term”, RESLA, 16, 53–66.
3. Cabré, M.T. 1993. La terminología: teoria, metodologia, aplicacions. Barcelona: Empúries.
4. Gómez González-Jover, A. 2006. Terminografía, lenguajes profesionales y mediación interlingüística. Aplicación metodológica al léxico especializado del sector industrial del calzado y de las industrias afines, Tesis doctoral, Alicante: Universitat d’Alacant, [en línea], <http://rua.ua.es/dspace/bitstream/10045/760/1/tesis_doltoral_adelina_gomez.pdf>.
5. Herrera, C. 2010. Léxico Trilingüe de la Acuñación de la Moneda y de la Tecnología de Enchapado de Monedas, [en línea], <<http://www.btb.gc.ca/publications/documents/monnaie-coin.pdf>>.
6. Jiménez Rubio, Mª J. 1981. “El léxico de la Cestería tradicional en la Rioja”, Berceo, 100, 105–138.
7. Sánchez Gómez, Mª C. y Revuelta Domínguez, F. I. 2005. “El proceso de transcripción en el marco de la metodología de investigación cualitativa actual”, Enseñanza, 23, 367–386.
8. Seghezzi, N. 2007. “El papel de la oralidad en la terminología”, Interlingüística 18, 1–10.
9. Seghezzi, N. 2011. Variación terminológica y canal de comunicación, Tesis doctoral, Barcelona: IULA. Universitat Pompeu Fabra.
10. Palenzuela Pérez M. del M., Murashkina O.

Palenzuela Pérez M. del M., O. Murashkina

Estrategias docentes del profesor en el aula

Debido a la diversidad en el aula el profesor debe desarrollar una serie de estrategias que le permita transmitir conocimiento de un modo efectivo. La labor docente se dificulta, aún más, en el aula de idiomas donde además de las diferencias propias del individuo como pueden ser los estilos cognitivos, la motivación o la autoestima se añaden otras como pueden ser nacionalidad, edad o idioma materno.

Este trabajo analiza el papel del profesor en el aula describiendo estrategias docentes implementadas en el aula en un contexto de instrucción formal. Las estrategias se han desarrollado a partir de los preceptos postulados por la teoría de las inteligencias múltiples.

Palabras clave: diversidad en el aula, estrategias docentes, L2, inteligencias múltiples

TEACHING STRATEGIES IN LANGUAGE CLASSES

Because of the diversity in the classroom, the teacher should develop a series of strategies that allow you to transmit knowledge effectively. Teaching is difficult, even more, in second language classroom, where in addition to the student’s individual differences, such as cognitive styles, motivation and self-esteem, are added others, such as nationality, age or mother tongue.

This paper describes the role of the teacher in the classroom and the teaching strategies implemented in the classroom in a context of formal education. Strategies have been developed from the precepts postulated by the theory of multiple intelligences.

Key words: *diversity in the classroom, teaching strategies, L2, multiple intelligences*

1. INTRODUCCIÓN

La inteligencia suele incluirse dentro de las diferencias individuales que afectan al aprendizaje, por este motivo, se produce una relación entre inteligencia y adquisición de una lengua extranjera. La teoría de las inteligencias múltiples, defiende la pluralización del concepto de la inteligencia humana y la necesidad de un enfoque pluridisciplinar de la enseñanza. Por este motivo, el profesor podrá desarrollar estrategias de docentes a través de diversas inteligencias: lingüística, lógico-matemática, musical, cinética, espacial, interpersonal o intrapersonal [1] para favorecer un aprendizaje con éxito. Se trata de presentar las inteligencias fortaleciendo aquellas más débiles y romper con el tradicional desarrollo de la capacidad lingüística en la enseñanza de una L2.

2. EL PAPEL DEL PROFESOR EN EL AULA

La teoría de las inteligencias múltiples (IM) como acercamiento práctico al aula abre interesantes implicaciones para el aprendizaje. Desde el punto de vista del docente [2] es importante señalar que para implementar un programa basado en esta teoría no es necesario hacer diferentes planes para cada estudiante según su inteligencia, sino que hay que variar la instrucción para hacer posible la inclusión de las inteligencias según el perfil de los alumnos. De este modo, el profesor puede proporcionar una metodología potenciando la inteligencia más fuerte del alumno y al mismo tiempo fortalecer la inteligencia más débil del mismo. Williams [3, 2] asevera: In a time of increasing diversity in the classroom, multiple intelligences offer many clues as to how to take advantage of all the varieties of intelligences students bring to the classroom. Por este motivo, el docente debe propiciar que el aprendiente se centre en desarrollar las áreas donde es fuerte y posteriormente concentrarse en las áreas en las que son más débiles. De este modo se fomentará la autoestima del alumnado permitiéndole ser consciente de sus talentos y fortalezas, y se percatará de cómo trasladarse de sus inteligencias dominantes a sus inteligencias menos dominantes: Teachers who acknowledge all of the intelligences as legitimate ways to learn can encourage students to engage and use their strengths as springboards for translating from one intelligence to another [4, 49].

Del mismo modo que los alumnos tienden a aprender usando su inteligencia más fuerte, los profesores tienden a enseñar a través de su inteligencia más fuerte. Por este motivo, cuando un profesor desea implementar un programa basado en las inteligencias múltiples debe comenzar aplicandoselo a él mismo. En este sentido Luca [5, 7] señala:

El primer paso es determinar la naturaleza y calidad de nuestras propias inteligencias múltiples y buscar las maneras de desarrollarlas en nuestras propias vidas. Cuando nos abocamos a esta tarea se pondrá de manifiesto cómo nuestra particular fluidez o falta de ella afecta nuestras competencias como educadores [...]. Esta teoría es una herramienta especialmente útil para observar nuestras fortalezas y debilidades en las áreas que utilizamos los docentes, porque nos permite observar todas las actividades que realizamos para alcanzar nuestros objetivos, y también cuales acciones dejamos de lado por cuanto no nos sentimos cómodos al ejecutarlas.

Además de ser consciente de sus inteligencias más fuertes, el docente debe ser consciente de que cuando imparte clase no sólo transmite conocimientos [6]. A través del habla, de la interacción con los alumnos y de los alumnos entre sí, por ejemplo, se determinará el desarrollo de ciertas actitudes y estrategias emocionales de los alumnos. Robles [6, 85] señala que por este motivo:

Se trata de tomar conciencia de lo que ya estamos haciendo, prestarle atención además de a los contenidos académicos que estamos impartiendo a las actitudes y estrategias emocionales cuyo desarrollo estamos favoreciendo en nuestra aula y empezar a sistematizar muchas de las cosas que ya hacemos de forma intuitiva.

Las aulas en las que conviven todas las inteligencias pueden ayudar a los aprendientes a desarrollar todas sus capacidades pero también necesitarán disponer de más tiempo para poder hacerlo, por lo tanto, el profesor debe ser flexible y paciente, de este modo los estudiantes podrán traducir desde

sus modos dominantes de producir información a las áreas que les son más complejas de un modo relajado y sin estrés.

Por otro lado, debemos recordar que el aprendizaje además de ser un evento social y biológico [2], depende de conocimientos y experiencias previas y de otras estructuras neuronales. Estas características propias del aprendizaje implican que cada individuo es único en el modo en el que aprende. Por lo tanto, si en las aulas hay alumnos que tienen diferentes inteligencias y experiencias, entonces los profesores deberán presentar su currículum con variaciones que contemplen estas particularidades. En este sentido Hoerr [7, 19] señala que: *Viewing and talking about students from the perspective of MI enable us to look at how each student is unique. We need to know how students learn best in order to adjust our curriculum and instruction.* En concreto, la predisposición del cerebro tiende a buscarle sentido a las cosas a través de la experiencia. En el ámbito del aprendizaje, esto se traduce en la búsqueda de pautas comunes y nuevas relaciones conectando lo que ha sido aprendido con la experiencia y con la nueva información. Por otro lado, si el contenido del material no tiene sentido para el estudiante o si el estudiante no puede relacionarlo con la vida real o su experiencia, entonces su cerebro no trabajará para aprenderlo. Esto sugiere que para llegar a estar interesados o comprometidos en aprender más sobre un tema el estudiante necesita en una etapa temprana del proceso de aprendizaje conectar el nuevo material con el que ya ha sido aprendido o con la experiencia de la vida real. Esto es un gran reto para el profesor ya que se requiere que estén preparados y alerta para captar las conexiones que a ellos les puedan parecer obvias pero que no lo son para los estudiantes. Siguiendo esta línea, la experiencia de la vida real llega a ser el organizador de la educación, aunque en ocasiones se desconoce hasta qué punto los profesores pueden asumir que los estudiantes están haciendo conexiones con la vida real. En general, se asume que los aprendientes tienen la voluntad de almacenar la información para un posible uso futuro. Por este motivo, decidir la mejor manera de presentar un tema es muy importante ya que los estudiantes pueden sentirse comprometidos o desconectar rápidamente. El profesor debe cambiar continuamente su método de presentación de la unidad de lo lingüístico a lo espacial, y de lo espacial a lo musical, por ejemplo, combinando inteligencias de forma creativa.

Esta metodología puede ponerse en práctica en diversos contextos educativos, desde entornos muy tradicionales, donde los profesores pasan gran parte del tiempo enseñando directamente a los alumnos, hasta ambientes abiertos donde los estudiantes regulan gran parte de su propio aprendizaje, pero debemos tener en cuenta, en cualquier caso, que cuando incluimos todas las inteligencias en el aula éstas deben plasmarse además en el currículum, la instrucción, la evaluación/ valoración y el entorno escolar [8].

En este sentido Gardner [9], aplicar las inteligencias múltiples al aula de L2 puede ayudar a los profesores a encontrar un sendero de entrada para descubrir y llegar a los intereses y motivaciones de los aprendientes aunque debe tenerse en cuenta que el material escolar puede no conectar con las inteligencias específicas del estudiante. Debe tenerse en cuenta que implementar en el aula de inglés un programa basado en la teoría de las inteligencias múltiples implica usar más recursos que el libro de texto. Debemos incorporar nuevas tareas que complementen el libro de texto y proporcionen un aprendizaje significativo con situaciones repetitivas y participativas, relacionadas con el entorno cultural y lingüístico de la L2. En este sentido Hoerr [7, 19] señala:

Students learn best and teachers teach best when teachers develop, modify, and personalize the curriculum. Yet in most cases state and district expectations and publisher's scope and sequence paths need to be followed.

Textbooks often serve as default curriculum guides, becoming the teacher's planner [...]. Using the IM framework helps plan an array of experiences and activities that allow all children, not just the linguistically or logicalmathematically inclined, to use their strongest intelligences in learning.

Por este motivo, el entorno escolar puede tener efectos en la calidad de aprendizaje si las clases son muy pasivas, los estudiantes están sentados en el mismo sitio durante todo el curso y el profesor se ciñe estrictamente al currículum del libro de texto. Arnold [10, 177] apunta que:

Esta visión del aula dista mucho de ser un lugar donde existe un aprendizaje real, profundo y duradero. Para esto hace falta otra imagen: un espacio donde se reconozca la necesidad del alumno de participar, de encontrar significados personales en la asignatura, de ser reconocido como un

individuo, y, no menos importante, de moverse.

Un entorno escolar o instruccional diseñado desde la óptica de las IM debe comprometerse con la innovación, proporcionar tiempo estructurado durante la semana para que los profesores reflexionen e incluso pongan en marcha nuevas estrategias, y para que refuercen y enfatizen cada éxito de los aprendientes cada día. En este sentido Hoerr [7, 5] señala: MI can be a powerful tool for reaching students, but using it effectively requires teachers to devote the time and energy to understand MI theory and then decide how it can be used in curriculum development, instruction, and assessment.

Armstrong [2] - a pesar de afirmar que el profesor puede adoptar diversas estrategias docentes - la teoría de las IM postula que no existe un conjunto de estrategias docentes adecuado siempre y en todo momento para todos los alumnos- nos proporciona ocho pasos que el profesor debe seguir en un aula de IM:

- Céntrese en un objetivo o tema específico.
- Formule preguntas clave de IM, ayudará a preparar el impulso creativo para los siguientes pasos.
- Considere las posibilidades: ¿qué métodos y materiales parecen más adecuados?
- Tormenta de ideas. Apuntar todo lo que se nos ocurra.
- Seleccionar actividades adecuadas.
- Establecer un plan secuencial.
- Ponga el plan en práctica, reúna los materiales necesarios, seleccione un marco temporal adecuado y lleve a cabo el plan. Modifique la lección según las necesidades para incorporar los cambios que se vayan produciendo durante su aplicación.

3. ESTRATEGIAS DOCENTES

El uso de estrategias creativas e innovadoras genera procesos de enseñanza y aprendizaje más activos, eficientes y de mayor calidad, ya que potencia el autoconocimiento con respecto a las inteligencias múltiples y mejora la autoestima de los alumnos. Con el uso de estrategias docentes en el aula de lenguas extranjeras:

Teachers are better able to tap into the areas of personal meaningfulness of their students since their students since they are recognizing the differences inherent in the students and putting individuals with their different ways of learning where they belong, back at the centre of the learning process. Language learning can be supported by bringing in the musical, visual-spatial, bodily-kinaesthetic, interpersonal, intrapersonal, mathematical and naturalistic abilities as they constitute distinct frames for working on the same linguistic content. Not only does this variety of presentations allow students to learn in their own best ways, it also helps to reduce boredom as language learning requires frequent circling back over some material if learning is to be sustained [11].

Existen diferentes estrategias que pueden implementarse en el aula de L2 a través de tareas destinadas a fomentar una inteligencia o una combinación de ellas según el perfil del alumno o del grupo. A continuación señalaremos algunas estrategias docentes asociadas a las inteligencias descritas por [1].

3.1. ENTORNOS DE INSTRUCCIÓN FORMAL

Entre las estrategias destinadas a fomentar la inteligencia lingüística en el aula, Armstrong [2] menciona la tormenta ideas. Mediante esta tarea los alumnos producen un torrente de pensamientos verbales que se pueden ir anotando en la pizarra o en una transparencia para el proyector. La tormenta puede girar en torno a cualquier tema, palabras para escribir un poema en clase, ideas para desarrollar un proyecto en grupo, etc. Las normas generales para las tormentas de ideas son: compartir todo lo que venga a la mente que pueda ser relevante, no despreciar ni criticar idea alguna, todas las ideas son válidas. Cuando todos hayan expresado sus ideas, hay que buscar relación entre ellas, esta estrategia permite que todos los alumnos que tienen una idea reciban un reconocimiento especial por sus aportaciones originales.

La grabadora es otra herramienta muy valiosa de aprendizaje en el aula de L2 ya que ofrece a los alumnos un medio para conocer su potencial lingüístico y les ayuda a emplear las habilidades verbales para comunicarse, resolver problemas y expresar sentimientos. La narración o redacción de un diario es otra estrategia lingüística muy eficaz puesto que exige que los estudiantes escriban de

forma continuada sobre un tema específico.

Con respecto a las estrategias docentes para la inteligencia lógico-matemática hay que señalar que normalmente el pensamiento lógico-matemático se restringe de forma casi exclusiva a las clases de matemáticas y de ciencias. Sin embargo, existen componentes de esta inteligencia que son aplicables a todo el currículo mediante cálculos y cuantificaciones, clasificaciones y categorizaciones, preguntas socráticas, la heurística y el pensamiento científico. Arnold y Fonseca [11, 127] afirman que: *In the language classroom problem-solving tasks are useful as learners focus mainly on meaning, but through constant rereading of the text to solve the problem, they acquire a familiarity with the vocabulary and structures used.*

La inteligencia espacial responde a imágenes mentales o provenientes del mundo exterior: fotos, diapositivas, películas, dibujos, símbolos gráficos, lenguajes ideográficos, etc. Las tareas que incluyen esta inteligencia son los dibujos y las ilustraciones interactivas así como las actividades físicas.

Actividades de este tipo pueden realizarse antes de leer o escuchar en la L2, de este modo se activa la formación de imágenes mentales que los alumnos activarán en la interacción con la nueva información, Ávila [12, 148] afirma que:

Si los alumnos dibujan mientras leen podrán generar representaciones mentales del texto; si se les pide que dibujen después de la lectura se fomentará la consolidación de la comprensión del texto y, finalmente, si se les pide que dibujen con cierta demora de la experiencia, se profundizará en la comprensión y se activará el recuerdo. El comentario verbal sobre los dibujos puede activar la codificación dual de la información a la que se hacía referencia arriba y mejorar la comprensión. Además, las actividades físicas relacionadas con la información nueva pueden facilitar la interacción entre palabras, imágenes y las acciones.

Uno de los modos más sencillos de ayudar a los estudiantes a traducir en imágenes los materiales de aprendizaje consiste en pedirles que cierren los ojos y se imaginen lo que están estudiando de modo que los alumnos creen su propia pizarra interior. Otra estrategia consiste en pedir a los estudiantes que cierren los ojos y vean imágenes de lo que acaban de leer o estudiar, emplear imágenes verbales, las señales de colores, por ejemplo, o marcar en rojo las palabras con “th” en una clase de pronunciación de inglés.

Las metáforas gráficas son otro gran recurso, éstas consisten en utilizar una idea para referirse a otra de manera que la metáfora gráfica expresa una idea en una imagen visual. Los bocetos de ideas, por otro lado, consisten en pedir a los alumnos que dibujen el punto clave o la idea principal del tema que se esté impartiendo. Otros juegos recurrentes son el Pictionary y aquellos que incluyan símbolos gráficos como palabras o imágenes.

El uso de estrategias docentes para la inteligencia cinético-corporal implica atender a las respuestas corporales, por ejemplo, presentando conceptos que incluyan actividades con componentes de movimiento, de tocar o de manipular objetos. Arnold [10, 184] señala que:

En el contexto del aula de una lengua extranjera o segunda lengua, hay muchas maneras de utilizar el movimiento. Una de las más obvias tiene que ver con la dinámica del aula. Por ejemplo, al principio del curso para que los miembros del grupo puedan aprender los nombres de los demás y conocerse mejor, a la vez que practican el uso de preguntas personales sencillas, se pide a los alumnos que se pongan en un círculo y uno tira una pelota de esponja hacen una pregunta (*What's your name? How old are you? Where do you live?...*) que la persona que recibe la pelota tiene que contestar antes de tirarla de nuevo y hacer otra pregunta.

Algunas de las estrategias que pueden emplearse para poner en práctica la inteligencia cinético-corporal consiste en pedir a los alumnos que respondan a las instrucciones usando el cuerpo como medio de expresión, realizar obras de teatro en clase, juegos como el de las charadas³¹, el pensamiento manual... Los alumnos que muestran signos de inteligencia cinético-corporal deben tener la oportunidad de aprender manipulando objetos, usando las manos o realizando mapas corporales.

En lo que respecta a la inteligencia musical, debe recurrirse a los ritmos, canciones, raps y coros. Recurrir al canto, por ejemplo, facilita la memorización y el uso de música durante la lectura y proporciona un ambiente idóneo para potenciar el pensamiento abstracto [13]. Una estrategia consiste en extraer la idea principal del tema que están aprendiendo y convertirlo en una canción

o en un formato rítmico que se pueda golpetear, cantar o corear, en deletrear palabras siguiendo el ritmo de un metrónomo o en lecciones musicales grabadas [2]. Los alumnos deben relajarse y entonces, mientras el profesor explica rítmicamente la lección, la música suena de fondo. Los conceptos musicales como los tonos sirven como herramienta creativa para expresar conceptos, modelos o esquemas en diversos campos. Usar la música según el estado de ánimo también puede ser útil para explotar la unidad, para ello es interesante recurrir a una música que cree un estado de ánimo o un ambiente emocional adecuado para una lección o unidad. En definitiva, Fonseca [14] señala:

La música ha sido utilizada en las clases de lengua porque facilita el desarrollo de la expresión y comprensión lectoras, la adquisición de vocabulario, ayuda a la pronunciación y actúa como elemento desinhibidor en el proceso creativo de la escritura. Leer un texto significa sonorizar un mensaje escrito. Tanto en la lectura en voz alta como en la lectura silenciosa, las graffias que descifra el ojo necesitan apoyarse en los elementos sonoros: los fonemas o sonidos, el acento, el ritmo y la entonación.

La inteligencia interpersonal proporciona la capacidad de trabajar en equipo de un modo cooperativo. Algunos alumnos con una inteligencia interpersonal muy desarrollada necesitan que sus ideas sean aceptadas por los demás para funcionar bien en clase. Son alumnos sociales y por tanto, responden de un modo muy positivo al aprendizaje cooperativo. Actividades de estas características son las esculturas humanas, por ejemplo, para tratar partes del cuerpo, en este caso cada estudiante representa una parte de él, y deben unirse de modo adecuado; o una frase, y cada alumno es una palabra y deben componer una frase correctamente. También pueden hacer grupos de cooperación, ya que la presencia de grupos pequeños trabajando con objetivos de formación comunes constituye un componente clave del modelo de aprendizaje cooperativo, lo conveniente es que los grupos estén formados por personas de entre tres y ocho miembros, los alumnos de los grupos de cooperación pueden afrontar las tareas de aprendizaje de diversas maneras. Trabajar en equipo, todos colaborando en la actividad o repartíéndose el trabajo, por ejemplo, uno hace la introducción, otro continúa... o asignar roles de manera que uno escriba un texto, otro revise la ortografía y la puntuación, y la tercera persona lea el trabajo a la clase. Los grupos de cooperación son adecuados para enseñar inteligencias múltiples porque se pueden estructurar de manera que incluyan alumnos representantes de todas las inteligencias. Juegos de mesa o simulaciones son otras estrategias muy eficaces, una simulación consiste en que un grupo de personas se reúna para crear un entorno, este entorno temporal se convierte en el contexto para entrar en un contacto más inmediato con el material que hay que aprender. Díaz [15, 101] afirma: En el aula la potenciación de dicha inteligencia a través del desarrollo de actividades que favorecen la empatía, tiene efectos muy positivos porque el aprendizaje es mayor y más efectivo si los alumnos se sienten bien consigo mismos y con sus compañeros.

En cuanto a las estrategias docentes para la inteligencia intrapersonal son importantes, por ejemplo, los periodos de un minuto de reflexión. Estos periodos dan tiempo a los alumnos para asimilar la información presentada o para relacionarla con hechos de sus propias vidas, además suponen un cambio de ritmo que les ayuda a permanecer atentos para la siguiente actividad. Las tareas relacionadas con las relaciones personales [2] donde se pregunten, por ejemplo: ¿Qué tiene esto que ver con mi vida?, la inclusión de asociaciones personales, sentimientos y experiencias de los alumnos en la explicación, preguntar por estos temas y dejar que compartan sus experiencias antes de comenzar a explicar. También es interesante proporcionar el momento de las opciones, que consiste en ofrecer opciones a los alumnos, otorgando a los estudiantes la oportunidad de que tomen decisiones sobre sus experiencias de aprendizaje, posibilitando la opción de poder hacer una tarea u otra. Otra actividad consiste en exponer sentimientos en el aula, para ello hay que buscar momentos en los que los alumnos se rían, se enfaden, expresen opiniones... Algunas sesiones pueden emplearse para establecer objetivos ya que una de las características más comunes entre los alumnos con esta inteligencia desarrollada es su capacidad de establecer objetivos realistas para sí mismos.

Por último señalaremos las estrategias docentes para la inteligencia naturalista, donde tienen cabida los paseos por la naturaleza o las ventanas al aprendizaje, a través de la cual se puede relacionar lo que se ve a través de ella con el tema de clase, otras opciones serían la utilización de plantas para

adornar o tener una mascota en el aula. Arnold y Fonseca [11, 130] afirman que:

Activities such as brainstorming on how to contaminate less, or describing the process of recycling paper or tasks involving direct field observation and classification of the vegetal and animal world relate to the naturalist intelligence. Semantic maps relating to nature can be created to develop learners' lexical knowledge. Tasks that develop sensitivity towards the natural world can be incorporated; for example, learners can describe a scene in nature that they are familiar with or that they imagine.

4. CONCLUSIÓN

Puesto que las inteligencias corresponden a determinados módulos de nuestro cerebro, las tareas a implementar en clase deben estar destinadas a activar cada uno de esos módulos, de manera que las actividades que requieren una atención especial del sentido de la vista serán más propicias para despertar la inteligencia visual, de igual manera que las actividades que implican raciocinio serán más adecuadas para activar la inteligencia lógico-matemática [16, 247].

En el aula de inglés pueden desarrollarse diversas estrategias que faciliten el aprendizaje significativo del alumno, mediante la implementación de tareas que conecten con diversas inteligencias. Esto es posible favoreciendo las rutas de acceso y facilitando la activación del individuo. En este proceso es fundamental el papel del profesor ya que: learner's belief about their ability to participate successfully in a language task can be influenced by the way teachers present material to their students and the steps followed to involve them in language learning influence [11, 130].

A modo de conclusión podemos señalar las ventajas de la aplicación de las inteligencias múltiples en el aula desde el punto de vista del profesor y también del alumno con las siguientes aseveraciones de Salaberri [17, 129]:

1. La incorporación de técnicas basadas en la teoría de las Inteligencias Múltiples puede mejorar el desarrollo de destrezas de los alumnos en todas las áreas de conocimiento en general, y de las destrezas orales en particular.
2. El uso de esas técnicas y estrategias metodológicas beneficia a todo el alumnado, potenciando los recursos de que disponen para resolver problemas y acceder a conocimientos que, en un principio, no están relacionados con sus habilidades más destacadas.
3. El alumnado va tomando conciencia de forma progresiva de que no existe una forma única de aprender.

Literatura

1. Gardner, H. 1983. Inteligencias múltiples. La teoría en la práctica. — Barcelona: Paidós.
2. Armstrong, T. 2006. Inteligencias múltiples en el aula. — Paidós: Barcelona.
3. Williams, B. 2002. Multiple Intelligences for Differentiated Learning. — Corwin Press: California.
4. Teele, S. 2000. Rainbows of Intelligence: Exploring How Students Learn. — California: Corwin Press.
5. Luca, S. 2004. "El docente y las inteligencias múltiples". Revista Iberoamericana de Educación. (Documento disponible en: <http://www.rieoei.org/deloslectores/616Luca.PDF>)
6. Robles, A. 2002. "La inteligencia emocional en el aula de inglés". En M.C. Fonseca (ed.). Inteligencias múltiples, múltiples formas de enseñar inglés (pp. 69–87).
7. Hoerr, T.R. 2000. Becoming a Multiple Intelligences School. Alexandria: ASCD.
8. Joyce, B. 2002. Modelos de enseñanza. — Barcelona: Gedisa.
9. Gardner, H. 1993. La mente no escolarizada. Cómo piensan los niños y cómo debería enseñar las escuelas. — Barcelona: Paidós.
10. Arnold, J. 2002. "La inteligencia cinética-corporal y el aprendizaje del inglés". En M.C. Fonseca (ed.). Inteligencias múltiples, múltiples formas de enseñar inglés (pp. 177–189).
11. Arnold, J. y M.C. Fonseca. 2004. "Multiple Intelligence Theory and Foreign Language Learning: A Brain-based Perspective". International Journal of English Studies. Vol 4 (1) (pp. 119–136).
12. Ávila, F. J. 2002. "La activación de la inteligencia espacial: las imágenes mentales en el aula de inglés". M.C. Fonseca (ed.). Inteligencias múltiples, múltiples formas de enseñar inglés (pp. 139–140).

13. *Robertson, S.* 1996. *Teachers' Workplace. The Social Organization of Schools.* — Nueva York: Teacher College Press.
14. *Fonseca, M. C.* 2002. “El uso de la inteligencia musical de alumnos de inglés de nivel intermedio”. En *M.C. Fonseca* (ed.). *Inteligencias múltiples, múltiples formas de enseñar inglés.* (pp. 197–215).
15. *Díaz, E. R.* 2002. “La metodología humanística en la ESO y el desarrollo de las inteligencias múltiples”. En *M.C. Fonseca* (ed.). *Inteligencias múltiples, múltiples formas de enseñar inglés* (pp. 95–110).
16. *Sánchez, A.* 2009. *La enseñanza de idiomas en los últimos cien años. Métodos y enfoques.* — Madrid: SGEL.
17. *Salaberri, S.* 2009. “Inteligencias múltiples y desarrollo de destrezas orales”. En *V. Pavón y J. Ávila* (eds). *Aplicaciones didácticas para la enseñanza integrada de lengua y contenidos.* Córdoba: Consejería de Educación, Junta de Andalucía.

А.В. Бочарова

Бинарные оппозиции как основа логического развития диалогической коммуникации в формате интернет-форума

Статья посвящена рассмотрению особенностей коммуникации на форумах электронных периодических изданий с позиции диалектической логики, что позволяет говорить о том, что сегодня интернет-коммуникация базируется на сокращении стандартной диалектической триады «тезис — антитезис — синтез» до бинарной оппозиции «тезис — антитезис». Значительное внимание уделяется типологическому разграничению диалога на полемический и диалектический, а также уточнению понятия «форум» для данного этапа становления информационного общества. Выбранное направление исследования дополняется определением бинарного подхода как типичного для западноевропейской цивилизации механизма познания.

Ключевые слова: коммуникация, интернет-форум, бинарная оппозиция, стандартная диалектическая триада, полемический диалог, диалектический диалог, диалектическая логика, информационное общество.

A. Bocharova

THE BINARY OPPOSITION AS THE BASIS OF LOGICAL DEVELOPMENT OF DIALOGIC COMMUNICATION IN INTERNET-FORUM

The article focuses on peculiarities of communication in forums of electronic periodicals from the perspective of dialectical logic, which allows supposing that today internet-communication is based on reducing of the standard dialectical triad «thesis-antithesis-synthesis» to the binary opposition «thesis-antithesis». Much attention is given to the typological differentiation between polemical and dialectic dialogue, as well as the concretization of the concept «forum» at this stage of development of the information society. This direction of the investigation is complemented by the definition of a binary method as one of the main mechanism of cognition.

Key words: communication, internet-forum, binary opposition, standard dialectical triad, polemical dialogue, dialectic dialogue, dialectical logic, information society.

*Все мы знаем: в рассуждениях есть логика, но нет истины.
Как изощренны были мои доказательства, как весомы
доводы, но мои противники не стронулись с места.
Антуан де Сент-Экзюпери*

Сегодня логика — одна из важных составляющих анализа любого дискурса. Сформулированные еще во времена первых метафизик, законы логики закрепились в качестве основы любой науки и любого исследования. Ошибочно считать, что наша жизнь ограничивается законами логики, но трудно было бы представить возможность ее существования, если бы этих законов не было. Логика, как отмечал Джон Стюарт Милль, «не тождественна знанию, хотя область ее и совпадает с областью знания. (...) Логика не наблюдает, не изобретает, не открывает — она судит» [1].

Рассматривая логику как науку о законах, формах и приемах познания мира, невозможно оставить за рамками исследования ее взаимодействие с феноменом языка, так как он является средством познания как такового. Если обратиться к постулату о том, что язык составляет сложную систему, самообновляющуюся, самобытную и в большей степени живую изобилующую жизнями [2], чем порой нам кажется, то очевидным становится тот факт, что для существования подобной системы необходим прочный каркас, основу познания которого и составляют логические связи.

В первую очередь в нашем исследовании мы разграничиваем такие понятия, как *логика формальная* и *логика диалектическая*, для чего уместно обратиться к истории. История логики как науки насчитывает около двух с половиной тысячелетий и разделяется на два основных этапа. Первый получил свое начало благодаря трудам Аристотеля и продолжался до второй половины XIX века, второй стал актуальным в начале века XX. На первом этапе логика развивалась медленно, что позволило Иммануилу Канту с уверенностью утверждать, что логика является с самого начала завершенной наукой, не продвинувшейся после Аристотеля ни на один шаг.

Сегодня мы живем в эпоху технического прогресса, когда общество стремится к механизации и формализации фактически любых процессов развития. На протяжении двух тысячелетий логика выполняла свою главную задачу пропедевтики мышления и поиска «истины». Однако под воздействием технократических факторов и техногенных модернизаций развивается мощный аппарат современной логики как прикладной дисциплины. Научное знание стремится соответствовать сложившейся ситуации, что способствует созданию формализованных языков — искусственной знаковой системы, предназначенной для представления некоторой теории, — простых в обращении и предназначенных, прежде всего, для компьютеров, которые сегодня выполняют большинство основополагающих задач. В этой связи логика получила новую жизнь в исследованиях области основ математики, информатики и непосредственно интересующей нас лингвистики. Главная тема лингвистических логических исследований — анализ правильности рассуждения, формулировка законов и принципов, соблюдение которых является необходимым условием получения истинных заключений в процессе вывода.

Новые реалии предлагают новые объекты для исследования, сегодня важным звеном аккумуляции современного общения является форум электронных периодических изданий, где зарегистрированным пользователям открыт доступ для комментирования. Единый вектор интернет-коммуникации на форумах находит свое отражение в языке и наглядно иллюстрирует то, как влияют стереотипы виртуального мира на язык коммуникантов. Его можно рассматривать как на *макроуровне* (типичные речевые схемы), так и на *микроуровне* (особенности речевого поведения в процессе общения членов малой группы — ветви). В настоящем исследовании мы обращаемся к логике классической или диалектической, прямой наследнице Аристотеля.

Так как мы рассматриваем форумы как объект изучения электронных периодических изданий, то важно обратиться к самому понятию *форум*. Исторически *форум* — мероприятие, проводимое для обозначения или решения каких-либо важных проблем, охватывающих

широкий диапазон сфер жизнедеятельности общества: политических, экономических, социальных, религиозных и т.д. Форум в современном понимании представляет собой некую метафору форума древнеримского, это тоже место для обмена мнениями, разница состоит в том, что сегодня форум не ограничен пространством и временем материальной реальности.

Диалогические особенности коммуникации в рамках форума диктуют определенную логику повествования. Опираясь на тот факт, что пользователи имеют разные точки зрения на проблему, мы наблюдаем развитие концепции тезис-антитезис (тезис [от гр. θέσις – положение] есть некое утверждение, а антитезис [от гр. ἀντίθεσις – противоположение] – его опровержение), где каждый из оппонентов или представителей оппозиционных групп стремится доказать истинность своей позиции в рамках обсуждаемой проблематики.

В данном случае важно выделить предпосылки функционирования данной коммуникативной контрадикции, которые условно можно объединить в две группы:

- *интерпретационные* (когда знания у партнеров примерно равны, но получают разную интерпретацию), то есть условием для возникновения данного типа противоречий служит наличие одинаковой информационной основы;
- *информационные* (когда к началу общения между партнерами имеется различие в объеме информации), то есть складывается ситуация, когда информацией владеет только один из участников диалога.

Коммуникация на форуме развивается по единому вектору, который вытекает из содержания статьи, комментируемой пользователями, что формирует определенную парадигму реализации приведенных выше противоречий. Таким образом, мы можем взять за основу тот факт, что изначально пользователи обладают одинаковым объемом знаний по проблеме, представленной в статье, но по-разному интерпретируют полученную информацию. Этот тип разногласий формирует макроуровень, где основная парадигма противоречий возникает, базируясь на общем согласии/несогласии с тезисом, представленным в предлагаемой статье.

Nick Adams

yo estoy en contra del acto terrorista, faltaría más. Pero pienso que sin una provocación gratuita de la revista, tal vez estas muertes no se hubieran producido.

El país «Cuando la escuela no es ‘Charlie’».

7yoga7

*«El problema del Poder nunca ha sido la Iglesia» es **parcialmente verdad**, porque muchos gobernantes tuvieron problemas con la Iglesia como debes saber si conoces la historia.*

El país «El Papa: “Ser buen católico no implica tener hijos como conejos”».

expook040901

***Totalmente de acuerdo** con que han sido los rusos. Sobre el retoque de la imagen y la fuente no estoy al tanto. Pero hay 777 de Malaysian con el logo en la posición que tiene el de la foto por satélite, es decir, delante de la ala.*

El país «París resiste la presión de Moscú para la entrega de buques de guerra».

В результате того, что пользователи не ограничиваются лаконичными фразами, а стремятся обосновать и разъяснить свою точку зрения, макроуровень расширяется. Кроме того, прослеживается тенденция к появлению информационных противоречий, которая в свою очередь реализуется на микроуровне в отдельной ветке коммуникантов, где главным механизмом развития диалога является уже не только текст статьи, а дополнительные информационные ресурсы пользователей, основанные на их общей эрудированности, владении темой, умении вести коммуникацию и убеждать оппонента и т.д.), а также дополнительный информационный контент из различных интернет-источников.

Так как ресурсы интернета почти безграничны, возможности верификации, представляемой в качестве доказательства информации, фактически стремятся к нулю, что, в свою очередь,

становится камнем преткновения для пролификации диалога. Тем не менее сегодня никакое решение не проходит без так называемой информационной поддержки. Исход противостояния зачастую предreshен именно победой в информационных сражениях [3].

В рамках изучения концепта *тезис-антитезис* форумной коммуникации рационально обратиться к типологическому разделению диалога на *дискуссионный* (диалектический) и *полемический*. Главным различием между данными типами коммуникативного общения является непосредственно диалогическая цель. Как отмечает А.А. Волков [4], цель дискуссии — установление истины или принятие правильного решения, то есть диалектическая аргументация оппонентов основывается на совместном поиске истины, в то время как цель *полемики* — утверждение принятой позиции и опровержение позиции оппонента, что позволяет нам говорить об *эристической аргументации* (от гр. *eristike techne* — искусство спорить).

Если бы на форуме осуществлялась модель диалектического диалога, оперирующая привычными для логики концептами, уместно было бы сослаться на реализацию стандартной диалектической триады, *тезис — антитезис — синтез*, которая была сформулирована Гегелем еще в первой половине XIX вв. [5]. Анализ источников показал, что логическое развитие диалога на форумах электронных периодических изданий идет по несколько другой траектории. Мы отмечаем, что в культуре пользователей одним из основополагающих элементов является доказательство своей точки зрения посредством всех возможных лингвистических и экстралингвистических средств. Данный факт влечет за собой развитие именно полемического диалога, который осуществляется как *качественно* (использование лингвистических средств выражения и дополнительного интернет-контента), так и *количественно* (количество сообщений).

fedfan

El alcalde de Rotterdam Ahmed Aboutaleb, le dice a sus correligionarios musulmanes en directo en tv: Si no os gustan las libertades de Occidente, haced las maletas y marcharos¿¿¿. <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2907941/Moroccan-born-mayor-Rotterdam-tells-fellow-Muslims-not-appreciate-freedoms-living-West-pack-bags-f-live-TV>

El país «Cuando la escuela no es ‘Charlie’»

Domingo Sanz

Totalmente de acuerdo con el griego, como se hace con cualquier empresa que no puede pagar sus deudas. ¿Porqué Grecia tiene que ser menos?

El país «Grecia necesita congelar todos los pagos un año y después negociar».

Во втором примере мы обращаем внимание на тот факт, что данное сообщение вызвало широкий резонанс, который в свою очередь привел к формированию отдельной ветки, расширившейся до 47 ответных реплик, то есть, кроме качественной репрезентации информации, диалог развивается и количественно.

При анализе форумной коммуникации мы становимся свидетелями функционирования последней ступени пирамиды Маслоу: коммуниканты стремятся не столько обсудить проблему и найти ее решение, сколько выразить себя. По сути, сообщения коммуникантов не направлены к собеседнику, они ориентированы не на достижение понимания, а на воздействие на аудиторию. В рамках форумной коммуникации важнейшим фактором является присутствие аудитории, которая является своеобразным арбитром полемики, что создает условия для развития полемического диалога. Таким образом, выигрывает полемику не тот, кто победил противника в споре, а тот, к кому присоединилась аудитория, в данном случае, тот, кто получил больший отклик среди пользователей, что привело к формированию микроуровня. Поэтому проигравший полемику будет обязательно, выигравший — не обязательно. Оппоненты в полемическом диалоге противостоят как личности, несущие в себе различные мировоззренческие позиции, присоединение к личности означает и присоединение к ее мировоззрению.

Таким образом, основное различие форумной схемы коммуникации от диалектической триады состоит в том, что форумная модель построена по принципу *бинарных оппозиций*. Не реализуется важнейший завершающий элемент классического диалектического триединства — *синтез*, который в фундаментальной науке рассматривается как элемент, объединяющий противоречия. В общении ключевым синтезирующим элементом является понимание. Понимание определяется как категория, характеризующая дискурс в гносеологическом, онтологическом и коммуникативном аспектах, и актуализируется в разных традициях — от экзистенциализма до герменевтики, где разрешение проблемы осуществляется разными способами посредством синтаксических, семантических и прагматических конструкций. Основная цель форума как диалектического диалога — достижение понимания — считалась бы реализованной при условии разрешения противоречий, выделения главенствующей точки зрения, нахождения истины, если оперировать терминологией логики. Тем не менее реалии говорят об обратном, существуя в рамках бинарных оппозиций, тезис ведет за собой антитезис, но такого явления, как синтез не происходит. Мы наблюдаем некий *когнитивный диссонанс*, иными словами, состояние психического дискомфорта, вызванное столкновением конфликтующих представлений: идей, верований, ценностей или эмоциональных реакций, — так как главная цель форума и цель его участников-пользователей — не совпадают. Как мы уже отмечали выше, цель форума — решение проблемы посредством обсуждения, в то время как цель коммуникантов — выразить себя, поэтому обсуждение крайне редко заканчивается выводом, который, соединяя в себе противоборствующие точки зрения, приводил бы к синтезу, и, как следствие, разрешению противоречий и возникновению новой диалогической триады.

Обращаясь к метафоре разграничения понятий *коммуникация* — *общение*, приведем следующий пример: если коммуникация — мостик для тех, кто стоит на разных берегах, а общение — двое на мостике, то для форумов электронных периодических изданий характерно одностороннее движение на мостике. Основным элементом аргументации становится обвинение оппонента в неосведомленности, каждый из оппонентов настаивает на истинности своей позиции, имманентно отказываясь от рефлексии в отношении противоположной точки зрения, а абсолютное большинство ветвей остаются логически незаконченными, что постепенно приводит к затуханию обсуждения.

Мы не можем не отметить еще одну важную причину незавершенности диалектической триады, которая заключается в постоянном потоке новой информации. В свое время Э. Тоффлер убедительно показал суть проблемы в книге «Шок будущего». Он отмечал, что скорость и временность социальной ситуации возрастают несоразмерно возможностям человека. Это выражается в росте *временности* вещей в жизни человека, *временности* места пребывания, *временности* в отношениях между людьми, *временности* существования организации и сотрудничества с организацией и, наконец, *временности* самой информации, идей, смыслов. Мы просто не успеваем найти истину и ограничиваемся бинарным подходом, что проявляется не только в языке, но и во всей культуре постпостмодернизма в целом. Таким образом, несмотря на то, что теоретически в обсуждении может принимать участие любой пользователь электронного издания, основной пик обсуждения и формирования концепта тезис-антитезис приходится на первые часы после публикации и постепенно затухает уже спустя несколько часов.

Литература

1. Милль, Джон Стюарт. Система логики силлогистической и индуктивной. — М., 1914. С. 7–8, 186.
2. Лосев А.Ф. Вещь и имя; Самое само. — СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008.
3. Некляев С.Э. СМИ и вопросы психологической безопасности в условиях военного политического конфликта // Международная конференция «Журналистика в 2000 году: Реалии и прогнозы развития». — М., МГУ, 2001.
4. Волков А.А. Основы риторики: Учебное пособие для вузов. — М.: Академический Проект, 2003.
5. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. — М., Мысль, 1974.

Ю. В. Верещинская

Классификации газетных заголовков в испанском публицистическом дискурсе

В статье исследуются различные классификации испанских газетных заголовков, предложенные испанскими лингвистами, которые рассматривают их как компонент медиатекста, воспроизводящий полностью или частично элементы текста статьи. Данные исследования касаются таких областей языкознания, как медиалингвистика, прагмалингвистика, функциональная лингвистика, теория текста, семиотика и др.

Ключевые слова: газетный заголовок, медиатекст, прагмалингвистика.

Yu. Vereshinskaya

THE CLASSIFICATION OF NEWSPAPER HEADLINES IN SPANISH JOURNALIST DISCOURSE

The article reviews the different classifications of the Spanish newspaper headlines that were offered by the Spanish linguists. They consider the headline a component of the mediate text that reproduces completely or partly the elements of the text of the article. These investigations concern such areas of linguistics as media linguistics, pragmalinguistics, functional linguistics, theory of the text.

Key words: newspaper headline, mediate text, pragmalinguistics.

Исследуя различные классификации газетных заголовков в испанском публицистическом дискурсе, подчеркнем, что газетно-публицистический дискурс понимается в статье, вслед за М.В. Ларионовой, «как особая форма существования языка, в виде текста и одновременно «коммуникативного события», направленного на определенную аудиторию в определенный момент времени и в определенной социальной ситуации» [1, с. 40]. При этом особое значение имеет тот факт, что публицистический дискурс «не просто отражает происходящее, не только создает и моделирует событийную реальность, он всегда ориентирован идеологически (в зависимости от политических и социальных взглядов и интересов издания и коммуниканта) и личностно (индивидуальный стиль журналистов, политиков). Эмотивный эффект ГПД основан на интенциях и замыслах коммуникантов, которые реализуются как с помощью языковых средств, передающих модальность и оценочность, так и благодаря экстралингвистическим компонентам, взаимодействующим в определенном социальном контексте» [1, с. 37].

В испанском языке мы находим два термина, определяющих заголовок: *titular* и *título*. «Словарь испанского языка» Испанской Королевской Академии дает семь определений слову *titular* [2], из них нас интересует пятое: “*Cada uno de los títulos de una revista, de un periódico, etc., compuesto en tipos de mayor tamaño*” («каждый из заголовков в журнале, газете и т.д., который дается крупным шрифтом» [здесь и далее перевод мой — Ю.В.]). В словарной статье к слову *título* [3] мы находим одиннадцать определений, и первое из них гласит: “*Palabra o frase con que se da a conocer el nombre o asunto de una obra o de cada una de las partes o divisiones de un escrito*” («слово или фраза, с помощью которой сообщается название или тема произведения или каждой из частей или разделов письменного текста»). По отношению к газетным заголовкам в испанском языке используются оба слова, в некоторых контекстах *titular* имеет более широкое значение, *título* входит в состав понятия *titular* наряду с *antetítulo* (предзаголовок) и *subtítulo* (подзаголовок).

В испанской филологии исследования газетных заголовков ведутся в различных областях языкознания: с точки зрения прагмалингвистики, функциональной лингвистики, медиалингвистики, теории текста, семиотики и др.

Газетный заголовок является одним из главных элементов информации [4, р. 43], это неотъемлемая часть газетной публикации, полноправный компонент текста, входящий в него

и связанный с другими компонентами целостного произведения [5, с. 116]. Эффективность газетного текста во многом определяется его заголовком, поскольку с помощью умело составленного заголовка часто можно привлечь внимание читателя, убедить его в чем-либо. По словам *C. Salas*, новости «продаются» по лучшим заголовкам [6, р. 33]. Кроме того, исследования психологов показывают, что около 80 % читателей обращают внимание в первую очередь на заголовок, поэтому журналист при написании статьи стремится придать особое значение созданию удачного заголовка.

Заголовок составляет единую систему с текстом, он подготавливает к пониманию текста или может становиться полностью понятным только после прочтения всего материала. Заголовок актуализирует свое значение в связи с текстом, что особенно важно учитывать в газетно-публицистической сфере коммуникации. Он имеет особый графический способ представления, семантически обобщает содержание следующего ниже сообщения и обладает рядом языковых особенностей.

Газетный заголовок рассматривается в данной работе как важный структурно-семантический компонент медиатекста, тесно связанный с другими компонентами этой системы, такими как тема, идеи, факты, действующие лица, цитаты и т.д., стоящий перед текстом, называющий текст и дающий первоначальную информацию о нем [7, с. 39].

По мнению *B. Steel*, заголовок — это «подлинная газетно-публицистическая форма» (*la forma periodística por antonomasia*) [8, р. 18], потому что он находится в самом видном месте в статье, имеет особый графический способ представления, семантически обобщает содержание следующего ниже сообщения и обладает рядом языковых особенностей.

Заголовок — это первый шаг к прочтению и восприятию текста статьи читателем, поэтому его функцией является также создание апперцепции, облегчение процесса получения и интерпретации информации, заключенной в тексте, так как он помогает привлечь внимание и отобрать интересующие новости из потока статей в газете. Заголовок выделяется графически, предшествует основному тексту и воспринимается читателем как наиболее значимая его часть. Учитывая эту выделительную функцию заголовков, испанский лингвист *E. Alarcos Llorach* относит их вместе с объявлениями и надписями к своего рода «ярлыкам», «этикеткам» (*etiquetas*) [9, р. 128]. Он, опираясь на учение Ф. де Соссюра, характеризует заголовки как языковые знаки, которые устанавливают с новостными текстами такие же отношения, как означающее и означаемое знаков языковой системы [10]. *E. Alarcos Llorach* трактует заголовок, коммуникативными характеристиками которого являются концентрация, краткий вывод и намек, как автономный знак и как означающее новости. Хотя с языковой точки зрения заголовок независим, он семиологически предвосхищает новость. Именно поэтому заголовок нельзя отрывать от новости, он является частью медиатекста и находится с ним в сложном лингвопрагматическом взаимодействии.

Помимо выделительной функции заголовков, *E. Alarcos Llorach* обращает внимание на референциальную функцию (*función referencial*), то есть соотнесение заголовка и новости, и аппеллятивную функцию (*función apelativa*) — пробуждение интереса читателя.

Для исполнения этих функций автор газетной статьи пользуется не только языковыми средствами, но и композиционными и типографическими. Расположение, шрифт, верстка — это медийные элементы, которые обуславливают, развивают и изменяют содержание передаваемой информации. Иными словами, газетный заголовок представляет собой весьма сложную текстовую единицу, состоящую из элементов разных семиологических систем, и нередко становится удобным средством для манипулятивных тактик, к которым прибегают журналисты. При этом под манипуляцией в публицистическом дискурсе мы понимаем «особый вид психологического воздействия на сознание и поведение массовой аудитории, который осуществляется в скрытой форме с помощью различного рода дискурсивных, языковых и экстралингвистических приемов, создающих необходимый прагматический эффект. В результате подобного воздействия человек делает выбор, отличный от того, который мог бы сделать самостоятельно, при этом сохраняя уверенность, что действует в соответствии с собственными убеждениями, желаниями или намерениями» [1, с. 51].

Поскольку заголовок резюмирует содержание и предшествует тексту статьи, которую он

озаглавливает, читатель может отказаться от прочтения статьи, если в заголовке достаточно информации для того, чтобы представить ситуацию, лежащую в основе медиасобытия.

Говоря о содержании и выражении авторского отношения, *E. Alarcos Llorach* выделяет объективные заголовки (*titulares objetivos*), где наблюдается нейтральный тон изложения, и субъективные, или ангажированные (*titulares subjetivos o comprometidos*), которые выражают личное отношение журналиста к излагаемому факту или событию. В качестве объективного заголовка он предлагает, например, следующий: *Suárez explicará al país su participación en las elecciones* — Суарес объяснит стране, почему он участвует в выборах; и в качестве субъективного заголовка: *¿Elecciones presidenciales?* — Выборы председателя правительства?, где журналист призывает читателя к размышлению, заставляя его сомневаться [9, p. 137–140].

C. Muñiz Chacón объективные и субъективные виды заголовков называет информативными (*informativos*) и провоцирующими (*seductivos*) [11, p. 217], соответственно, и указывает на то, что первые, обладающие объективностью, четкой и полной формой, используются для озаглавливания новостей, цель которых поставлять информацию, в то время как вторые, обладающие в большинстве случаев семантической неопределенностью, обычно озаглавливают статьи, содержащие комментарий, мнение, критику или рассуждение. Поэтому провоцирующий вид заголовка представляет информацию опосредованно, завуалировано. Из такого заголовка, как правило, не вытекает очевидный или объективный вывод, который всегда есть в заголовках информативных. Часто только чтение статьи дает ключ к разгадке заголовка, «иногда текст и его размещение в определенном разделе газеты могут превратить заголовок в ярко выраженный информативный» [11, p. 222].

С другой стороны, в информативных заголовках существует тесная связь с текстом, которому они предшествуют, не только потому, что заголовки репрезентируют текст, но и потому что они повторяются в тексте в той же или похожей форме. И, наоборот, провоцирующие заголовки не часто появляются в тексте статьи в той же форме, то есть отношение между заголовком и текстом не прямое. Они в первую очередь служат для привлечения внимания читателя к статье. Обычно этот вид заголовка встречается в более краткой форме, чем информативный.

Вслед за *E. Alarcos Llorach*, испанский исследователь *M.A. Bonvín*, также исходя из функций заголовков газетного медиатекста, выделяет три вида заголовков: информативные, сенсационные и референциальные [12, p. 44].

Информативные заголовки (*titulares informativos*) являются четкими и объективными, отражают основную идею, содержащуюся в статье, и сообщают конечный результат излагаемой новости (*Estados Unidos extiende a Tikrit su campaña de bombardeos en Irak* (“*El País*”: 25.03.2015) — Авиатака США по Ираку достигли города Тикрит; *Kiev prosigue la ofensiva en Donetsk, pero pacta la ayuda humanitaria rusa* (“*El País*”: 15.08.2014) — Киев продолжает наступление на Донецк, но соглашается на предоставление российской гуманитарной помощи; *La juez Alaya cifra en 855 millones el desvío de fondos del ‘caso ERE’* (“*El País*”: 15.08.2014) — Судья Алая оценивает в 855 миллионов нецелевое использование фондов по делу о коррупции ERE).

Заголовки такого рода информируют о новых событиях, в них могут содержаться имена политических и общественных деятелей, названия городов, точные даты и количество и т.д.

Главной целью броских, или сенсационных заголовков (*titulares llamativos o sensacionalistas*), является стремление не сообщить информацию, а пробудить интерес потенциального читателя, удивить его, используя различные риторические средства, игру слов, необычное оформление и т.д. Например: в статье под заголовком *¡Robbie Williams está loco!* (“*El Mundo*”: 26.03.2015) — «Робби Уильямс сошел с ума!» говорится об умопомрачительном шоу американского артиста, прошедшем в Мадриде. *Dr. Netanyahu y Mr. ‘Bibi’* (“*El Mundo*”: 20.03.2015) — Доктор Нетаньяху и мистер «Биби» — речь идет о выборах в Израиле, на которых победил кандидат «Биби», так называют израильтяне Биньямина Нетаньяху. В тексте, как и в заголовке, наблюдается постоянное противопоставление между тем, что говорилось в предвыборной кампании кандидата

«Биби» и первыми противоречивыми выступлениями в качестве вновь избранного президента Б. Нетаньяху. В статье под заголовком *Gato por liebre y mastín por león: lo llaman picardía y tradición* (“*El País Semanal*”: 25.01.2015) — Кота за зайца и овчарку за льва: это называют плутовством и традицией — с целью привлечения внимания читателя используется, помимо фразеологической единицы (*dar gato por liebre* — «продать кота в мешке, обмануть», досл. «выдать кошку за зайца»), стихотворное оформление. В статье рассказывается об одном китайском зоопарке, где за львов выдавали тибетских овчарок, об итальянском цирке, где в качестве панд выводили окрашенных в черно-белый цвет собак чау-чау. Автор говорит о том, что это глобальное явление, которое очень распространено в Испании, где обмануть добродушного человека входит в «традицию», навеянную плутовством героя средневекового произведения «Ласарильо с Тормеса».

По большей части такие заголовки выражают субъективное мнение автора статьи или отвечают идеологической направленности газеты.

Референциальные заголовки (*titulares referenciales*) воспроизводят слова и фразы, которые появляются в тексте статьи, например, содержащей прямую речь (*Maduro: ‘Quien se mete con Diosdado, se mete conmigo’* (“*El Mundo*”: 21.05.2015) — Мадуро: «Кто нападает на Диосдадо, нападает и на меня»).

Помимо объективных и субъективных заголовков, Е. Alarcos Llorach выделяет широкие заголовки (*amplios*), представляющие собой фразу из текста статьи, и концентрированные (*concentrados*), где наблюдается синтаксическое опущение частей текста; эксплицитные (*explícitos*), если они прямо отображают смысл всей новости нейтральными выражениями (*propios* — собственно заголовки) или риторическими фигурами (*figurados* — фигуральные заголовки) и имплицитные (*implícitos*), неполные, заголовки, относящиеся к какой-либо одной части новости, содержание которой в полной мере становится очевидным только после прочтения всей статьи.

Наряду с функциональным подходом к исследованию заголовков, предложенным Е. Alarcos Llorach, существует способ рассмотрения заголовков с точки зрения грамматики текста или теории дискурса, подразумевающий под газетным текстом лингвистическую последовательность, состоящую из заголовка и новости. Такой подход предлагает в своем исследовании S. Alcoba Rueda.

Как любое предложение формально определяется сочетанием номинативных

и вербальных синтагм, согласно определенным условиям морфологии, синтаксиса и семантики, так и высказывание газетно-публицистического текста, по мнению S. Alcoba Rueda, определяется комбинацией заголовка и самой новости, тоже согласно определенным условиям морфологии, синтаксиса и семантики [13, p. 397–408].

Испанский лингвист объясняет образование заголовков с точки зрения тематизации (термин Ш. Балли), то есть отношение согласованности между заголовком и следующим за ним текстом статьи должно пониматься как отношение равенства между заголовком и темой новости в форме краткого парафраза. При этом заголовок отражает, устанавливает соответствие и взаимодействует с текстом статьи. Приводя следующие примеры, S. Alcoba Rueda показывает, как часть новости повторяется в заголовке:

(заголовок) *Ruiz-Mateos tiene que abandonar mañana el Reino Unido*

(новость) *José Ruiz-Mateos deberá abandonar mañana el Reino Unido, fecha en la que finaliza el plazo de cinco días...*

(заголовок) *Руис-Матеос должен покинуть завтра Соединенное Королевство*

(новость) *Хосе Руис-Матеос должен покинуть Соединенное Королевство завтра по истечении пятидневного срока...*

В приведенном примере наблюдается дублирование заголовка и текста статьи: «заголовок соответствует самому себе в сегменте статьи, который его повторяет, поскольку он образован с помощью так называемой лексической тематизации» (“*el titular es coherente consigo mismo en el segmento de la noticia que lo reitera al estar formado por lo que llamaremos tematización léxica*”) [13, p. 401].

В следующем примере заголовок тематизирует не лексическое выражение, а значение сегмента или всей новости:

(заголовок) *Atraco millonario*

(новость) *Dos hombres y una mujer lograron apoderarse ayer, a punto de pistola, de joyas valoradas en 10 millones de pesetas en una joyería de Sant Boi de Llobregat.*

(заголовок) Ограбление на миллионы

(новость) Двое мужчин и одна женщина завладели вчера драгоценностями на сумму 10 миллионов песет в результате вооруженного нападения на ювелирный магазин в Сан Бой де Лобрегат.

В этом случае связь заголовка с текстом обусловлена процессом семантической тематизации. Заголовки такого рода часто встречаются в репортажах, очерках и других художественно-публицистических текстах.

Таким образом, проанализировав различные классификации газетных заголовков, предложенные испанскими лингвистами, можно отметить, что с прагмалингвистической точки зрения газетный заголовок является неотъемлемой частью медиатекста, связан с ним вербально и невербально, а также полностью или частично воспроизводит элементы текста статьи. Структурно-семантическое построение, графическое оформление газетного заголовка, выбор языковых средств для создания того или иного типа заголовка служит различным целям журналиста и периодического издания: сообщение о факте или событии, привлечение внимания читателя с целью его интегрирования в информационное пространство средств массовой коммуникации и влияние на отношение к излагаемому материалу или формирование мнения реципиента.

Литература

1. Ларионова М.В. Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции? — М.: МГИМО-Университет, 2015.
2. DRAE, s.v. titular (электронный ресурс).
3. DRAE, s.v. título (электронный ресурс).
4. “El País”. Libro de estilo, Madrid, 1990.
5. Смелкова З.С. Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты: учеб. пособие/ З.С. Смелкова, Л.В. Ассуирова, М.Р. Савова, О.А. Сальникова. — М.: Флинта: Наука, 2009.
6. Salas Carlos *Manual*, Para escribir como un periodista. — Altera, Barcelona, 2007.
7. Вережинская Ю.В. «Испанский газетный заголовок: лингвопрагматический и национально-культурный аспекты»: дисс...канд.филол.наук: 10.02.05. — М., 2013.
8. B. Steel, “Los estilos funcionales y la enseñanza del idioma”, en *Español actual*, 1971.
9. Alarcos Llorach, “Lenguaje de los titulares” // F. Lázaro Carreter (ed.): *Lenguaje en periodismo escrito*. — Madrid, Fundación Juan March, 1977.
10. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977.
11. C. Muñiz Chacón, “Retórica en los titulares de prensa”, en *Investigaciones semióticas*, III, 2. — Madrid, UNED, 1990. Pág. 217.
12. M.A. Bonvín. Medios de comunicación. Historia, lenguaje y características. — Barcelona OCTAEDRO, S.L., 2005. Pág. 44.
13. S. Alcoba Rueda, “Actuación lingüística y titulación” // *Actas del Segundo Congreso Nacional de Lingüística Aplicada*. — Madrid, 1985.

С.А. Галстян

Грамматическое и лексическое в предлоге (на материале испанского языка)

Данная статья посвящена анализу подходов лингвистов к вопросу об исследовании грамматического и лексического содержания в предлоге. В статье ставится задача выяснить, что подразумевается под лексическим значением предлога, а что — грамматическим. Путем анализа положений статьи доказывается, что лексическое и грамматическое в предлоге необходимо изучать комплексно, не отделяя их друг от друга.

Ключевые слова: грамматическое значение, лексическое значение, строевые элементы языка, отношения в языке, синтаксические отношения, средство синтаксической связи, абстрактное значение, конкретное значение.

S. Galstian

GRAMMATICAL AND LEXICAL MEANING OF A PREPOSITION IN SPANISH LANGUAGE

The article analyzes the linguistic approaches to the question of studying the grammatical and lexical content of a preposition. The article seeks to clarify what is meant by the lexical meaning of a preposition, and what refers to the grammatical one. By analyzing the provisions the article proves that the lexical and grammatical meaning of a preposition must be studied complexly, without being separated from each other.

Key words: grammatical meaning, lexical meaning, drill language elements, relations in the language, syntactic relations, means of syntactic relations, abstract meaning, particular meaning.

Для языков аналитического типа, в которых нет синтетических форм, предлог является «доминирующим средством синтаксической связи, а в некоторых случаях ... почти единственным» [1, с. 46]. В частности, речь идет об испанском языке, где «предлог становится главным средством выражения отношений между единицами языка» [1, с. 46]. Поэтому в испанском языке предлог является релевантным, неотъемлемым строевым элементом языковой структуры, без которого практически невозможно осуществить связи в языке. И роль предлога в языках с аналитическим строем, в том числе и в испанском, очень велика, поскольку именно строевые элементы языка (в частности, предлог) организуют текст и делают его связным благодаря тому, что они выражают различные отношения между единицами языка.

В связи с тем, что предлог является незаменимой частью речи для многих языков, среди ученых встал вопрос о наличии или отсутствии в нем лексического содержания. Есть исследователи, которые убеждены, что предлоги, являясь служебной частью речи, не имеют и не могут иметь лексических значений. В этом случае функция предлогов сводится к осуществлению взаимосвязи между двумя словами, из которых одно управляет падежом другого. Так, согласно А.А. Потембе, предлоги являются «только чистыми связками объекта», таким образом, они только соединяют друг с другом дополнения [2, с. 127].

По словам В.С. Бондаренко, предлоги «ничего не называют, никаких понятий и представлений не обозначают» [3, с. 9].

И.И. Мещанинов также придерживается мнения, что предлоги не могут являться «... носителями выражений понятия или наименования предмета и потому самостоятельного лексического значения не имеют». Вместо лексического значения, по словам автора, «они содержат в себе указание на синтаксическую связь между членами предложения» [4, с. 356].

Однако все больше исследователей придерживаются иной позиции. Многими учеными признается факт наличия у предлогов лексического содержания.

Так, В.В. Бурлакова подчеркивает, что «предлоги не представляют собой лексически пустых единиц и что, наряду со своей связующей функцией, обладают самостоятельным семантическим значением» [5, с. 128]. В.В. Веселитский также присваивает предлогам лексическое значение, утверждая, что «в силу того, что предлог является словом и выполняет определенную номинативную функцию, ему, как и всякому другому слову, свойственно лексическое значение» [5, с. 128–129].

Некоторые ученые говорят о наличии у предлогов лексического значения, основываясь на том, что предлоги выражают логические и синтаксические функции (М. Густафсон, А.П. Борисенко, Л.В. Татарская, М.И. Стеблин-Каменский и т.д.).

Лексическое значение предлогу присваивает и испанский лингвист М. дель К. Орно Челис, основываясь на том, что предлоги выполняют служебные функции в предложении и в то же время обладают лексическим значением [6, с. 151].

Таким образом, за последние десятилетия в вопросе о наличии у предлогов значения все больше исследователей придерживаются позиции, что предлог обладает собственной семантикой.

Говоря о семантике предлогов, нам представляется интересным отметить тот факт, что, согласно грамматикам латинского языка, первоначально предлоги были наречиями места. «Из значения места развивалось значение времени, а затем и другие значения (цели, причины, образа действия и т.д.). Поэтому некоторые предлоги и в историческую эпоху иногда употребляются как наречия» [7, с. 172].

Данное явление можно рассмотреть на примере испанского языка:

*Las montañas que están **alrededor*** — горы, которые находятся вокруг;

¿Hay una gasolinera cerca de aquí? — *Sí, hay una aquí al lado* [Nuevo Ven]. — Есть ли неподалеку заправочная? — Да, есть, здесь недалеко.

«Этим же объясняется, что почти все предлоги (особенно двусложные) в некоторых (редких) случаях могут стоять позади своего падежа» [7, с. 172].

Тот факт, что предлоги произошли от наречий, как нам представляется, может быть связан с присвоением предлогу лексического значения некоторыми лингвистами. Так, Р.И. Мальцева характеризует предлоги как слова, «генетически и функционально приближенные к наречиям, обладающие лексическим значением» [8, с. 5].

Перечислим некоторые предлоги, образованные от наречий:

<i>antes</i> (наречие времени)	→	<i>antes de</i> (предлог времени)
<i>después</i> (наречие времени)	→	<i>después de</i> (предлог времени)
<i>detrás</i> (наречие места)	→	<i>detrás de</i> (предлог места)
<i>fuera</i> (наречие места)	→	<i>fuera de</i> (предлог места)

Исследователи, которые признают наличие у предлога лексического содержания, опираются на мысль, что предлог представляет собой слово, то есть в нем есть и лексическое, и грамматическое значения, которые неразрывно связаны друг с другом.

Что в предлоге можно отнести к лексическому значению, а что — к грамматическому? Проанализируем позиции разных лингвистов по данному вопросу.

Важно отметить, что взаимоотношения между этими значениями проявляются несколько иначе, чем у знаменательных слов. Дело в том, что предлоги, согласно Г.А. Шигановой, «выражают логико-смысловые отношения между словами, то есть обозначают не части реального мира, а отношения и связи между ними, которые усматривает, квалифицирует человек думающий, говорящий» [9, с. 151].

Ряд грамматистов исходят из того, что подавляющее большинство служебных слов обладает каким-то грамматическим значением, и именно эти грамматические значения являются лексическими значениями служебных слов. В своих работах В.Г. Гак подчеркивает, что «все предлоги обладают собственным лексическим значением», которое, по мнению ученого, «заключается в указании на различные отношения между» единицами языка. Но в то же время В.Г. Гак говорит о «несамостоятельности номинативной функции предлога», так как данная функция «осуществляется только в сочетании с полнозначными словами» [10,

с. 434]. Грамматическое же значение предлога лингвист видит в выражении подчинительной связи.

Другими словами, о том, что понимается под грамматическим значением предлога, а что под лексическим, В.Г. Гак говорит следующее: «Грамматическим значением (функцией) предлога в общем плане является выражение подчинительной связи. Однако эта связь может реализовывать различные отношения: локальные, временные, причинные, объектные и т.п. Конкретный характер этой связи и составляет лексическое значение предлога» [11, с. 270].

По вопросу о лексическом и грамматическом значениях предлога Р.И. Мальцева придерживается схожей позиции. В своей докторской диссертационной работе исследователь отмечает, что предлог, обладая категориальным, лексическим и грамматическим значениями, является равноправным знаменательным словом [12, с. 10].

Лексическое значение предлога, как считает лингвист, заключается в том, что предлог выражает пространственные, временные, причинные, целевые, притяжательные и другие отношения между словами. Грамматическим значением предлога автор считает «обобщенное указание на общий характер синтаксических отношений между словами», то есть, другими словами, указание на подчинительную связь. Под категориальным дейктическим (указательным) значением подразумевается способность предлога указывать «на типы лексических, иерархических, подчинительных отношений между именем с предлогом и другими словами» [12, с. 32].

Таким образом, можно сказать, что грамматическое значение предлога заключается в том, что предлоги связывают между собой единицы языка. Лексическое значение, в свою очередь, — это выражение предлогом того или иного вида отношений. Следовательно, как утверждает Кравченко Н.П., можно рассматривать лексическое значение предлога как «производное от грамматического», то есть семантика предлогов совпадает с их «сигнификативной функцией» (функцией выражения отношений) [13, с. 31].

Что касается грамматических значений, как мы отметили, многие ученые считают, что они передают, прежде всего, отношения. Эти отношения, согласно Г.А. Шигановой, включают в себя следующие типы:

- 1) отношения объективной действительности (между реалиями);
- 2) отношения человека к этим отношениям (объективно-субъективные);
- 3) отношения внутриязыковые [14, с. 7].

Г.А. Шиганова также отмечает, что грамматическая роль предлогов заключается в выражении тех или иных синтаксических отношений между единицами языка [14, с. 41].

К грамматическому значению любого слова Л.В. Щерба относит все то, что «происходит по правилам», под лексическим же значением исследователь понимает все то, что «является индивидуальной принадлежностью того или иного слова» [15, с. 138].

Можно сказать, что грамматическое значение предлога в той или иной мере совпадает с лексическим значением. Но, тем не менее, как мы увидели, это не одно и то же. Исследуя грамматическое значение предлогов русского языка, А.В. Бондарко выделил три типа данных значений:

- 1) общее, или инвариантное (этот тип грамматических значений объединяет частные значения предлога);
- 2) основное (данный тип выделяется из периферийных значений предлога);
- 3) комплекс отдельных значений [16, с. 99].

Если придерживаться точки зрения лингвистов, которые не лишают предлог лексического содержания, то можно справедливо утверждать, что у предлога можно определить его основное значение. Однако предлогам свойственна многозначность, которая затрудняет присваивание данной части речи основного лексического значения.

По словам Р.И. Мальцевой, «лексическое значение его (предлога) настолько абстрактно, что о собственно номинации говорить практически невозможно. Предлоги, например, не могут являться номинаторами понятий, существующих в реальной действительности и несоотносительных с внутриязыковыми связями и отношениями. Они могут обозначать только те отношения экстралингвистической действительности, которые тем или иным

образом соответствуют отношениям смыслов внутри языка» [12, с. 34].

Схожая точка зрения характерна для работы М.Н. Деева «Предлоги современного испанского языка», в которой автор пишет, что «предлоги обозначают или называют отношения, а не конкретные предметы, процессы, признаки» [17, с. 57].

В «Русской Грамматике» (1980 г.) также утверждается, что лексическим значением предлога является значение того отношения, которое выражается этим предлогом. «Это отношение может быть или максимально абстрактным, широким, или более конкретным и определенным, узким. Однако в любом случае предлог имеет лексическое значение, различна лишь степень его абстрактности» [18, с. 710].

О предлогах с наиболее абстрактным лексическим значением А.И. Смирницкий говорит следующее: «лексическое значение предлога остается, но на первый план выступает его грамматическое значение, и оно как бы подавляет его, делает лексическое значение менее заметным» [19, с. 88].

Интересно отметить работу Т.Е. Коноваловой, которая исследует предлоги с абстрактным и конкретным лексическим значением. Как отмечает лингвист [20, с. 62], предлог может иметь лексическое значение, которое не зависит от семантики следующего за ним слова: в течение, впоследствии и т.д. (в испанском языке это предлоги *según, a la derecha de, durante, dentro de, de acuerdo con* и т.п.). Такие предлоги лингвист называет предлогами «с узким лексическим значением».

Кроме того, автор выделяет и другую группу предлогов — это предлоги «с широким лексическим значением»: по, от, на, в и т.д. (в испанском — *de, en, a, por* и т.п.). Семантика этих предлогов зависит от лексического значения следующего за ними слова, то есть знаменательные слова «конкретизируют» значение предлога.

Так, например, испанский предлог *en* может иметь в зависимости от контекста либо пространственное, либо временное значение:

Lo haré en dos horas.

Estoy en casa.

В словосочетании *en dos horas* следующие за предлогом *en* слова *dos horas* конкретизируют временную семантику данного предлога. Слово *casa* во втором примере, в свою очередь, уточняет пространственное значение предлога *en*.

Таким образом, даже если рассматривать фразы *en dos horas* и *en casa* отдельно от предложения, семантика предлога *en* все равно будет определена благодаря следующему за данным предлогом слову (сочетанию слов).

В своей работе Т.Е. Коновалова отмечает, что «у предлогов лексическое значение тесно связано с грамматическим и подчинено ему» [21, с. 7].

Однако В. Виноградов не соглашается с данной точкой зрения. Его позиция состоит в том, что предлог «представляет собою внутреннее, конструктивное единство лексических и грамматических значений» [22, с. 22]. И именно поэтому в предлоге представляется трудным отделить лексическое от грамматического.

И.А. Мельчук придерживается того же взгляда, что и В. Виноградов. Исследователь утверждает, лексическое и грамматическое значение достаточно трудно разграничивать, потому что это разграничение зависит от того или иного языка: лексическое значение в одном языке может стать грамматическим в другом, и наоборот. Кроме того, в одном и том же языке могут быть значения, которые являются и лексическими, и грамматическими [23, с. 241].

Исходя из всего вышеизложенных положений, о лексическом и грамматическом значениях предлога можно сказать следующее: знаменательные части речи обладают как лексическим, так и грамматическим значением; предлоги в испанском языке также имеют оба эти значения, однако в них трудно отделить лексическое от грамматического по следующим причинам:

1. предлог представляет собой «конструктивное единство» [22, с. 22];
2. значения предлога часто бывают выражены неконкретно, абстрактно.

Поэтому, при изучении предлога следует отказаться от «ограничивающего стремления

отделить в нем грамматическое от лексического и заниматься тем и другим по отдельности» [24, с. 676]. Необходимо изучать лексическое и грамматическое значения в предлоге комплексно.

Что касается каждого из данных значений, анализируя позиции разных исследователей, мы приходим к выводу, что грамматическое значение предлога заключается в том, что предлоги связывают между собой единицы языка; под лексическим значением, в свою очередь, понимается выражение предлогом того или иного вида отношений.

Другими словами, грамматическое значение предлога указывает на общие синтаксические отношения между словами, которые соединяются друг с другом предлогом. То есть грамматическое значение предлогов отражает связи между этими словами. Лексическое значение, в свою очередь, выражает конкретные, смысловые отношения между данными словами (пространственные, временные, целевые, причинные, притяжательные и т.д.).

Литература

1. Гренадерова О.Л. Полифункциональность предлога (на материале португальского языка): Дис. ... канд. филол. наук / О.Л. Гренадерова. — Москва, 2005. — 149 с.
2. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. — М., 1958. — 536 с.
3. Бондаренко В.С. Предлоги в современном русском языке. / В.С. Бондаренко. — М.: Учпедгиз, 1961. — 234 с.
4. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи / И.И. Мещанинов; отв. ред.: В.З. Панфилов, П.Я. Скорик; АН СССР, Отд-ие лит-ры и языка. — Л.: Наука, 1978. — 387 с.
5. Фоменко Л.Н. Артикль и предлог как актуализаторы имени (на материале греческого и русского языков): Дис. ... канд. филол. наук / Л.Н. Фоменко. — Краснодар, 2007. — 219 с.
6. Horno Chéliz M. del C. Lo que la preposición esconde (Estudio sobre la argumentalidad preposicional en el predicado verbal). — Zaragoza: Prensas Universitarias de Zaragoza, 2002. — 478 p.
7. Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть: морфология и синтаксис. — СПб: Алетейя, 1998. — 432 с.
8. Мальцева Р.И. Предлоги в старославянском и древнерусском языках: семантическая и функциональная эволюция. — Краснодар, 1999. — 257 с.
9. Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: Монография / Г.А. Шиганова. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2001. — 454 с.
10. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. — М., 2004. — 862 с.
11. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. — М.: Высшая школа, 1979. — 250 с.
12. Мальцева Р.И. Предлоги и приставки в русском языке XI—XVII вв.: Семантическая и функциональная эволюция: Дис. ... доктора филол. наук / Р. И. Мальцева. — Краснодар, 1999. — 785 с.
13. Кравченко Н.П. Семантико- и текстообразующие функции русских предлогов (на материале языка художественной литературы и СМИ): Дис. ... доктора филол. наук / Н.П. Кравченко. — Краснодар, 2001. — 273 с.
14. Шиганова Г.А. Релятивные фразеологизмы русского языка / Г.А. Шиганова. — Челябинск, 2003. — 308 с.
15. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. — Л.: Учпедгиз, 1957. — 188 с.
16. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. — 219 с.
17. Деев М.Н. Предлоги современного испанского языка. — М., 1973. — 176 с.
18. Русская грамматика. В 2 т. — М.: Наука, 1980. Т.1 — 784 с.
19. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка / А.И. Смирницкий. — М.: Изд-во лит-ры на ин. языках, 1957. — 286 с.
20. Коновалова Т.Е. Специфика предлогов широкой семантики и ее отражение в словарях

/ Т.Е. Коновалова // Вопросы романо-германского языкознания. — Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1988. — с. 60–67.

21. Коновалова Т.Е. Специфика структуры и функционирования предлогов с широкой семантикой (на материале разных функцион. стилей рус. и англ. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Е. Коновалова. — Саратов, 1988. — 19 с.

22. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. — 4-е изд. — М.: Рус. яз., 2001. — 717 с.

23. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том I: Пер. с фр. / Предисл. А.Е. Кибрика. Общ. редакция Н.В. Перцова. — М.: Язык и русская культура; Вена: Прогресс, 1997. — 416 с.

24. Белошапкова В.А. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. — М.: Высшая школа, 1989. — 800 с.

Гусева И.В.

**Языковая личность и культурно-коммуникативные
модели Эдварда Холла
(на основе мексиканского варианта испанского языка)**

В статье рассматривается взаимозависимость особенностей национального характера и их отражения в языке и языковом сознании и типа культуры личности, определяемого согласно классификации Эдварда Холла, американского антрополога, специалиста в области нейролингвистического программирования. Исследование проводится на основе мексиканского варианта испанского языка.

Ключевые слова: национальный характер, языковая личность, межкультурная коммуникация, мексиканский вариант испанского языка.

I. Guseva

**LANGUAGE PERSONALITY AND EDWARD HALL'S INTERCULTURAL
COMMUNICATION MODELS
(BASED ON MEXICAN VARIETY OF SPANISH LANGUAGE)**

The article touches upon the problem of the correlation between the peculiarities of the national character and culture, the type of personality and their reflection in the language. It is explained why the process of mutual understanding is almost impossible without in-depth studies of the types of the cultures of language communities.

Key words: national character, language personality, intercultural communication models, Mexican variety of Spanish language.

Взаимовлияние национальной культуры и личности находится в центре внимания целого ряда наук: психологии, культурологии, социологии и других. Язык является одним из ключевых факторов формирования личности, передающим информацию о ценностных ориентирах в области морали и поведения. «Язык — это орудие культуры: он формирует человека, определяет его поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет, национальный характер, идеологию. Язык — строгий и неподкупный учитель, он навязывает заложенные в нем идеи, представления, модели культурного восприятия и поведения» [1, с. 165].

Язык отражает и одновременно формирует национальный характер своего носителя. Современные исследования в области лингвокультурологии и межкультурной

коммуникации указывают на существование прямой зависимости особенностей национального характера, и их отражения в языке и языковом сознании, от типа культуры личности. О.А. Леонтович, исследуя связь языка и культуры, указывает, что язык не только способствует идентификации объектов окружающего мира, но и позволяет их классифицировать, помогает правильно оценивать явления и объекты действительности, способствует координации человеческой деятельности, дает возможность получить поддержку правильности своих действий со стороны языкового коллектива [2]. В процессе изучения данной проблемы были предложены различные классификации типов культуры личности. Приведем несколько классификаций, наиболее часто упоминаемых в современных трудах ученых, работающих в области изучения национального характера и языковой личности: по ценностным характеристикам — чувственный, идеационный (приоритет духовного и равнодушие к материальному), и идеалистический (равновесие чувства и разума) (П.А. Сорокин); по толкованию категории времени — монохромные и полихромные (Э. Холл); по плотности информационных сетей в процессе коммуникации — высококонтекстные и низкоконтекстные (Э. Холл), по ментальным программам (дистанция власти, коллективизм/индивидуализм, маскулинность/феминность, стратегия мышления — ориентированность на прошлое или будущее) (Г. Хофстеде), по соотношению человек — природа (Ф. Клакхон, Ф. Стродбек) и множество других.

Таким образом, ученые считают, что особенности модели речевого поведения представителя любого социума в немалой степени зависят от национального менталитета и того, что называют национальным характером. Рассмотрим наиболее значимые для понимания национального менталитета и анализа языковой личности культурно-коммуникативные модели, разработанные американским антропологом, специалистом в области нейролингвистического программирования, Эдвардом Холлом, который сделал вывод, что общение в рамках различных социумов отличается скрытой информацией, владение которой необходимо для успешного диалога с собеседником или понимания иноязычного текста. Чем больше контекстуальной информации необходимо для понимания ситуации, тем выше сложность культуры и меньше доступность ее для понимания носителями других культур. Представители высококонтекстных культур, как правило, более информированы, так как им свойственны более тесные контакты и обмен информацией как в рамках семьи, так и в масштабе всего социума. В силу существования тесных связей между представителями социума и постоянного обмена накопленным опытом, такие культуры оказываются мало подверженными изменениям с течением времени. К таким культурам Э. Холл относит Испанию и большинство стран Латинской Америки, в частности Мексику.

Формирование и становление современной мексиканской культуры и языковой традиции, что нашло свое отражение в особенностях языковой картины мира мексиканцев, происходило на основе слияния индейской культуры, сохраненной в основном в богатейшей устной традиции и, частично, в древних письменных источниках — кодексах; испанской высококонтекстной культуры, основанной на письменной литературной традиции и, позже, мексиканского фольклора и письменной литературы. Итогом слияния и дальнейшего развития субстратных и суперстратных элементов в сознании, языке и культуре стало образование современной высококонтекстной культуры мексиканского социума.

Для коммуникации в социуме высококонтекстной культуры характерна непрямая и выразительная манера речи с использованием культурно-насыщенной лексики — прецедентных единиц, аллюзий, фразеологических единиц: невозможность открыто выражать недовольство или отказ, важность элементов невербального общения. Этим объясняется присущее мексиканской языковой личности обращение к развернутой усложненной дескрипции, как одному из способов не прямой номинации, что делает высказывание менее прозрачным.

Примером может служить множество идиом со значением умереть в испанском языке, и особенно в его мексиканском варианте. Они представляют собой более сложный, содержащий различные виды оценки, как правило, эмоциональной, способ указания на

денотативную ситуацию, причем их количество постоянно пополняется, доказательством является появление все новых идиом:

а) традиционные: *acompañar a la flaca*; *afiliarse a la cofradía*; *anclar en el panteón*; *chupar faros*; *dar el changazo*; *doblar los remos/las manos/los codos/el petate*; *llevarse a alguien la pelona*; *llevárselo a alguien Patas de Cabra (=diablo)*; *pelar gallo*; *pelarse alguien con la huesuda*; *perder/entregar/estacar la zalea*; *tomarse la del estribo*; *valer grillo/ídem/madres/maíz/miércoles/bolillo/queso/sombrilla/sorbete*;

б) новые: *colgar/alzar los tenis*; *entregar el equipo*; *hacer la maleta*; *pelarse de casquete*; *sacar con los tenis por delante*;

В качестве примера не прямой номинации также можно привести огромное разнообразие инвективных прилагательных, обозначающих принадлежность к стране, городу, местности или определенному социальному статусу:

— *defeño* — рожденный в федеральном округе Мехико;

— *chilango* — 1. *defeño*; 2. рожденный в провинции, но проживающий в столице. Хотя в словаре мексиканизмов лексема не имеет коннотационных пометок, согласно опросу информантов, оно обладает явным уничижительным оттенком.

Идея вербальной мстительности очевидно распространенная черта, ее выражением в арсенале современной мексиканской языковой личности можно считать такие лексемы, как:

— *cholo* — пренебрежительное название индейца, адаптировавшегося к городской жизни и перенявшего привычки белых;

— *roto* — пренебрежительное название человека, одевающегося и ведущего себя так, как принято у людей более высокого социального статуса. Примеры из словарей мексиканской фразеологии: *se rajó la campana de Pátzcuaro, que era de bronce*; *¿cómo no se ha de rajar un roto?* (букв. потрескался колокол Патскуаро, который был из бронзы, как же не испугаться этому бездельнику?) - построено на разнице значений глагола *rajarse*, *roto* объясняется как «человек, не имеющий работы и средств к существованию и незаконным образом добывающий деньги на то, чтобы хорошо выглядеть» [3]; *si el roto te mira mucho, es porque va con mujer* (букв. если бездельник ловит твой взгляд, то это потому, что с ним женщина) — о хвастливости *roto* и склонности его к внешним эффектам.

— *malinchista* — приверженец всего иностранного, происходит от имени Малинче, индейской девушки, ставшей спутницей и переводчиком Кортеса;

— *vendepatrias* [4, 616] (букв. продавший родину) — в значении сходном со значением предыдущей лексемы используется во многих латиноамериканских вариантах, однако в мексиканском, обозначает еще и мексиканца, иммигрировавшего в США;

— *pocho* — мексиканец, перенявший привычки и образ жизни американцев. «*Muchos piensan que si critico al gobierno de México, (...) automáticamente significa que soy antimexicano, malinchista, vendepatrias, entregado, lamebotas de los yanquis, “coco” (blanco por dentro y prieto por fuera), “pocho”, chicano y a lo que a usted se le ocurra*» [5] («Многие думают, что раз я критикую правительство Мексики, (...), это автоматически означает, что я противник всего мексиканского и приверженец иностранного, предатель, изменник, отступник, американский прихвостень, оборотень с приятной внешностью и злобным нутром, дезертир, в общем, все в таком духе, что может придти вам в голову»).

— *pachuco* — мексиканец, эмигрировавший в США, характеризуется вызывающей манерой одеваться и антисоциальным поведением [6].

В качестве примера идиомы, сложной для понимания при отсутствии знания особых реалий мексиканского социума, можно привести компаративный оборот *ser como el Calendario de Galván* (букв. быть как календарь Гальвана), что означает быть вруном, обманщиком. Прецедентное высказывание *Calendario de Galván* касается самого старого календаря, изданного в 1826 году в Мексике Марио Гальваном Риверой. Помимо религиозных праздников, он содержал предсказания погоды на каждый день месяца, являвшиеся результатом обобщения погодных условий нескольких предыдущих лет. Основываясь на такого рода исследованиях, оказалось трудно предсказать изменения в погоде с точностью до дня, поэтому календарь стал предметом иронии, содержащей намек на неточность прогнозов в любой области. Даже появилась пословица *mentir más que el Calendario de Galván*.

Мы привели лишь несколько примеров отражения в языке определенных типов культуры. В целом, очевидно, что сложнейший процесс взаимопонимания в современном мире был бы невозможен без глубокого изучения исторического, культурного развития языкового социума, а также его духовных, эмоциональных и психологических особенностей.

Литература

1. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004.
2. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. — М.: Гнозис, 2007.
3. Pérez Martínez H. Refranero mexicano. — México: FCE, Academia Mexicana, 2004. URL: <http://www.academia.org.mx/refranero.php>
4. Diccionario de Mexicanismos. Academia Mexicana de la Lengua. — México: Siglo veintiuno editores, 2010.
5. Zapata C.F. Desde Las Entrañas del Monstruo. Anécdotas de un inmigrante mexicano en EE.UU. — EE.UU: Create Space, 2008.
6. Gómez Silva G. Diccionario Breve de Mexicanismos. — México: FCE, 2001.

Н.В. Зененко, М.А. Зененко

Миграционная группа порядково-относительных слов. Место в системно-структурном пространстве современного языка (на материале испанского и португальского языков)

Статья содержит функционально-семантический анализ порядково-относительных слов primero и último, которые составляют миграционную группу. Семантическая трактовка этих лексем позволяет определить место данной миграционной группы в системно-структурном языковом пространстве, определить рамки антонимии и функциональные возможности данных языковых единиц.

Ключевые слова: функционально-семантический анализ, функционально-семантическое поле, миграционная группа, порядково-относительные слова.

N. Zenenko, M. Zenenko

MIGRATORY GROUP OF THE ORDINAL RELATIVE WORDS. SITUATION IN SYSTEM-STRUCTURAL SPACE OF A MODERN LANGUAGE (BASED ON THE SPANISH AND PORTUGUESE)

The article contains a functional-semantic analysis of the ordinal relative words primero and último, which constitute a migratory group. The semantic interpretation of these tokens to determine the location of the migration group in the system-language space structurally, antonymy define the framework and the functionality of these linguistic units.

Key words: functional and semantic analysis, functional-semantic field, the migration group, the ordinal relative words.

Современная лингвистическая методология и апробированные результаты языковых теорий открывают путь к рациональному обсуждению некоторых спорных вопросов в языке. В настоящий момент наука все больше укрепляется в том мнении, что нередко для решения этих вопросов ученому необходимо выйти за рамки лингвистического контекста.

При всем многообразии традиционных и прогрессивных теоретических изысканий мы применяем принципы функционально-семантического анализа, который, на наш взгляд, является наиболее продуктивным для мониторинга и семантической трактовки таких

спорных языковых единиц, как порядково-относительные слова *primero* и *último*. Этот анализ позволит нам пересмотреть некоторые существующие традиционные понятия и определить место лексико-грамматического класса (в состав которого входят эти лексемы) в системно-структурном пространстве современного языка.

В настоящем анализе мы будем рассматривать языковую систему как совокупность разноуровневых элементов, которые находятся в определенных отношениях друг с другом и составляют некую целостность, а структуру — как совокупность устойчивых связей объекта, которая обеспечивает целостность экзистенции языковой системы [7].

Функционально-семантический подход, на наш взгляд, предполагает описание семантических и функциональных характеристик, релевантных для коммуникативного процесса. Данный продуктивный подход прочно вписался в фундаментальную теорию о языке. «Функциональная грамматика, сочетая методы формальной и семантической грамматики, стремится избежать их недостатков и односторонности. Она систематически изучает функции каждой формы, отмечая всякий раз семантические и несемантические черты. Она показывает переход формы от одной функции к другой, изучая в этих целях взаимосвязь лексики и грамматики и семантические особенности грамматических форм в контекстах» [9, с. 9].

В последнее время основные положения функционального анализа стали неотъемлемой частью исследования языковых явлений с точки зрения коммуникативного подхода к языку. Многие ученые отождествляют эти два направления. Например, В.Г. Гак считает, что «в лингвистике функциональный подход есть, прежде всего, подход коммуникативный» [4, с. 6]. Из чего следует, что общение в определенной среде, конкретные условия коммуникации, форма общения и т.д. — все это детерминирует отбор лексических и грамматических языковых средств. В этой связи Г.В. Колшанский пишет: «...грамматическая оформленность слова является результатом давления более высокой единицы на более низкую, то есть текста на высказывание и высказывания на слово. Именно эта детерминация сверху определяет грамматический характер слова независимо от его конкретной выраженности в языках». Тезис о ситуативном характере языковых средств, встречающийся в работах Г.В. Колшанского [8, с. 22–39], Б.Н. Забавникова [5, с. 69–76] и других лингвистов, представляется нам важным и вполне приемлемым для определения места лексем *primero* и *último* в системно-структурном языковом пространстве.

Функционально-семантический анализ дает возможность объединить лексико-грамматические группы слов в функционально-семантические поля и миграционные группы. Миграционная группа слов (МГ) — это, как правило, замкнутая, количественно ограниченная группа слов, связанная единым семантическим значением и располагающаяся на периферии двух или более лексико-грамматических классов (ЛГК). Морфологические категории, которыми располагают единицы миграционной группы, являются общими для ЛГК, между которыми она находится. Слова, входящие в миграционную группу, имеют свою семантическую и морфологическую специфику [6, с. 40].

К миграционным группам могут быть отнесены, так называемые, порядково-относительные слова *primero* и *último*. Термин «порядково-относительные слова» ввел академик В.В. Виноградов, который утверждал, что «эти слова имеют не только все морфологические приметы имени прилагательного, но и все его основные грамматические значения» [3, с. 194]. Другой известный языковед XX в. О.А. Ахманова вводит в лингвистический оборот термин порядковые прилагательные. Ученый приводит небольшой синонимический ряд для таких слов (первый, второй, третий...): порядковое числительное, прилагательное-числительное, счетное прилагательное, числительное прилагательное [1, с. 515].

«Семантическая характеристика имен прилагательных как единиц лексического уровня языка невозможна без обращения к категориально-грамматической и категориально-лексической (тип лексического значения) основе их лексического значения» [10, с. 68–77].

Рассматриваемые в нашей статье порядково-относительные слова *primero* и *último* обладают порядковым признаком, указывающим на то, какое место предмет занимает в некотором ряду относительно других членов этого ряда. Испанские и португальские

грамматисты указывают на этот признак [18, с. 123].

Прилагательные по своей семантике очень разнообразны, наряду с абсолютными признаками (размер, цвет, форма) они способны маркировать относительные признаки, приписываемые субстанции в определенной ситуации (актантные, временные, модальные). Особенность последних в том, что их значение в большей степени подвижно, так как в большей степени зависит от структуры внеязыковой ситуации. Относительные признаки порядковых слов *primero* и *último* дают нам основание объединить их в самостоятельную группу миграционных слов. Мы причисляем к данной миграционной группе прилагательное *último* в силу того, что важной семантической составляющей этого слова является указание на место лица (предмета) в некоторой последовательности на основе порядка счета (первый, второй, третий... последний).

К этой группе, на наш взгляд, примыкают порядково-относительные слова, передающие также порядковый признак: *anterior, posterior, procedente, siguiente* (исп.); *anterior, posterior, precedente, seguinte* (порт.).

Итак, миграционная группа, в состав которой входят лексемы *primero* и *último* в испанском и португальском языках — это особая группа слов, которая по своей семантике указывает на количество единиц и на порядок следования. В значении данных порядковых слов доминирует логико-понятийный элемент, они чутко реагируют на семантику субъекта или объекта, с которым комбинируются, а также на другие условия коммуникативной ситуации. Помимо семантической специфики, для данных слов в функциональном аспекте характерна препозиция по отношению к субъекту или объекту: *primera página — última página* (исп.); *primeira página - última página* (порт.).

Категориальное значение рода и числа у этих слов выражается морфологически: *el primero (o primeiro) — la primera (a primeira), los primeros (os primeiros) — las primeras (as primeiras); el último (la última) — los últimos (las últimas); o último (a última) — os últimos (as últimas)*.

Порядково-относительные слова в современных испанском и португальском языках обладают целым спектром семантических характеристик. Целью нашей статьи является анализ семантики наиболее часто употребляемых слов *primero-último*. Поскольку данные слова образуют антонимическую пару (на это указывают испанские и португальские толковые словари), нам представляется интересным определить рамки антонимии, опираясь на функционально-семантическую сочетаемость этих слов и на установленную систему значений. А выбранная нами методология, позволит определить функциональные возможности данных языковых единиц.

Для реализации первой задачи нам необходимо классифицировать существительные, сочетающиеся с интересующими нас порядково-относительными словами. Мы можем выделить несколько типовых групп: параметрические имена, имена предметные, событийные, имена действия и чувства, имена лица. Формат данной статьи позволяет нам провести анализ лишь параметрических имен.

Параметрические имена очень вариативны и относятся к различным сферам жизни социума. Например: образование (*clase / classe; ciclo; grado / grau*); спорт (*posición / posição; liga*); театр (*escena / cena; acto; parte*); книжное дело (*página; capítulo; volumen / volume*). Объединяет их то, что они обозначают некую общепринятую единицу, с помощью которой членится данное множество, пространственный, временной интервал или иерархический ряд. Интересно отметить, что в комбинаторном дуэте (порядковое слово + параметрическое существительное) порядковое слово максимально автономно, существительное же невозможно без порядкового идентификатора. При отсутствии слов *primero* и *último* данный языковой дуэт малоинформативный. Порядковое слово обеспечивает аутентификацию какого-то предмета или явления по его местонахождению в общепринятой системе соотношений. При этом *primero* противостоит *último* (а также *segundo, tercero, etc*) в том случае, если членимое целое ограничено числом элементов.

В языке есть группа временных параметрических имен, которые служат измерителями протяженности явлений или процессов (*año / ano, mes / mês, semana, día / dia, minuto, segundo*) и продуктивно сочетаются с порядковыми словами *primero* и *último*.

Нередко порядковые слова *primero* и *último* сочетаются с существительными множественного числа *tiempos* / *tempos*, *momentos*. Например: *Desde los primeros tiempos de que no hay noticia* (исп.); *Nos primeiros tempos o mundo era visto como algo completamente imprevisível, governado por divindades caprichosas* (порт.); *Vosotros debéis ser los apóstoles de estos últimos tiempos* (исп.); *Nos últimos tempos ele aprendeu o preço da traição* (порт.). На данных примерах мы можем заметить, что именная группа в коммуникативной ситуации приобретает атрибутивно-сирконстантное значение и может быть переведена на русский язык следующими наречными выражениями: «в первое время», «в последнее время». *Primero* вступает в синонимические отношения с прилагательным *inicial* (начальный), а *último* — с прилагательным *reciente* / *recente* (недавний).

Явления, объекты, предметы окружающего нас мира занимают определенное положение друг относительно друга. Для их языковой систематизации в пространстве служат предметные параметрические имена. Нередко порядок взаимного расположения предметов фиксирован социумом. Например, если речь идет об этажности здания, то порядковое слово *primero* определяет нижний этаж, а *último* — верхний. Если мы говорим о рядах на зрелищных мероприятиях, в транспорте, то первым называется ряд, ближайший к сцене, водителю; последний — наиболее удаленный от сцены, от водителя. Например: *Las compré en la primera fila* (исп.); *Mas antes ainda deram oportunidade a uma das fãs da primeira fila, de nome Beatriz, a tocar por breves segundos com o grupo* (порт.); *En el último piso y con ascensor privado, está valorado en dos millones de euros* (исп.); *Ocupamos o último andar do predio alto* (порт.).

Интересно отметить, что лексема *primera fila* / *primeira fila* обладает полисемией и имеет дополнительное значение «важный, важнейший». Это мы наглядно можем продемонстрировать на примерах из оригинальных испанских и португальских текстов: *El festival propone nombres de primera fila mundial como Mouawad, Platel y Lambert* (исп.); *Foi o evento da primeira fila* (порт.).

В области книгопечатания тома, главы, страницы имеют порядковый детерминант *primero* — *último* для определения порядка следования предмета в пространственном ряду: *primera página del libro* / *primeira página do livro* — *última página del libro* / *última página do livro*.

Интересно отметить, что действия человека в определенной коммуникативной ситуации могут изменить семантику порядкового слова *primero*, привнося дополнительный временной оттенок. Сравним: *Vivimos en el primer apartamento (número uno)* — *Se le negaron en el primer apartamento* (исп.); *Eles vivem no primeiro apartamento (número um)* — *Foi negado no primeiro compartimento* (порт.). На этих примерах мы отмечаем наличие пространственно-временной омонимии.

Порядковое слово *último* не присваивает предмету определенного номера, поэтому омонимия прослеживается не настолько явно.

Еще одним подтверждением наличия принципиального семантического различия этих порядковых слов *primero* и *último* является тот факт, что *primero* сочетается с названиями социальных институтов или режимов правления, нередко приобретая функции имени собственного: *I Internacional, I Republica*. А в сценической практике герои могут упоминаться как *Primer hombre, Primersoldado*. Порядковое слово *primero* можно также встретить в названии праздника Первомай (*Primero de Mayo* / *Primeiro de Maio*). А в комбинаторном сочетании, например, с именами королей и пап без этой лексемы нельзя обойтись: *San Alejandro Primero, Juan Carlos Primero*. Тогда как порядковое слово *último* не способно выступать в качестве субститута имени собственного. Таким образом, мы наблюдаем функционально-семантическую асимметрию порядково-относительных слов *primero* и *último*.

Применяемый нами функционально-семантический подход поможет нам определить место данной миграционной группы в структуре современных испанского и португальского языков. В зависимости от языковой ситуации *primero* и *último* способны реализовывать свои функциональные возможности в разных функционально-семантических полях (ФСП) структуры языка. Реализуя указанные потенции в ФСП субъектности/объектности, категориальное значение рода может быть мотивированным (порядковое прилагательное

указывает на лицо: *El primero/el último [la primera/la última] entró en el aula* [исп.]; *O primeiro/a primeira [a primeira/a última] entrou na sala* [порт.] или немотивированным (порядковое прилагательное указывает на предмет): *Hubo muchos diccionarios. El primero fue muy antiguo* [исп.]; *Havia muitos dicionários. O primeiro era muito velho* [порт.]. В том случае, если порядковые слова функционируют в ФСП адъективной атрибутивности, категориальное значение рода носит согласовательный характер: *el primer/el último día (la primera/la última semana)* (исп.); *o primeiro/o último dia (a primeira/a última semana)* (порт.).

Реализуя свои возможности в ФСП субъектности/объектности и в ФСП адъективной атрибутивности, порядковые слова *primero* и *último* могут употребляться с артиклем, который дублирует их морфологические категории: *los primeros minutos — las primeras horas* (исп.); *os primeiros minutos — as primeiras horas* (порт.), или их фиксирует: *los tres (días) — las tres (manos)* (исп.); *os tres (dias) — as tres (mãos)* (порт.).

Отечественные и иберо-романские словари дают определенное толкование исследуемых лексем, на основании чего мы формируем группы со следующими функциями, которые выполняют представленные единицы в дискурсе: субъектно/объектная, предикативная, атрибутивно-адъективная, атрибутивно-сирконстантная.

Primero / o primeiro:

1. Субъектно/объектная функция: а) самый важный, важнейший: *El primero del informe es el tema de la economía* (исп.) / *O primeiro do relatório é o tema da economia* (порт.); б) быть первым, стоящий (идуший) первым: *En la habitación entró el primero* (исп.) / *No quarto entrou o primeiro* (порт.).

2. Предикативная функция: а) быть первым, стоящим (идушим) первым: *Fue el primero en llegar* (исп.) / *Ele foi o primeiro a chegar* (порт.); б) лучший в своем роде: *Está el primero de la clase* (исп.) / *É o primeiro da classe* (порт.); в) главный, ведущий: *En Madrid hay muchas calles principales, pero es la primera* (исп.) / *Em Madrid há muitas ruas principais, mas é a primeira* (порт.).

3. Атрибутивно-адъективная функция: а) первый (чего, из чего, в чем, где, из, среди кого, чего): *Los estudios empiezan el primer día del mes* (исп.) / *Estudos estão começando no primeiro dia do mês* (порт.); *No he visto el primer número de la revista* (исп.) / *Eu não vi a primeira edição da revista* (порт.); *Estudias bien y eres el primer alumno de la clase* (исп.) / *Estude bem e são o primeiro aluno da classe* (порт.). В последнем примере *el primero / o primeiro* может выполнять функцию составного именного сказуемого в составе сложного предиката: *Estudias bien y eres el primero de la clase* (исп.) / *Estude bem e são o primeiro da classe* (порт.).

4. Атрибутивно-сирконстантная функция: а) сначала, прежде всего, первым делом: *Primero visito la capital* (исп.) / *Primeiro visito a capital* (порт.); б) предпочтительней, скорее, раньше, лучше: *Primero morirá de hambre que pedir limosna* (исп.) / *Primeiro ele vai morrer de fome que implorar* (порт.).

Último

1. Субъектно/объектная функция: а) последний (из чего-либо): *En la habitación entró el último* (исп.) / *No quarto entrou o último* (порт.); б) быть, сделать что-либо последним: *Fue el último en llegar* (исп.) / *Ele foi o último a chegar* (порт.); в) предел чего-либо, последняя возможность: *Lo último que le dejó era contarles todo* (исп.) / *O último que resta a dizer-lhe tudo* (порт.); г) худший, менее важный: *El último del grupo era Juan* (исп.) / *O último do grupo foi João* (порт.).

2. Предикативная функция: а) последний (из кого-либо/чего-либо): *Pedro fue último en la cola* (исп.) / *Pedro era o último da fila* (порт.); б) худший, менее важный: *Pedro fue último del grupo* (исп.) / *Pedro foi último no grupo* (порт.).

3. Атрибутивно-адъективная функция: а) конечная дата чего-либо: *El contrato vence el último día de mes* (исп.) / *O contrato expira no último dia do mês* (порт.); б) недавний, последний, свежий: *No he visto el último número de la revista* (исп.) / *Eu não vi a mais recente edição da revista* (порт.); в) конечный, предельный, высший: *La última (final) aspiración fue la victoria* (исп.) / *O objectivo último (final) foi a vitória* (порт.); г) самый дальний, удаленный, отдаленный: *Vive en la última esquina del mundo* (исп.) / *Mora no último canto do mundo* (порт.); д) окончательное

решение: *Aún no he dicho mi última palabra* (исп.) / *Eu não disse a minha última palavra* (порт.);
е) конечная цель: *Su fin último no es otro que ganar dinero* (исп.) / *Seu objetivo último (final) é simplesmente para ganhar dinheiro*.

4. Атрибутивно-сирконстантная функция: а) в последнее время: *Últimamente llueve poco* (исп.) / *Últimamente há pouca chuva* (порт.).

Итак, в результате анализа функционально-семантических характеристик порядково-относительных слов *primero* и *último* мы установили, что рамки антонимии данных слов довольно широки, однако антонимии по всем позициям мы не наблюдаем. Диспропорция возникает, прежде всего, по причине наличия в семантике *primero* указания на номер предмета и, как следствие, может использоваться в функции идентификатора и субститута имени собственного. Реализуя свои семантические возможности в коммуникации, *primero* и *último* выполняют одинаковые функции: субъектно/объектную, предикативную, атрибутивно-адъективную, атрибутивно-сирконстантную. В данном формате также наблюдается ассиметрия. *Primero* полнее реализует семантическую вариативность, выполняя предикативную функцию, а *último* — атрибутивно-адъективную функцию.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М., 2004.
2. Васильева-Шведе О.К., Степанов Г.В. Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи. — М., 1972.
3. Виноградов В.В. Русский язык. — М., 1972.
4. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. — М.: Добросвет, 2004.
5. Забавников Б.Н. Методологические аспекты коммуникативно-ориентированной грамматики // Изд. АН СССР. Серия литературы и языка. — М., 1980. № 1.
6. Зененко Г.П. Миграционные группы слов в системе лексико-грамматических классов португальского языка // Проблемы бионики. — Харьков, 1987. Вып. 39.
7. Зененко Н.В. Структурные доминанты языка. Функциональное поле предикативности и функциональное поле атрибутивности: на материале иберо-романских языков: [монография] / Н.В. Зененко. — М.: ИД «АТИСО», 2009.
8. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. — М.: Наука, 1984.
9. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. — М.: Наука, 1986.
10. Сулеменко Н.Е. Еще раз о семантике прилагательных // Критика и семиотика. Вып. 11. 2007.
11. Alvar M. Introducción a la lingüística española. — Barcelona, 2000.
12. Bello A. Gramática de la lengua castellana. — Madrid, 1984.
13. Bosque I., Demonte V. Gramática descriptiva de la lengua española. Real Academia Española. — Madrid, 1999.
14. Cunha, C. Nova gramática do português contemporâneo / C. Cunha, L. F. Cintra. — Lisboa: Editora João Sá da Costa, 1999.
15. Diccionario esencial de la lengua española / Real Academia Española, 2006.
16. Dicionário de língua portuguesa / por A. Costa, A. Sampaio e Melo. — Porto, 1989.
17. Gramática da língua portuguesa / M. H. Mateus [et al.]. — 5-a ed. — Lisboa: S.A., 2003.
18. Nueva gramática básica de la lengua española. Asociación de academias de la lengua española. — Barcelona, 2011.
19. URL: <http://coleccion.narod.ru/manuales/BelloAndres-GramaticaDeLaLenguaCastellana.pdf>

И.Ю. Кудрявцева

ТЕРМИНЫ ТАВРОМАХИИ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Работа представлена кафедрой испанского языка Московского Государственного института (Университета) международных отношений и выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора В.А.Иовенко.

В работе рассматриваются лексические единицы и фразеологизмы языка тавромахии (искусства боя быков), которые используются в качестве метафор, так как термины корриды давно вышли за рамки профессионального употребления и проникли в повседневный язык, в значительной мере украсив и обогатив его.

Ключевые слова: коррида, лингвокультурология, испанский язык.

I. Kudriavtseva

BULLFIGHTING TERMS IN CONTEMPORARY SPANISH

The present paper has been prepared by the Spanish Language Department of Moscow State Institute (University) of International Relations (MGIMO University) under the Academic Supervision of Prof Valery Iovenko, Doctor of Philology.

It deals with the lexical units and collocations associated with tauromachia (art of bullfighting), which have come to be widely used as metaphors due to the fact that the bullfighting terms have long gone beyond the professional use and permeated the everyday language, having considerably decorated and enriched it.

Key words: bullfighting, cultural linguistics, Spanish.

Испанцы сравнивают контуры своей страны на карте со шкурой быка, «*la piel de toro*». Для Хосе Гарсия Ньето, автора словаря терминов корриды, написавшим «*como un toro se extiende la patria en que naciste*» (как бык простирается родина, в которой ты появился на свет), бык — это символ Испании. Неотъемлемой частью испанской культуры является тавромахия (*tauromagia*), то есть искусство боя быков. Для понимания испанской национальной картины мира необходимо учитывать, что это не только развлечение, но и событие огромной значимости в жизни испанцев. Коррида имеет глубокие исторические корни и считается одним из воплощений национального духа. Само слово *corrida* образовано от глагола *correr*, главное значение которого бежать. У этого глагола есть и иные значения, например *correr una suerte* — претерпеть судьбу. Поэтому очень приблизительно смысл словосочетания *corrida de toros* можно перевести как бег быков. Испанцы называют корриду просто *toros*, то есть быки. Коррида пронизывает национальное сознание испанцев и присутствует во всех проявлениях их жизни, что не может не найти отражение в языке. Термины корриды выходят далеко за рамки профессионального употребления, они метафоризируются, проникают в повседневный язык, обогащая и украшая его. Их можно встретить в прессе, в фольклоре, в кино и на телевидении, в художественной литературе и в поэзии, даже когда темы произведений далеки от корриды.

В 1991 году во время официального визита в Испанию Михаил Горбачев был встречен восторженными криками «*Gorby, Gorby, torero, torero*». Этот визит был широко освещен нашими СМИ, однако журналисты затруднились перевести эпитет «*torero*», так метко выбранный испанцами для того, чтобы выразить свою оценку инициатора перестройки. И неслучайно. Ведь для того, чтобы точно передать смысл (что является целью любого перевода) этой метафоры, необходимо дать подробный комментарий. Нельзя забывать, что для испанцев тореро — это храбрый мужчина, который не боится трудностей. Это национальный собирательный образ народного героя, в котором воплотились все положительные черты мужчины, с точки зрения испанцев: смелость, отвага, сила, красота, мужество, способность

рисковать и не бояться смерти. Все эти качества обеспечивают ему высокий социальный статус и огромный успех у женщин. Именно таким неотразимым героем считает себя в душе каждый испанец, даже если он не выходит на арену против огромного быка, а одерживает маленькие победы в повседневной жизни.

На корриде тореро должен *torear* — сражаться с быком. Глагол *torear* — один из важнейших терминов, который обозначает участвовать в бое быков, вести бой с быком. *Torear* — это комплекс действий, которые тореро совершает на арене. Есть и другие значения этого глагола «обманывать, водить за нос, высмеивать, издеваться, надоедать». В этом смысле синонимом глагола *torear* является глагол *burlar* — «обманывать, играть, развлекаться». Неслучайно, книга Тирсо де Молины про знаменитого соблазнителя женщин дона Хуана Тенорио называется «*Burlador de Sevilla*». Амбивалентность глагола *torear* объясняется тем, что поведение тореро на арене является сложным: он дразнит быка, изматывает его и уходит от нападений, демонстрируя свою хитрость, ловкость и храбрость. В разговорной речи и во многих фразеологических выражениях подобные действия сравниваются с процессом соблазнения женщины при помощи разных ухищрений и обмана. Например, выражение *correr aventuras con mujeres fáciles* можно перевести как «искать приключений с женщинами легкого поведения», то есть загулять. В терминологии тавромахии выражение *torear por las afueras* (вести бой за пределами определенной правилами территории) имеет негативный характер, а в качестве метафоры означает «искать любовные связи на стороне». Если тореро одержал победу на корриде и получил трофеи, то про него говорят, что он *salió por la puerta grande* (вышел через главные ворота) или *cortó la oreja y el rabo* (отрезал ухо и хвост). Когда мужчина хочет похвастаться своими победами у женщин, он употребляет эти же выражения, а если сталкивается с трудностями или терпит неудачу в постели, то использует выражение *pinchar en hueso*, то есть «попасть в кость». В тавромахии это выражение означает «промах тореро», когда он попадает шпагой не в верхнюю часть спины быка между лопаток, а в кость. Дело в том, что искусный матадор убивает быка наповал с первого раза, вонзая шпагу по самую рукоятку. Легко понять эротический смысл таких выражений как *hasta la empuñadura*, *hasta la bola*, *hasta la cruz* — по рукоятку, если мужчина одерживает блистательную победу, а если мужчина прикладывает много усилий, чтобы завоевать благосклонность женщины, про него говорят, что *tiene mucho que torear* (с ней приходится много биться). Совместная жизнь супругов может быть охарактеризована как *lidia* — бой, *brega* — схватка. Народная испанская поговорка гласит: «*El matrimonio es como una plaza de toros: los que están dentro quieren salir y los que están fuera quieren entrar*» (Брак — это как площадь быков: те, кто внутри, хотят выйти, а те, кто снаружи, хотят войти). Выражение «*torear por lo fino*» означает делать что-либо изящно и красиво; «*torear a una persona*» — обмануть человека, водить его за нос; «*torear problemas*» — уходить от проблем, избегать их. Глагол *torear* употребляется и в политическом контексте, например выражение «*torear por la derecha y por la izquierda*» означает участвовать в борьбе и с правыми, и с левыми. Когда политик дает интервью по заранее подготовленным вопросам, он «*torea de salón*».

Каждое слово, связанное с корридой и быками, порождает у испанцев богатый ассоциативный ряд. В мужском разговоре можно услышать описание внешности женщины как быка: «*tiene buen trapío*» — у нее хорошая статья, в значении комплимента. Полная женщина — это «*enmorillada*» (*morillo* — загривок у быка); «*de mucha romana*» — это корпулентная женщина, женщина весомых достоинств. Самая высшая похвала — это «*señora de bandera*», то есть так же, как и лучшего быка называют «*toro de bandera*». Также прослеживаются аналогии в поведении женщины и в поведении быка на арене. Надменность женщины выражает фразеологизм «*se encampanó*» — она задрала голову; если женщина общительна и достойно себя ведет, то она характеризуется как «*muuy pastuena*» — очень благородна; «*se deja torear*» — позволяет с собой играть; «*embiste con clase*» — нападает достойно. Для описания женской груди типична метафора «*roga быка*» — *astas, pitones, velas: los tiene bien puestos* — они у нее на месте. О кокетливой женщине скажут «*torea al toro, pero no aguanta las cornadas*». Про женщину, способную изменить своему мужчине и наставить ему рога, говорят, что она «*es una mujer del arte taurino*» или «*le pone cuernos*», а мужчина становится «*cornudo*» или «*novillo*» — рогатый.

Вот еще несколько пословиц и выражений, происхождение которых связано с корридой:
!Al toro! — призыв незамедлительно перейти к сути вопроса.

Al loco y al toro, dejarles el coso, o bien, dejarlos solos — совет избегать ситуаций или людей, представляющих опасность.

Andar boyante — быть счастливым и довольным.

A toro muerto gran lanzada — после драки кулаками не машут.

Abrirse de capa (estar con el capote al brazo) — быть готовым к активным действиям.

Aguantar varas — быть терпеливым.

Brindar un toro al sol — разглагольствовать, искать легкой славы.

Buena puya (buen rejoncillo) — острое словцо.

Cada uno mata su toro (cada mozo lance su toro) — совет заниматься делом, в котором хорошо разбираешься, и не браться за то, в чем ничего не понимаешь.

Coger el toro por los cuernos — брать бразды правления в свои руки.

Como si le hubieran clavado una banderilla — реагировать на какое-либо действие быстро и жестко.

Correr alguien como si un toro corriese tras él — бежать во весь опор, уносить ноги.

Dar cornadas al viento — стараться напрасно.

Dar el quiebro — обмануть кого-нибудь. (Происходит от обманного движения тореро, когда он в решающий момент уклоняется от удара рогом).

Dar las últimas bocanadas — выражение, означающее, что кто-то находится при смерти или в критическом положении.

Dar un capotazo — быстро покончить с неприятным делом.

Dar (recibir) una cornada — нанести сердечную рану, причинить боль.

Dejarle a uno en las astas del toro — поставить кого-либо в трудное положение.

Estar entre los cuernos del toro — находиться в опасном месте.

Haberle visto las orejas al toro — посмотреть опасности (смерти) в глаза.

Hablemos de toros — сменить тему разговора.

Hasta el rabo todo es toro (no cantes victoria antes de la gloria) — не говори гоп, пока не перепрыгнешь; не стоит делить шкуру неубитого медведя.

Huyendo del toro cayó en el arroyo — попасть из огня да в полымя.

Ir a los toros y tomar el sol, es la mejor vida para el español — ходить на корриду и загорать — вот лучший образ жизни для испанцев.

Irse derecho al toro — действовать уверенно и без колебаний.

Llamar al toro desde la barrera, eso lo hace cualquiera — каждый мнит себя героем, наблюдая за боем из укрытия.

Llegar al último toro (llegar a las mulillas) — опоздать, появиться в тот момент, когда мулы утаскивают с арены убитого быка.

Los toreros en las plazas, los cómicos, en las tablas — совет находиться на своем месте (каждый несет свой чемодан; каждый сверчок знай свой шесток).

Los últimos toros no dan nunca honra ni provecho — делать все своевременно, в установленные сроки.

Más cornadas da el hambre — больше ударов наносит голод.

Pan y toros queremos y si falta algo que sea el primero — мы хотим хлеба и быков, и, если чего-то не хватает, то пусть — первого.

Poner banderillas negras — применить высшую меру наказания (в корриде черными бандерильями метили самого слабого быка, которого убирали с арены и возвращали в загон).

Quien con toros anda, a torear aprende — с кем поведешься, от того и наберешься.

Ser un primer espada — иметь высшую квалификацию, быть мастером своего дела.

Tener la cabeza más dura que un picador — быть очень упрямым.

Tener la sangre torero — быть беззаботным человеком, готовым к развлечениям.

Tener mas dinero que un torero — быть очень богатым.

Tener una cogida — пережить несчастный случай, попасть в аварию.

Torear por lo fino — действовать умело и искусно.

Viajar más que maleta de torero — много путешествовать.

Ya está el toro en la plaza — выражение, обозначающие, что назад хода нет и менять решение поздно.

Невозможно представить себе разговора о кулинарии (а испанцы часами могут говорить о еде), не упоминая терминов корриды — от названий баров и ресторанов: «*En el quinto toro*» («У пятого быка»), «*Las banderillas*» («Бандерильи»), до названий блюд в меню, также являющихся своеобразной метафорой, которая связана или со вкусом, или с формой и цветом продукта: «*Estocada*» (удар шпагой) — *carne picante con salsa* (рубленое мясо с соусом), «*Capote*» (плащ тореро) — *carne y tomate en rodajes* (мясо и помидоры, нарезанные кружочками). Маленькие заостренные палочки, которые подают в барах, чтобы есть оливки или огурчики, называются *banderillas*, а выражение «*poner un par de banderillas*» означает обидеть, ранить кого-либо колкими словами, наказать.

Знаменитые испанские «*coplas*» (куплеты, частушки) также дают много примеров метафоризации терминов тавромахии:

Como un toro en la plaza

Tiene mi niña el arranque

Sólo se acuerda de mi

Cuando me tiene delante.

Каждый испанский школьник знает, что «*hacer los novillos*» — это прогуливать уроки, то есть вместо занятий играть в молодых бычков. Уходящий на пенсию человек скажет про себя «*se me cortó la coleta*», потому что прекращающий карьеру тореро тоже отстригал косичку. Болельщики, сидящие на стадионе, обязательно отметят: «*Esta hasta la bandera*» — он забит до отказа, под завязку, то есть до флага. Домохозяйка, отправляющая старые вещи на помойку, посетует: «*Los zapatos de mi marido ya estan para el arrastre*». Предельно уставший, измотанный, обессиленный человек пожалуется: «*Estoy para el arrastre*». А в корриде это выражение означает «оттащить с арены тушу убитого быка».

Есть выражения, связанные с предметами костюма тореро. Например, *ponerse el mundo por montera* (*la montera* — головной убор тореро) — игнорировать мнение окружающих, плевать на всех и вся. *Echar un capote* (*capote* — плащ тореро) — оказать помощь, то есть *echar una mano*. Нельзя не сказать о символике цвета в костюмах тореро, где традиционное название цветов заменяется на специфические термины. Например, вместо *rojo* (красный), употребляется термин *grana* — кошениль. Этот цвет является самым характерным и часто используется для костюма тореро, что легко объяснимо, ведь красный — цвет пролитой крови, жизненной силы, ярости, насилия, страдания и боли. Любому испанцу понятно, что когда говорят «*oro y grano*», то речь идет о сочетании красного с золотым, так характерным для костюма тореро.

С точки зрения лингвистики особый интерес представляют семантические трансформации терминов тавромахии в связи с тем, что они приобретают переносное значение, метафоризируются и становятся устойчивыми идиоматическими выражениями: как, например, сравнение «*como un toro en la plaza*» — как бык на площади; эпитет «*vergüenza torera*» — совесть тореро; метафора «*enchiquerar*» — посадить в тюрьму; метафора, выраженная поговоркой «*Estocada por cornada, ni el toro ni yo no nos debemos nada*» — мы в расчете, а также синекдоха «*Vete al cuerno!*» — иди ты к черту!

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что термины тавромахии часто встречаются в испаноязычных текстах и могут вызвать определенные трудности при переводе, поэтому и преподаватели, и студенты должны знать и понимать значения различных выражений и уметь объяснить их применение в том или ином контексте.

В разговорной беседе уместное употребление какой-либо метафоры или пословицы в значительной мере украшает речь, делает ее более разнообразной и эмоционально окрашенной. Студенты не должны ограничиваться запоминанием только той лексики, которая дается в каждом уроке, а самостоятельно расширять свой словарный запас, обогащать фоновые знания, находить новые материалы об обычаях и традициях страны изучаемого языка, чтобы умело применять свои знания на практике.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. — М., Прогресс, 1990. С. 5–32.
2. Киселев А.В. Proverbios y refranes españoles y sus equivalentes en ruso. — СПб.: КАРО, 2007.
3. Соловьева Н.И. Метафоризация терминов корриды в лингвокультурном пространстве // Известия российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. — СПб.: РГПУ, 2008.12 (85).
4. Соловьева Н.И. Коррида как эротическая метафора в лингвокультурном пространстве // Вестник РУДН. — М., 2007. № 4. Часть 1. — С. 70–74.
5. Vicente Blasco Ibañez. Sangre y arena. — СПб.: КАРО, 2008.
6. Проблемы перевода и лингвокультурологический аспект языка тавромахии в испанском языке. HispaLocus, Центр испанского языка в Санкт-Петербурге. [Электронный ресурс]. URL: <http://espanol-spb.ru/articles/1/>
7. Juan de Dios Luque Duran, Francisco Jose Manjon Pozas. Fraseologia, metafora y lenguaje taurino. — Universidad de Granada. 1988.
8. [Электронный ресурс]. URL: <http://foros.monografias.com>

О.В. Мурашкина

**Диалектная вариативность в испанском языке
как проблема овладения устной речью русскоговорящими студентами**

В статье рассматривается проблема формирования фонологического слуха в процессе обучения испанскому языку как иностранному. Главной трудностью овладения испанской фонетикой является многообразие национальных вариантов и диалектов испанского языка, которые на уровне звучащей речи представляют пёструю аллофоническую картину.

Ключевые слова: *фонология, estándar, нормативность, диалектная вариативность, произношение, вульгаризмы, аллофоны.*

O. Murashkina

**DIALECTAL VARIATION IN THE SPANISH LANGUAGE AS A PROBLEM
OF MASTERING SPOKEN LANGUAGE BY RUSSIAN-SPEAKING STUDENTS**

The article deals with the problem of phonological hearing formation in the process of teaching Spanish as a foreign language. The main difficulty of mastering Spanish phonetics is the diversity of national variants and dialects of the Spanish language, as they represent the varied allophonic picture at the level of speech.

Key words: *phonology; regulations; dialectal variation; pronunciation; vulgar language, allophone.*

Диахроническая диалектология в испанском ареале обусловлена многими факторами. Так, преобладание андалузского диалекта в латиноамериканских странах объясняется тем, что, согласно исследованиям М. В. Fontanella, около 60 % всех испанских экспедиций в Латинскую Америку были из Андалузии [1, с. 28]. Этим объясняется широкое распространение феномена *seseo/ceceo* на латиноамериканском континенте, который исторически сформировался в Андалузии. В свою очередь из латиноамериканских диалектов пришла в андалузский разговорный язык тенденция артикуляторной симплификации согласных звуков. На формирование национальных вариантов испанского языка в странах Латинской Америки влияли и туземные языки, порождая лингвистические интерференции, которые до сих пор проявляются на фонологическом, грамматическом, лексическом уровнях, причем расхождение диалектных подсистем в Латинской Америке обладает такой

степенью различий, что некоторые диалекты, сформировавшиеся на базе языков кечуа, мапуче, тотонака, науатль, сери настолько далеки друг от друга, что их носители либо не понимают друг друга, либо могут общаться с большим трудом. Национальные диалекты подвергаются нивелировке благодаря художественной литературе и СМИ, но при этом диалектная вариативность имеет тенденцию к смешению с литературной нормой, что ведёт к размыванию нормы на уровне звучащей речи.

В звучащей речи фактор вариативности имеет принципиальное значение, поскольку разговорная речь характеризуется максимальной степенью вариативности функционирования языковых средств. Для билингва иноязычная звучащая речь носит характер неорганизованности, изобилует повторениями и фонетическими нарушениями. Ему кажется странным, что спонтанная звучащая речь носителей языка изобилует нарушениями языковых норм. Носитель языка автоматически выбирает ту или иную фонетическую реализацию для построения высказывания, но, чтобы научиться различать оттенки звуков в речи и пользоваться ими в речевой практике, необходимо освоить всё многообразие фонологических процессов фонемного инвентаря изучаемого языка.

Современный испанский язык представляет собой совокупность множественного числа национальных вариантов, сочетающих в себе как литературную норму — *español estandar*, — так и нормативную диалектную вариативность, которая отражает способность говорящего человека к экспрессии, к свободе выражения своих мыслей и чувств в звучащей речи. Парадигматическая идентификация фонем, распознавание «*matices*» [3, с. 36] изучаемого языка, овладение всем многообразием этих оттенков имеет принципиальное значение в формировании фонологического слуха в процессе обучения испанскому языку как неродному. Но какие оттенки следует считать типовыми и где граница, за которой слух перестаёт различать оттенки изучаемого языка? Звучащая речь наиболее подвержена влиянию диалектной вариативности, поскольку на фонетическом уровне языковая система имеет определённую стабильность, в силу абстрактно-репрезентативного характера фонемы, а на уровне узуса функциональные диалектные подсистемы представляют многообразное фонологическое содержание. Образцом фонологической реализации инвентарной системы кодифицированной языковой нормы может служить звучащая речь в СМИ, поскольку речевая практика СМИ стремится к литературной норме.

Гипотеза о том, что речь носителей языка носит бессознательный характер в отличие изучающего иностранный язык верна только частично, поскольку речь носителя языка обусловлена социокультурными факторами, и процесс овладения литературной нормой и для носителя языка имеет важное значение. Для успешной коммуникации на иностранном языке билингву необходимо достичь определённого уровня понимания и изъяснения на испанском языке как в устной речи, так и в письменной.

Большой заслугой коммуникативной лингвистики является утверждение, что сообщение не является просто продуктом кодификации. Процесс коммуникации гораздо богаче: в речи участвуют лингвистические коды, которые дополняют, обогащают наше высказывание. Это так называемые семиотические коды невербальной коммуникации, которые в речевой практике носителей различных диалектов испанского языка также представляют определённые трудности в декодировании сообщения. Поэтому нельзя не учитывать психолингвистический фактор в преподавании иностранного языка. В процессе преподавания нормы *español estándar* необходимо учитывать и решать проблемы, вытекающие из многообразной диалектной вариативности испанского языка. Бесспорно, что в преподавании испанского языка должна использоваться норма *estándar*, которая является единой для всех испаноговорящих стран и гарантирует «*una total disponibilidad para cualquier oyente en cualquier situación comunicativa*» [2, с. 11]. В установлении лингвистической нормы в случае с испанским языком необходимо иметь ввиду диалектный фактор, поскольку испанский язык, имеющий характер супранационального языка, представляет собой набор различных норм, единых в своей основе. Вместе с тем, учитывая огромную территориальную протяжённость испанского ареала и большое число людей, говорящих на испанском языке, вопрос необходимости установить и признавать единую норму *estándar*

очень актуален. В случае произношения это сделать крайне сложно из-за бесчисленного множества «acentos» испанского языка. При установлении нормы *estándar* применительно к фонетике должны учитываться случаи лингвистической интерференции, исторический, социокультурный и географический факторы. Так, например, фонетические рекомендации обязательно нуждаются в комментариях: носит ли данное использование общий характер или является типичным для конкретной географической зоны. Необходимо формулировать специфику устной речи без учёта письменных норм, которые отличаются стабильностью.

Анализируя критерии определения нормы *estándar* в практике устной речи, необходимо выделить следующие области — преподавание устной речи и теоретическая фонетика и фонология. Преподавание нормативного произношения строится с учётом элементов: сегментных — произнесение звуков и супraseгментных — ударение, интонация, мелодика и ритм речи. Вместе с тем существуют и другие элементы устной речи, которые необходимо учитывать в преподавании нормативного произношения, такие, как коммуникативная ситуация, адекватность выбора лексических средств и речевая стилистика. От преподавателя требуется отличное знание фонетической системы и фонологического описания преподаваемого языка. Понятия фонетика и произношение не могут быть идентичны, поскольку фонетика — это металингвистическое отражение функционирования звучащей речи. Таким образом, обучение произношению и фонетическая коррекция — это два вида деятельности в преподавании устной речи.

В преподавании испанского языка как иностранного необходимо знать функционирование лингвистической системы на культурном и социальном уровнях, а также вариативность сегментных и супraseгментных элементов, присущих каждому уровню. В повседневной практике преподаватель испанского языка как иностранного должен иметь в виду отношения между фонетической системой преподаваемого и родного языка обучающегося. Вследствие расхождения фонологических структур иностранного и родного языков случаи интерференций при обучении произношению регистрируются довольно часто. Например, отсутствие некоторых звуков в испанской фонетике приводит к тому, что студенты часто употребляют русские звуки: так, вместо межзубного «с» произносится русский «ц» (*centro*), отсутствие звуков «ж», «ш», «з» в испанском языке также приводит к фонетическим интерференциям. Разность вокалических систем испанского и русского языков также является причиной фонетических интерференций.

На начальном этапе обучения необходимо объяснять различие звукового строя испанского и русского языков. При освоении согласных, имеющих аналоги в родном языке и сходных по своей артикуляции, студенты не испытывают трудностей. К ним относятся: билабиальные смычные /p/ и /b/ в начальной позиции, назальный /m/ и лингвовелярный смычный /n/. Наибольшую трудность для произношения представляют следующие испанские консонанты: лингвопалатальный латеральный звонкий /ʎ/ и лингвовелярный /x/. Особого внимания заслуживают фрикативные аллофоны [β], [ð] у [γ] фонем /b/, /d/, /g/, которые не имеют соответствий в русском консонантизме, и их произношение представляет определённую трудность. Ещё одна проблема возникает в случае приобретения навыков правильного произношения аллофонов /ʎ/ и /ʎ̞/, которые относятся к диалектным вариантам иберийского произношения. В процессе обучения фонетическим нормам испанского языка возникает очевидная необходимость объяснять студентам диалектальные нормы seseo/seseo и lleísmo/yeísmo, включённые РАЕ в кодифицированный реестр, с целью отличия их от других диалектных вариантов, которые являются вульгаризмами. Следует отметить, что при изучении фонетических норм студенты выбирают из всей аллофонической картины те варианты, которые представляют наименьшую трудность в произношении, даже если эти варианты расходятся с нормой *estándar*. Русскоговорящие студенты в большинстве случаев заменяют аллофон [θ] на [s], который представляет наименьшую трудность в произношении.

Приобретая артикуляционные навыки произношения консонантных аллофонов испанского языка, русскоговорящие студенты предпочитают те аллофоны, которые имеют соответствия в русском языке. Именно поэтому, обучая студентов правильному произношению, следует давать чёткую аллофоническую картину консонантной системы нормы *español*

estándar. Нельзя игнорировать тот факт, что в современном преподавании испанского языка участвуют носители языка из стран Латинской Америки, которые в большинстве случаев не владеют нормативной фонетикой испанского языка и не уделяют должного внимания произношению, сосредоточиваясь главным образом на лексике и грамматике. Такая ситуация складывается на курсах испанского языка и особенно на курсах интенсивного изучения испанского языка. Поэтому описание и установление нормативности на фонологическом уровне являются важными и актуальными. Все фонологические процессы испанского консонантизма можно разделить на две части: нормативные и диалектальные.

Фонологические процессы нормативного испанского языка:

- Lleísmo/yeísmo: дефонологизация фонемы [ll] и замена её фонемой /ʎ/: pollo/poyo [pouˈo - pouˈo]; llamado/cayado [káyo - káyo]; rollo/royo [royˈo - royˈo]; rallo/rayo [rayˈo - rayˈo]; rallado/rayado [ráyo - ráyo].

- Ceceo/seseo:

- В кастильском варианте испанского языка имеется две фонемы: /θ/ («се», «си», «з») и /s/ («с»);

- сесео: носители сесео- это те, кто проживает в отдельных регионах Андалусии и используют фонему /θ/ в тех контекстах, где необходимо употреблять /s/;

- seseo: большая часть испаноговорящего мира не имеет фонемы /θ/ и во всех контекстах пользуются фонемой /s/.

Вульгаризмы и фонетические ошибки в пиренейском произношении, которые следует иметь в виду в преподавании фонетики, относятся в основном к разговорному просторечью:

- опущение фонемы /d/ в начальной позиции: deslomar [eslomár];

- употребление фонемы /θ/ вместо /d/ в закрытом слоге характерно для речи жителей Саламанки, Вальядолида и часто встречается у жителей пригородных зон Мадрида с низким уровнем образования: adquirir[a/θ/ quirir], tomadlo [toma/θ/lo]. То же наблюдается в финальной позиции: Madrid [maðriθ], usted [ustéθ];

- финальный /d/ в разговорной речи большинства жителей Испании имеет тенденцию к опущению: verdad [verda], juventud [xubentú], soledad [soleda];

- в просторечье наблюдается опущение /d/ и в интервокальной позиции: soldado [soɫdao], acabado [acabao], признаваемое вульгаризмом, хотя в контексте окончания – ado (причастия прошедшего времени) ослабление фонемы /d/ считается нормой: cansado [cansado];

- вульгаризмом считается опущение фонемы /d/ во всех остальных контекстах: adelante [alánte], Labrador [labraor], todo [tó], nada [ná];

- фонема /g/ в абсолютной начальной позиции как норма может редуцироваться (globo [lobo]), но считается вульгаризмом редукция этой фонемы в контексте gn: gnomo [nomo];

- вульгаризмом считается опущение фонемы /g/ в закрытом слоге: magdalena [madaléna], но в норме в консонантной группе gn фонема /g/ опускается: significante [sinifikante], maligno [malíno];

- вульгаризмом считается произношение /s/ вместо /k/ в закрытом слоге: acceso [as0éso];

- частой ошибкой является произношение двух ss вместо одной в контексте afición [afjg0jon];

- в консонантных группах ins, cons и trans наблюдается элизия фонемы /n/: transformar [trâsformar], instrucción [istrugθjOn]; но включение этой фонемы в контекст, в котором её быть не должно, считается вульгаризмом: trastorno [transtorno], traslado [traslado];

- абсолютным вульгаризмом считается замена нулевой фонемы /h/ на /g/ в контекстах: sinhueso [singwéso] o [sjmbwéso].

Очень распространённая ошибка произносить [z] как русский [з] в контексте zapato, zumo, и т.д. Другой частой ошибкой является произнесение немого звука [h] с заменой его звуком [x]. Большую трудность представляет звук [o] в конце слова, который русскоговорящие студенты заменяют звуком [a] по аналогии с русским произношением.

Что касается уровней освоения испанского языка как иностранного, то преподавание произношения также должно происходить с учётом дифференциации уровней. Согласно дифференциации уровней Института Сервантеса, преподавание фонетики имеет свои рамки

на каждом уровне: на начальном уровне делается акцент на «Pronunciación de los sonidos» (произношение звуков), а на более высоком уровне это уже «Realización fonética de los fonemas españoles» (фонетическая реализация фонем, другими словами, фонологический уровень). Содержание начального уровня базируется на производстве вокальных и консонантных звуков. Средний уровень (intermedio) предполагает идентификацию и производство звуковых вариантов, иными словами, овладение всем многообразием аллофонического содержания с учётом контекстуальных и позиционных вариантов. При этом интонация должна преподаваться с начального уровня, базовые знания интонационных особенностей испанского языка включают повествование, вопросительную интонацию и восклицание. Уровень начальный и средний предполагают также знакомство с просодикой и ритмикой испанской фразы. Различие методов обучения фонетическим навыкам очевидно, и сообразно каждому этапу обучения необходимо использовать соответствующие данному уровню методики.

Таким образом, большое значение в исследованиях по теоретической и практической фонетике имеет разработка методов и дидактических материалов для наиболее эффективного преподавания и изучения фонетики и фонологии испанского языка.

Литература

1. M.B. Fontanella de Weinberg, M. B., La lengua española fuera de España. — Buenos Aires, Editorial Paidós, 1976, 188 págs.
2. Hernández Alonso, (2001): “¿Qué norma enseñar?” en Actas electrónicas del II Congreso Internacional de la Lengua Española, “El español en la Sociedad de la Información”, Valladolid, 16–19. URL: http://cvc.cervantes.es/obref/congresos/valladolid/ponencias/unidad_diversidad_del_espa%C3%B1ol/l_la%20norma_hispanica/hernandez_c.htm
3. García Mouton P., Lenguas y dialectos de España. — Madrid: Arco Libros, 1994 (Cuadernos de Lengua Española). — 235 p.
4. Navarro Tomás T., Manual de la pronunciación española. — Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1990. — 326 p.
5. Real Academia Española, Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. — Madrid: Espasa-Calpe, 1991, 525 p.

Ю.В. Сливчикова

Костюм как символ политического протеста в испанском газетно-публицистическом дискурсе

В статье рассматривается когнитивный механизм формирования общественного мнения через описание костюма политика в СМИ. Автор, сравнивая описания внешнего вида представителей правых и левых партий, выделяет и исследует функцию протеста изначально нейтральной вестиментарной лексики. Одежда, приобретая в газетно-публицистическом дискурсе политическую коннотацию, становится эффективным способом манипулятивного воздействия на сознание избирателя.

Ключевые слова: манипуляция, газетно-публицистический дискурс, вестиментарная лексика.

Yu. Slivchikova

CLOTHING AS A SYMBOL OF THE POLITICAL PROTEST IN SPANISH POLITICAL AND JOURNALISTIC DISCOURSE

The article considers the costume description as an efficient political tool. The study sets out to show by comparing the clothing description of the representatives of the opposing parties that the vestimentary elements obtain new meanings affecting the image of the person that is nothing else but the way of the public control.

Key words: *political discourse, clothing, manipulation.*

С древних времён одежда являлась отражением различия сословий, общественных классов, то есть несла в себе функции знака. Вестиментарная система образовывала кодовую систему, нарушение которой приводило к социальному конфликту, что нередко становилось основой для сюжетной линии в мировой литературе. После Французской революции тенденция к демократизации общества привела к единообразию в костюме, когда одежда стала в первую очередь отвечать требованиям равенства и труда. Однако разделение социальных классов не пропало, хотя и возникла определённая трудность маркирования, поскольку произошёл резкий подъём среднего класса. С этого момента различительные функции костюма на себя взяла деталь: узел галстука, ткань сорочки, пуговицы, цвет. Век двадцатый, окончательно размыв границы между сословиями, всё же оставил различия в социальных статусах, основывающихся на экономическом показателе, и объявил три основных признака значимыми в одежде: качество, цена и марка. В остальной части признаков одежда утратила свою различительную способность, что отчасти поставило в тупик политическую элиту. Ушли в прошлое времена, когда бургињоны носили корнет справа, а арманьяки — слева и тем самым очевидно демонстрировали свои политические пристрастия. Теперь политиков соперничающих партий сложно отличить друг от друга по внешнему виду. Любопытно, что исчезнувшие внешние различия обнажили ещё более нивелированную разницу между идеологиями оппонентов, чем особо недовольно современное испанское общество. Будто заранее договорившись, 5 мая 2010 года во дворец Монклоа прибыли с целью обсудить ситуацию в Греции премьер-министр социалистического правительства Хосе Луис Родригес Сапатеро и лидер оппозиции Мариано Рахой, оба в тёмно-синих костюмах, белых рубашках и полосатых галстуках в тон.

Партии правых остались при этом в более выгодном положении, поскольку приверженность традициям и классическому стилю, породившему норму стиля делового, принятого за основу протокольного костюма, в их случае не противоречили никоим образом их политическим убеждениям и курсу. Однако левые оказались в затруднительном положении. Как отличаться от своих оппонентов, если классический костюм является нормой в обществе? Для этого необходимо обратиться к истории.

17 октября 1945 года в Буэнос-Айресе стояла страшная жара. Рабочие, собравшиеся на манифестацию, протестуя против заключения под стражу Хуана Перона, вынуждены были снять рубашки, находясь под палящим солнцем. Тогда противники Перона стали презрительно называть сторонников хустисианизма безрубашечниками (*Descamisados*). Но прошло совсем немного времени, и вот уже Ева Перон обратилась к «своим любимым «дескамисадос» с трибуны, превратив это определение в гордость трудового народа. Задолго до этого в 1862 году Виктор Гюго описал в своём знаменитом романе «Униженные и оскорблённые» историю безрубашечников. Так гордо называли себя политически активные представители бедноты в эпоху Испанской революции 1820—1823 годов, которые составляли левое крыло организации комунерос. Так их стали называть и испанские монархисты, сторонники Фернандо VII. Такое название в их устах, однако, содержало в себе элемент презрения (*peyorativo y despectivo*), который в своё время вкладывали консервативные французы в 1789 году в прозвище «*sans culottes*». Санкюлотами называли революционно настроенных бедняков в Париже во время Великой Французской революции, поскольку они не носили коротких обтягивающих штанов (кюлотов), как это делали представители богатых

сословий, а были одеты в длинные брюки. Любопытно, что выше описанные примеры строятся не на оппозиции определённых элементов в одежде, а на противопоставлении наличия одежды и её отсутствия. Причём это отсутствие рубашки или брюк расценивается современниками по-разному, в зависимости от их партийной принадлежности. Мы замечаем, как обычная одежда приобретает смысл, который не покрывается её применением [1]. Она приобретает политическую коннотацию в зависимости от точки зрения и контекста. Одежда подсознательно неразрывно соединяется с человеком, и происходит взаимное перетекание смысла. Богатые люди носят кюлоты, значит кюлоты — это символ буржуазии и достатка, и тогда любой человек без кюлотов — революционер, и наоборот. Обычные брюки становятся символом целого сословия, а их отсутствие — символом революционного протеста. Но если рассмотренные нами примеры можно назвать исторически обусловленными, то есть не являющимися символом, скажем, рукотворным, появившись в силу бытовых обстоятельств, то существуют примеры вестиментарных символов, созданных сознательно. Так, например, женская часть группы испанских писателей, художников и музыкантов, объединённых названием «Поколение 27 года» во главе с Маргаритой Нелькен выступили против ношения головных уборов в общественных местах Мадрида, заявив таким образом о правах и свободах женщин. Отсутствие головного убора стало символом феминистической борьбы за независимость женщин. А ведь полвека назад жительницы Мадрида протестовали как раз наоборот, с помощью головного убора, а именно мантильи. Её они превратили в символ своего недовольства правлением Амадео де Савойа и его супруги Марии Виктории (1870—1873). Своё неприятие лично к королевской чете и заморским традициям знатные дамы выражали, расхаживая по улице в мантилье с гребнем вместо шляпки. Факт, который вошёл в историю под названием «Заговор мантилий» (*«La conspiración de las mantillas»*).

Подобные примеры политического протеста с помощью костюма мы встречаем и в наши дни. Возьмём отрывок из статьи в «El Mundo», описывающий свадьбу наследного принца Испании Филиппа и доньи Летисии в 2004 году.

«Miguel Bosé ha llegado junto a la soprano Ainoha Arteta. Con un chaqué impecable y chaleco granate» [2]. — Мигель Босэ прибыл в сопровождении Аиноы Артета в безупречной визитке и гранатовом жилете.

Данное описание обладает имплицитным мирским означаемым. Речь в статье идёт о королевской свадьбе, и посвящённый круг читателей знаком с её Протоколом. В частности, мужчины должны быть одеты в особый род сюртука. Наблюдая за одеянием мужчин на свадьбах такого уровня, мы действительно заметим, что все они одеты в визитки. Данная знаковая система располагается в реальности, и можно не знать языка или быть глухонемым, но, посетив королевскую свадьбу, с очевидностью понять это. То есть перед нами эквивалентность реального мира и реальной вещи, иными словами, реальный вестиментарный код. Однако читая описание одежды в газете, мы не видим её перед собой, она нам представляется в виде совокупности элементов испанского языка, так что язык образует вторую систему, которую мы назовём «словесным вестиментарным кодом или терминологической системой», поскольку она просто денотирует реальность мира и одежды в форме номенклатуры» [3]. Во второй системе фраза, включающая в себя систему букв, станет означаемым означаемого-пропозиции, включающего знак реального вестиментарного кода. Но с какой целью нам дана данная эквивалентность? Очевидно, что она приводится, потому что в целом знаменует собой Протокол, становясь означаемым для нового означаемого. Протокол тем самым коннотирует знаковое отношение между кроем сюртука и родом и рангом мероприятия, которое денотировалось во второй системе. Самим фактом упоминания терминологическое высказывание означает Протокол. Но приглядевшись внимательно к высказыванию о Протоколе, взятому из газетной статьи, мы можем заметить ещё один интересный факт. Газета, желая создать у читателя представление о мире, даже навязать ему своё видение, сформировать отношение к событиям или личностям, использует определённый набор языковых средств, тем самым образуя ещё одно коннотативное сообщение или последнюю, риторическую систему. Заметим, что у

читателя нет времени анализировать данную структуру снизу, как это следовало бы делать. Он воспринимает её целиком сверху.

Сравним с описанием одеяния лидера Всеобщего союза трудящихся (UGT) в той же статье: «*Cándido Méndez, sin chaqué, como había advertido*». [4] — Кандидо Мендес — без визитки, как он и предупреждал. Кроме простого несоответствия Протоколу очевидно, что отсутствие визитки является демонстрацией идеологических соображений гостя и говорит о многом посвящённому читателю. Непосвящённому же читателю придётся объяснить, что таким образом лидер профсоюзов выразил своё отличие от присутствующих консерваторов и показал свою смелость и желание быть ближе и понятнее трудовому народу.

Иногда, правда, не только левые политики прибегают к вестиментарным уловкам, чтобы казаться ближе своему избирателю: «*El primer ministro británico, David Cameron, ha descartado vestirse de chaqué para asistir a la boda del príncipe Guillermo y Kate Middleton el 29 de abril y optará, en cambio, por un traje de calle para desligarse de la imagen encopetada de su pasado, según indica The Daily Telegraph*» [5]. — Премьер-министр Великобритании, Дэвид Кемерон, отказался надеть визитку на свадьбу принца Уильяма и Кейт Мидлтон 29 апреля и выбрал, напротив, повседневный костюм, чтобы откреститься от высокомерного образа в прошлом, как разъясняет «*The Daily Telegraph*». История уходит корнями в студенческое прошлое премьер-министра, который являлся членом Клуба Буллингтон в Оксфордском Университете, славящегося скандальными празднествами. Единожды появившаяся в прессе фотография юного Кемерона в смокинге с бабочкой и бокалом шампанского сильно подорвала его репутацию, что заставило его пересмотреть свою «костюмную политику». Однако на то, чтобы искоренить сформированный в сознании образ, как мы знаем, уходят годы.

Рассмотрим описание костюма министра экономики Аргентины Акселя Кисиллофа, которое мы находим в газете «*El País*»:

«*Un año después, se le ve en la casa Rosada con pantalones vaqueros y chaqueta, con cuaderno y boli, rodeado de su equipo económico, gente del mismo porte juvenil, con chaqueta y sin corbata*» [6]. — Через год мы встречаем его в Розовом доме в джинсах и пиджаке, с тетрадкой и ручкой. Он окружён своей командой экономистов, такими же молодыми людьми в пиджаках и без галстука.

В этом вестиментарном описании мы обнаруживаем очень популярный ныне среди политиков способ когнитивной эмпатии — отсутствие галстука. Галстук как атрибут делового общения имеет элемент официоза, отсутствие его, напротив, располагает к непринуждённому общению и расценивается как знак большего доверия собеседнику, желания пообщаться в дружеской обстановке. Без галстука политик становится ближе к народу, понятнее той его части, которая не носит его вовсе. Однако, с точки зрения консервативной части электората, отсутствие галстука является знаком легкомысленности, ветрености, ненадёжности. Наименования одежды в политическом дискурсе, а вслед за ним и в газетно-публицистическом, могут иметь различные вторичные значения в зависимости от направленности издания и идеологической принадлежности читателя. Для консерваторов слова «*camiseta, jeans, jersey, sandalias, chándal, zapatillas deportivas, botas, cazadora*» в контексте описания костюма политика могут приобретать значение «*indigno, indecoroso, inmoral, insultante*».

Американский драматург Артур Миллер в своей лекции о роли актерского мастерства в политике задался вопросом: за кого голосует избиратель, за реального ли человека или красивую картинку, созданную благодаря профессиональным советникам, костюму и многочисленным технологиям, призванным сформировать в восприятии народа идеального кандидата? К сожалению, приходится констатировать, что имидж играет большую роль. Приятный во всех отношениях образ способен «продать» избирателю не самую лучшую идею, идея же хорошая может с треском провалиться, если её не поддержать должным имиджем. Хосе Мария Аснар, бывший председатель испанского правительства, всегда считался человеком серьёзным, сдержанным и консервативным, что было заметно не только по предпринятым им политическим мерам, но и по его причёске и усам. Однако

тот факт, что ещё занимая свой пост, он не расставался с пёстрыми браслетами из ниток, а после своей отставки отрастил волосы, наводит на мысль о том, что всё же скорее это был хорошо продуманный образ, созданный специально для продвижения по политической карьерной лестнице. Или, к примеру, Фелипе Гонсалес, будучи лидером оппозиции в 70-х годах под влиянием движения рабочих и молодёжи одевался соответственно в вельветовые коричневые костюмы с модными заплатками на локтях, блистал бакенбардами и шикарной шевелюрой. Однако придя к власти, андалусский социалист сразу забыл о бунтарской эстетике и оделся в классический костюм с рубашкой и галстуком [7].

Что же важнее: имидж или идеи? Правильнее будет сказать, что они важны одинаково и должны соответствовать друг другу. Когда содержание и оболочка находятся в гармонии, одежда не вызывает большого интереса у электората. Поясним: ни внешность экс-президента испанского правительства Фелипе Гонсалеса, ни бывшего председателя правительства Каталонии Жорди Пужоля никогда не упоминались в СМИ, что оставляло место лишь обсуждению собственно их реформистской деятельности. Своим безупречным внешним видом славился и герой переходного периода Испании к демократии Адольфо Суарес, образ которого был настолько популярен, что ему стали даже подражать в причёске и одежде в 70-х годах прошлого века. Ни один из великих персонажей XX века не пренебрег таким важным составляющим образа, как политический костюм. От Гитлера до Кастро, включая Сталина, Муссолини, Франко и Мао политики поддерживали свою идеологию сильной власти строгим военным мундиром, не оставлявшим места для дискуссий.

Однако, например, в 2009 году на портале «*LibertadDigital*» вышла статья под звучным названием-метафорой «Так Сапатеро утягивает пояс» («*Así se aprieta Zapatero el cinturón*»): «*El pasado domingo en el mitin del PSOE en la plaza de Vista Alegre, Zapatero lució un cinturón de la firma Hermés, valorado en 500 euros. La misma cantidad que él dará para comprarse un coche, y con la que subsisten familias enteras de parados*» [8]. — В прошлое воскресенье на митинге Испанской социалистической рабочей партии на площади Виста Алегре Сапатеро появился, подпоясанный ремнём марки Hermés стоимостью 500 евро. Именно эту сумму он собирается субсидировать для покупки машины, и столько же получают целые семьи безработных в виде пособий. Несоответствие позиции политика, его реформистской деятельности и его внешнего вида разочаровывает избирателя. Если один из элементов костюма несёт в себе фальшь, то значит, и весь костюм является маскарадным, а выступление политика — ничем иным, как театрализованным представлением. Одна деталь способна разрушить весь образ, но и способна его создать и даже превратиться в символ политической борьбы.

Следует подчеркнуть, что в газетно-публицистическом дискурсе описание костюма политика используется для транслирования определенного образа с целью создания у читателя путем различных манипулятивных техник нужного автору статьи мнения или убеждения. Под манипуляцией мы вслед за профессором М.В. Ларионовой понимаем «особый вид психологического воздействия на сознание и поведение массовой аудитории, который осуществляется в скрытой форме с помощью различного рода дискурсивных, языковых и экстралингвистических приемов, создающих необходимый прагматический эффект. В результате подобного воздействия человек делает выбор, отличный от того, который мог бы сделать самостоятельно, при этом сохраняя уверенность, что действует в соответствии с собственными убеждениями, желаниями и намерениями» [9]. В нашем случае языковой прием заключается в использовании сложной структуры вестиментарного знака, которая преподносит коннотативное значение в виде денотативного и переносит свойства одежды на человека, заставляя читателя принять их за непреложную истину. Вестема, изначально нейтральная, в контексте газетно-публицистического дискурса обрастает дополнительными смыслами, сводящимися в сознании человека к ограниченному количеству концептов, обобщающих бытование костюма в обществе.

Таким образом, хотя правые партии имеют фору в политическом костюме, поскольку протоколом закреплены устоявшиеся традиции, которые и стараются хранить консерваторы, у левых есть возможность наглядно демонстрировать своё несогласие с существующим порядком вещей и свою яркую индивидуальность через элементы одежды. Костюм при

этом обрastaет дополнительными смыслами и приобретает различные прочтения не только в зависимости от контекста, но и в зависимости от политических взглядов избирателя. Элементы его или их отсутствие могут становиться яркими символами протеста, позволяя имплицитно передавать информацию в одном коммуникативном сообществе, создавая некую атмосферу общности. Само несоответствие протоколу может уже трактоваться как протестное явление. Однако необходимо быть последовательным и, выбирая костюм, внимательно относиться к каждой его детали, не забывая о том, что костюм политика нередко используется для того или иного манипулятивного приёма. Роль костюма как убедительной формы утверждения политической позиции сложно переоценить.

Литература

1. *Барт Р.* Система Моды. Статьи по семиотике культуры. Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. — С. 418.
2. *Bueno A., Marcos C.* Boda Real. El Mundo. 22.05.2004. URL: http://www.elmundo.es/especiales/2004/04/espana/bodareal/22m_envivo.html
3. *Барт Р.* Указ. соч. — С. 70.
4. *Bueno A., Marcos C.* Указ. соч.
5. Cameron será el primer jefe de Gobierno británico que acude a un enlace real sin chaqué. RevistaProtocolo.com. 18.04.2011. URL: <http://www.revistaprotocolo.es/gente/gente/5769-cameron-sera-el-primer-jefe-de-gobierno-britanico-que-acude-a-un-enlace-real-sin-frac.html>
6. *Peregil F.* Kicillof, la cara guapa de la economía argentina. El País. 31.01.2014. URL: http://elpais.com/elpais/2014/01/31/gente/1391191651_929422.html
7. *Centeno P.* Espejo de P, 32 Espejo de Marx.
8. Así se aprieta Zapatero el cinturón. Libertad Digital. 13.05.2009. URL: <http://www.libertaddigital.com/sociedad/zapatero-no-se-aprieta-el-cinturon-1276359164/>
9. *Ларионова М.В.* Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции?: монография / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. испанского языка. — М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 51.

К.В. Урсул

Макрополе *Presente* в парадигме временной системы *Indicativo* (на материале современного испанского языка)

*Статья посвящена анализу функционирования форм *Presente de Indicativo* в структуре современного испанского языка. Подробно рассматривается семантика временной системы *Indicativo* в рамках функционально-семантического подхода, выделяются микрополя и семантические зоны, формирующие макрополе *Presente*.*

Ключевые слова: семантические зона, макрополе, микрополе, ядро, функционально-семантическое поле.

K. Ursul

MACROFIELD «PRESENTE» IN THE PARADIGM OF INDICATIVE TIMES
IN MODERN SPANISH

The paper deals with the functioning of the Presente de Indicativo forms in the structure of modern Spanish. The semantics of Indicativo temporal system is considered within the functional-semantic approach; microfields and semantic zones, that form the macrofield Presente, are highlighted.

Key words: semantic zone, macrofield, microfield, core, functional-semantic field.

Временная система *Indicativo* в современном испанском языке представлена восемью временами: *Presente*, *Pretérito Compuesto* (*Pretérito Perfecto*), *Pretérito Indefinido* (*Pretérito Simple*), *Pretérito Imperfecto*, *Pretérito Pluscuamperfecto*, *Pretérito Anterior*, *Futuro Imperfecto*, *Futuro Perfecto*.

Четыре временные формы (*Presente*, *Pretérito Indefinido*, *Pretérito Imperfecto*, *Futuro Imperfecto*) являются простыми, поскольку они образуются путем прибавления определенных окончаний к основе глагола (или к инфинитиву). Другие временные формы — сложные, они образуются с помощью глагола *haber* и причастия.

Структура современного испанского языка, включающая в себя как простые, так и сложные времена сформировалась в результате определенных исторических событий. Испанский язык не унаследовал из латыни грамматических форм, выражающих видовые значения, однако логика человеческого мышления нуждается, так или иначе, в репрезентации в языке различных способов протекания действия. Так, в VI–XI веках, в период становления иберо-романского языка, произошло формирование сложных временных форм, которые на сегодняшний день выражают временное значение предшествования относительно других действий в настоящем, прошлом и будущем и видовое значение законченности [1, с. 12–13].

С целью более детального изучения парадигмы временной системы Индикатива обратимся к А.А. Ануфриеву, который, на наш взгляд, провел достаточно подробное исследование, посвященное проблеме функционирования наклонений в испанском языке.

А.А. Ануфриев отмечает, что «семантика изъявительного наклонения в целом не вызывает споров среди лингвистов. Большинство исследователей описывает его как наклонение реальности (*Ureña, Alonso, GiliGaya*), объективности (*Alonso, Esbozo*), описывающее определенное, имеющее место в действительности актуализированное действие. Наиболее традиционным для испанских грамматик является понимание индикатива как наклонения реальности, действия, «рассматриваемого говорящим как реальное в настоящем, прошедшем и будущем времени». При этом индикатив может описывать не только реальные но и предположительные действия, что относится и к контекстам будущего времени. Отчасти по этой причине некоторые лингвисты предпочитают связывать индикатив не с реальностью, а с объективностью, подчеркивая, что говорящий, используя индикатив, лишь утверждает или отрицает определенную пропозицию, а не эксплицирует свое отношение к ней. В семантике данного наклонения заложена идея утверждения истинности/ложности пропозиции, доминирует смысл, репрезентативная функция, а не субъективная оценка» [2].

Подробное рассмотрение временной системы *Indicativo* в современном испанском языке мы будем проводить в рамках функционально-семантического подхода, поскольку он на сегодняшний день является наиболее эффективным в силу того, что данный подход при исследовании языка связан в первую очередь с изучением языковых явлений как со стороны функции, так и со стороны семантики.

В рамках данного подхода в языке выделяют функционально-семантические категории, формирующие более обширные единства, функционально-семантические поля, которые, в свою очередь, структурируются из микро- и макрополей.

Так, по мнению Н.В. Зененко, «ядро макрополя *Presente* образует два микрополя (микрополе *Presente* и микрополе *Antepresente*). Каждое из микрополей формируется соответствующими семантическими зонами. Микрополе *Presente* образуется комплексом семантических категориальных значений, который располагает всеми средствами языка: семантическими, грамматическими (синтаксическими и морфологическими) и коммуникативными» [3, с.

48].

Рассмотрим ряд основных и дополнительных значений макрополя *Presente* в системе времен Индикатива.

Так, «помимо основных значений, вытекающих из его грамматической природы, которые указывают на действия одновременные, совпадающие с актом речи, или на действия, охватывающие более широкий временной период, но обязательно включающий в себя настоящий момент, *Presente* часто употребляется, передавая временные и модальные значения, свойственные другим временам индикатива или даже другим наклонениям. В этих случаях *Presente* употребляется во вторичных, часто стилистических значениях, предающих тончайшие нюансы и оттенки субъективного восприятия действия со стороны говорящего» [1, с. 10].

В данной ситуации речь идет о таких семантических зонах микрополя *Presente*, как *presente puntual* (действие, совпадающее с моментом речи, происходящим именно в момент речи), *presente habitual* (относится как к моменту речи, так и к прошлому или будущему) *presente descriptivo* (употребляется в повествовательных текстах для описания ситуации, природы и т.д.), *presente general* (употребляется в пословицах, поговорках, при формулировании законов) [4, p. 436–437].

La miseria proviene de estas modas malditas que traen ahora trastornados a los pueblos (Galdós, Episodios).

Normalmente madruga mucho; Cuando nieva, suspenden las clases; Si nieva, suspenden las clases.

La ventana da a un patio casi negro (Cortázar, Reunión); Caracas es la capital de Venezuela; Siempre es amable con todos; Detesto el ruido; Las golondrinas vuelan bajo.

Dos y dos son cuatro; La Tierra gira alrededor del Sol; A quien madruga Dios le ayuda [4, p. 436–437].

Так, «использование вторичных функций временных форм глагола, соответствующих нормативной грамматике испанского языка, наблюдается на всей территории испаноязычного мира. Однако грамматических времён, имеющих такие функции, чрезвычайно мало, и данные транспозиции в индикативе ограничиваются всего одним временем – *Presente*.

Это подтверждается данными проведённого опроса, в ходе которого были разосланы 10 предложений, включающих в себя данное явление транспозиции. Участникам опроса предлагалось проанализировать фразы и подтвердить либо опровергнуть факт использования этого явления в их повседневной жизни. По результатам опроса можно определить, что употребление *Presente* в функциях *Pretérito Indefinido*, *Pretérito Imperfecto*, *Pretérito Perfecto* и *Futuro Simple* является явлением повсеместным. Ниже приводим предложения, вошедшие в опросный лист:

- 1) *Ayer voy por la calle y me detiene un policía.*
- 2) *El otro día me llama un amigo y dice que necesita mi ayuda.*
- 3) *Ya pensaba que iba a descansar aquella noche y de pronto me llega una mala noticia.*
- 4) *Esta mañana suena el despertador y yo no puedo encontrar fuerzas para levantarme.*
- 5) *Imagínate, ayer María le hace una declaración amorosa a Juan, pero éste no le hizo ni caso.*
- 6) *Todavía no le devuelven el dinero.*
- 7) *Ya era de noche cuando me llamaste ayer, ¿cómo te puedes atrever a llamarme tan tarde?*
- 8) *Mañana me levanto temprano, tomo mi mochila y voy a la estación.*
- 9) *Dentro de dos días le dan su primer sueldo*
- 10) *No me digas que te vas (vas a emigrar del país) para siempre.*

В результате было опрошено 62 человека из Аргентины, Чили, Перу, Эквадора, Венесуэлы, Колумбии, Гватемалы, Мексики, Доминиканской Республики, Коста Рики, Боливии и Кубы, а также Испании. Участники этой части опроса дали стопроцентный положительный ответ, подтверждающий, что все из перечисленных фраз имеют место в разговорной речи испанцев и латиноамериканцев» [5].

Н.И. Попова также говорит о наличии вторичных значений *Presente de Indicativo* и дает свое объяснение подобного рода замещению.

Употребление *Presente* в значении *Pretérito Simple* «является стилистическим, оно встречается в повествовательных текстах и разговорной речи, когда речь идет о завершившихся прошлых событиях. Автор хочет оживить картину прошлого, приблизить минувшие события к настоящему моменту, привлечь к ним внимание читающего или слушающего собеседника. Прошедшие действия, передаваемые формой *Presente*, предстают как настоящие, не утратившие в данный момент своей актуальности и значимости, и тем самым достигается большой стилистический эффект. Это значение известно как настоящее историческое (*presente histórico*).

Dormía como un tronco cunado, imagina el susto, oigo voces en el jardín (J. Goytisolo).

Presente также обозначает действия, относящиеся к недалекому будущему. В этом случае оно употребляется со значением *futuro imperfecto*. Такое употребление также является стилистическим, *Presente* придает будущим действиям оттенок категоричности со стороны говорящего, его уверенность в их свершении. Это значение известно как настоящее футуральное (*presente pro futuro*)» [1, с. 24].

При вытеснении форм *Presente* формами *Futuro Simple* отнесенность действия к тому или иному моменту в будущем мы определяем по наличию определенных лексических средств.

Nosotros — dijo — nos quedamos este verano en Vetusta (Clarín, Regenta).

Также «*Presente* выражает будущее действие в определенной синтаксической структуре: в условном придаточном предложении I типа, вводимом союзом *si*, в котором речь идет о реальном будущем действии. В этом случае употребление *presente* не является стилистическим, его можно назвать формальным, оно обязательно — согласно сложившейся грамматической традиции.

— *Muchachos —les dije— no les pasará nada si ustedes siguen mis instrucciones (F. Benítez)*» [1, с. 23].

Также в ряде речевых ситуаций формы *Presente* вытесняются формой простого прошедшего действия, только что закончившегося относительно момента речи. Это происходит в семантической зоне *presente de sucesos recientes* и *presente de pasado inmediato* (настоящее перфектное).

Aquí te traigo estos bombones.

Микрополе *Presente* в семантической зоне *presente de mandato* и *presente deóntico* вытесняет *Modo Imperativo*, обозначая при этом действия побудительного характера. В этом случае *Presente* употребляется со значением повелительного наклонения, придавая императивным действиям экспрессивную окрашенность.

Tú te callas; Vos salís; Usted se va.

Empuja usted la ventana, que cederá, y entra usted, baja usted cuatro o cinco escalones, se encuentra usted con una puerta, la abre usted con esta llave, y enseña usted en su cuarto, más seguro que el rey de España (P. Baraja) [1, с. 23; 4, p. 436–437].

«*Presente* употребляется в вопросах, которые задаются говорящим с целью узнать мнение собеседника, с целью получить его одобрение или согласие, прежде чем совершить какое-либо действие. Это употребление ограничено формами первого лица единственного и множественного числа. В русском языке в подобных случаях употребляются или неопределенная форма глагола (Открыть окно? — ¿Abro la ventana?) или форм настоящего (или будущего) времени первого лица множественного числа (Пойдем? — ¿Vamos?).

— ¿Te ayudo, abuela?

— *Estaré muy contenta. No te reconozco (A. Casona)*» [1, с. 24].

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о вытеснении форм *Modo Imperativo* формой *Presente* в семантической зоне *presente deóntico*.

Помимо указанных речевых ситуаций, также «*Presente* употребляется для выражения нереальных, возможных действий, относящихся к прошлому. В этом случае *Presente* имеет значение *pluscuamperfecto de subjuntivo* и встречается с этим значением в условном придаточном предложении III типа, вводимом союзом *si* (если бы). Замена *pluscuamperfecto de subjuntivo* на *presente irreal* придает высказыванию определенную экспрессивную окрашенность и в то же время создает трудности для понимания сложного предложения.

Si yo nazco (=hubiese nacido) rico también hubiera podido casarme con una de las más bellas mujeres

del mundo (M. Santander).

В этой же самой синтаксической структуре, в сложноподчиненном предложении с условным придаточным III типа, *presente irreal* может употребляться со значением *potencial perfecto*, заменяя его в главной части предложения.

Yo, la verdad, sin pensar lo que hacía, la agarré por el túnico y la contuve, que si no, creo que se va (=se habría ido). (C. Villaverde).

Встречаются случаи такого употребления *presente irreal*, когда оно заменяет не только *pluscuamperfecto de subjuntivo* в условном придаточном предложении, но одновременно и *potencial perfecto* главной части предложения. В этих случаях только контекст, то есть конкретная речевая ситуация, позволяет понять смысл предложения.

Yo sé muy bien que si se le presenta (=si se le hubiese presentado) otro hombre de su gusto antes de que el señor don Simón, su merced lo deja (=habría dejado) mirando el camino.

Presente irreal встречается также со значением *imperfecto de subjuntivo* в условных придаточных предложениях II типа, выражая при этом нереальное, возможное действие, которое относится к моменту речи.

Si usted me ve (=viera) no me reconocería, escribió a un amigo. (G.G. Márquez) — Если бы Вы меня сейчас увидели, Вы бы меня не узнали» [1, с. 10].

Как мы видим, микрополе *Presente* в ряде случаев вытесняет не только временные формы *Indicativo*, но и временные формы *Subjuntivo*. Таким образом, исходя из наших примеров, мы можем говорить о замещении форм временной системы *Subjuntivo* формами *Indicativo*.

Итак, «семантические зоны микрополя *Presente* указывают на его полисемантическую функциональность, то есть на способность выражать действие не только в настоящем, но также в прошедшем и будущем. Кроме этого, в микрополе *Presente* есть семантическая зона, которая пересекается с макрополем с семантикой модальности, выражающей приказ, просьбу или повеление. Микрополе *Antepresente*, входящее в состав макрополя *Presente*, выражает действие, находящееся за пределами микрополя. Семантические зоны данного микрополя выражают семантику связи прошедшего действия с настоящим. Причем это действие может происходить рядом с действием в настоящем или стоять далеко от него, быть прерывным или непрерывным. Полифункциональность и полисемантика *Preterito* сужает узус *Antepresente* за счет употребления различных языковых актуализаторов, а в ряде регионов просто вытесняет его из употребления, унифицируя в себе его семантические и функциональные особенности» [3, с. 52–53].

Таким образом, макрополе *Presente* в структуре современного испанского языка вытесняет другие макрополя в разных семантических зонах, вплоть до ядра, в результате чего мы можем наблюдать широкий спектр значений, выражаемых данным макрополем. С одной стороны, полисеманτικότητα данного макрополя предоставляет нам различные возможности для описывания тех или иных речевых ситуаций; с другой стороны, приводит к трудностям в понимании, и в данном случае нам необходимо будет обратиться к контексту/ситуации, в которой осуществляется коммуникация.

В результате проведенного нами анализа мы пришли к выводу о том, что макрополе *Presente* замещает многие макрополя в структуре испанского языка, как то макрополе *Preterito*, макрополе *Futuro*. Кроме этого, макрополе *Presente* временной системы *Indicativo* вытесняет многие временные формы не только в изъявительном, но и в сослагательном, и в повелительном наклонениях. Поэтому исследование замещений подобного рода позволяет нам выделить в языке тенденцию к существованию одной временной формы, представленной большим количеством значений.

Литература

1. Попова Н.И. Грамматика испанского языка. Учебник. Издание третье, стереотипное. — М.: ЧеРо, 2008, 312 с.
2. Ануфриев А.А. Функционирование наклонений в придаточных предложениях, вводимых глаголами эпистемической оценки: на материале пиренейского варианта испанского языка: автореф. дис...канд. филол. наук. / А.А. Ануфриев. — М., 2011.

3. Зененко Н.В. Структурные доминанты языка. Функциональное поле предикативности и функциональное поле атрибутивности: на материале иберо-романских языков: [монография] / Н.В. Зененко. — М.: ИД «АТИКО», 2009, 192 с.
4. Nueva Gramática de La Lengua Española. Manual / Real Academia Española. — М.: Espasa Libros, S. L., 2010.
5. Cuaderno.ru, Испанский язык. Новые языковые технологии, Различия временных форм глагола в испанском языке Испании и Латинской Америки // Cuaderno.ru. — [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cuaderno.ru/dopolnitelno/250/> [Дата обращения: 24.04.2015].

В.В. Яковлева, Е.А. Савчук

К вопросу об использовании аудиовизуальных средств при обучении иностранному языку (на примере испанского языка)

В статье рассматриваются особенности использования аудиовизуальных средств на уроках иностранного языка, которые, с одной стороны, должны упростить понимание и усвоение материала, а с другой — являться дополнительным источником получения экстралингвистических знаний. Авторы рассматривают широкие возможности использования аудиовизуальных средств при обучении испанскому языку студентов неязыкового вуза гуманитарного профиля. В качестве примера взяты учебный фильм «Испанский с удовольствием» и документальный фильм, посвящённый празднику Сан Фермин (Памплона, Испания).

Ключевые слова: обучение иностранному языку, коммуникация, коммуникативные компетенции, аудирование, аудиовизуальные навыки.

V. Yakovleva, E. Savtchuk

AUDIO-VISUAL SUPPORT IN CLASS OF SPANISH AS FOREIGN LANGUAGE: THE USE OF THE MOVIES

The article reviews the use of audiovisual tools in the framework of foreign language classes. Such tools should, on the one hand, simplify the understanding and grasping of the subject, and, on the other, serve as an additional source of gaining extralinguistic skills. The authors consider a wide range of possibilities for the use of audiovisual tools while teaching Spanish to students of non-language higher education institutions of humanitarian profile. An educational film “Español extra” and a documentary devoted to the San Fermín holiday (Pamplona, Spain) are taken as an example.

Key words: teaching a foreign language, communication, communicative competence, listening, audio-visual skills.

El enfoque comunicativo se ha consolidado como metodología de enseñanza de lenguas extranjeras y ya ningún profesor pone en duda la necesidad de potenciar las habilidades comunicativas del alumno que aprende el idioma. Todos reconocen que para dominar una lengua no es suficiente dominar el sistema lingüístico sino es necesario conocer el contexto cultural en que la lengua se desarrolla. Sin este el alumno comete errores de adecuación y de registro. El “Marco Común Europeo de Referencia para las lenguas” en uno de sus capítulos nos dice: “Todas las competencias humanas contribuyen de una forma u otra a la capacidad comunicativa del usuario y se pueden considerar como aspectos de la competencia comunicativa”. Esto nos proporciona una visión más completa sobre la enseñanza de lenguas, ampliando el panorama de competencias que deben adquirir los alumnos aprendientes de nuevas lenguas. A este efecto nosotros los profesores debemos enseñar no solo la gramática misma (¡que es indispensable, claro!), sino tenemos que apoyarnos por el enfoque orientado a la acción, propiciando situaciones en las que los alumnos tengan que hacer uso de la misma, para lo cual es necesario el desarrollo de las destrezas lingüísticas. El “Marco Común Europeo de Referencia para las lenguas” en su capítulo 4 trata de actividades comunicativas de la lengua: “Para llevar a cabo tareas comunicativas, los usuarios tienen que realizar actividades de lengua de carácter comunicativo y poner en funcionamiento estrategias de comunicación”. Este documento ofrece una lista de las destrezas y las clasifica en actividades comunicativas de comprensión, de expresión, de interacción y de mediación, cada una subdividida según sea el canal oral o escrito: “La comunicación y el aprendizaje suponen la realización de tareas que no son sólo de carácter lingüístico, aunque conlleven actividades de lengua y requieran de la competencia comunicativa del individuo; en la medida en que estas tareas no sean ni rutinarias ni automáticas, requieren del uso de estrategias en la comunicación y en el aprendizaje. Mientras la realización de estas tareas suponga llevar a cabo actividades de lengua, necesitan el desarrollo (mediante la comprensión, la expresión, la interacción o la mediación) de textos orales o escritos.”

Entonces surgen varias preguntas a las que debemos contestar nosotros, los profesores: ¿a qué materiales recurrir para transmitir el contexto cultural?, ¿qué tipo de materiales motivarán al alumno permitiéndole ampliar sus competencias en ELE?, ¿qué actividades podemos desarrollar apoyándonos en el material audiovisual?

La evaluación de una clase está basada en las características cuantitativas y calificativas de los conocimientos adquiridos por los estudiantes. Dichos conocimientos dependen de muchos factores uno de los cuales es el uso del soporte audiovisual en el aula. El principio del soporte visual o audiovisual consiste en que en su actividad profesional el profesor recurre al uso de materiales audiovisuales que por una parte deben facilitar el aprendizaje y la comprensión de la materia, y por otra parte son fuente del conocimiento lingüístico y extralingüístico. Hay que tener bien entendido que la eficacia del uso de diferentes materiales ilustrativos está principalmente en correlación de las explicaciones verbales y la presentación del material visual o audiovisual, de la destreza del profesor de valerse de las particularidades y regularidades que revelan la esencia del tema estudiado.

Existen suficientes razones para afirmar que los videos son una herramienta imprescindible en los materiales didácticos. Con su ayuda:

- los estudiantes conocen unidades léxicas nuevas, entienden con más facilidad una regla gramatical, el significado de una palabra, contenido cultural;
- generalizamos la motivación por su capacidad de ser atractivos;
- conseguimos una comunicación improvisada en el aula. Las imágenes son un estímulo visual que provoca sensaciones y recuerdos, informan, aconsejan, advierten;
- se transmiten contenidos culturales de forma más directa. Sería bastante complicado explicar sólo con palabras cómo se celebra la Semana Santa, describir el ambiente navideño en las calles; o qué son los San Fermín de Pamplona, por ejemplo.

La elección de una imagen visual o audiovisual dependerá antes que nada de su finalidad, si la vamos a usar para introducir un tema, un nuevo campo semántico, una noción cultural, etc. Además, aprendiendo con el material audiovisual los estudiantes se hacen protagonistas de su aprendizaje. Trabajar con los materiales que le dan variedad a la clase genera más motivación y acción.

Sin embargo, el trabajo con los materiales audiovisuales tiene sus peculiaridades, unas de las cuales son de carácter plenamente positivo mientras que otras pueden representar ciertos problemas,

técnicos en la mayor parte. Por una parte la presentación de un video:

- facilita la posibilidad de operar varios contenidos simultáneamente: socio-culturales, lingüísticos, paralingüísticos, gramaticales, variedades del español, etc.;
- el profesor deja de interpretar su papel tradicional de profesor-expositor;
- los estudiantes afrontan un nuevo desafío: combinar la comprensión auditiva y visual a la hora de comentar la nueva información obtenida;
- la interacción entre el profesor y los alumnos mejora ya que la reacción es más viva e inmediata;
- los estudiantes tienen posibilidad de trabajar en equipo, grupos, parejas, individualmente, etc.

Por otra parte, el profesor debe contar con recursos de manejo de Internet // video; el material debe ser probado para no fallar en el aula; la clase tiene como soporte un recurso que puede no funcionar perfectamente; la calidad del material debe ser muy alta y corresponder al nivel de los estudiantes; el estudiante debe trabajar con algunos medios fuera del aula para mejorar la calidad de su comprensión auditiva como escuchar la radio, mirar la tele, tener contacto con diferentes registros del español.

Ha llegado el momento de calificar los materiales audiovisuales, como hemos planteado esta cuestión en la primera parte del artículo. La duración del video necesario depende de los fines didácticos y de la posibilidad de tener una clase entera (dos horas lectivas) dedicada a la audición, o, en otro caso, usar el video como una parte, un fragmento de la clase. Así pues podemos aprovechar los siguientes tipos de materiales audiovisuales:

- cortometrajes,
- documentales,
- anuncios de publicidad
- programas de TV y telediarios, noticieros.

Todos estos tipos de películas o videos no duran mucho (de 15 a 25 minutos aproximadamente), lo que facilita que la proyección no sea el centro de la clase sino que la clase gire alrededor de los temas expuestos en la película. Además representan una estructura que tiene elementos básicos y sobre los cuales los estudiantes pueden organizar sus actividades. En consecuencia, las representaciones fílmicas dan cuenta de un espacio y un tiempo, de unos personajes y de unos rasgos propios de la cultura que exponen. Así, Celia Carracedo dice que “...el cine nos brinda la posibilidad de poner a prueba nuestras habilidades orales, especialmente las de comprensión, nos da un contexto de uso de vocabulario y nos hace de puente entre el aprendizaje de la lengua y la cultura que la representa (p.231)”.

El cine brinda una visión del mundo que ayuda al alumno comprender parte de la cultura en la que se enmarca la película tales como las costumbres, situación histórica, política y social, expresiones propias de cada región, entre otras.

Lógicamente surge la cuestión de cómo trabajar con el material elegido. Para ilustrar nuestro tesis de la eficacia del uso de películas en el aula presentamos dos tipos diferentes de series: uno es documental dedicado a las costumbres españolas, su historia y carácter nacional; el otro es didáctico, es una historia de un chico americano que viene a España a aprender el castellano. A continuación ofrecemos métodos de explorar estas dos películas.

Una de ellas es la película es “Español extra”, contiene 14 episodios y abarca materiales didácticos para los niveles A1-A2, incluyendo situaciones de la vida cotidiana de los jóvenes: escribir mensajes y cartas vía Internet, ir de compras, ir al restaurante, conocer a otras personas/ ligar, buscar trabajo, preparar la comida, viajar, organizar la boda entre otras. Antes de la visualización de cada episodio les damos a los alumnos el comentario del léxico nuevo, que aparecerá en el episodio. En seguida después de la visualización ofrecemos un test para comprobar la comprensión. El test contiene 5 puntos y 3 variantes de respuestas, entre las cuales los alumnos elegirán la correcta. Luego va la segunda visualización y preguntas para desarrollar el contenido y practicar la gramática. Entre las actividades de postvisualización están los juegos léxicos (sopa de letras o crucigramas, dar definiciones de algunas palabras), imitación, interacción y mediación, y un poco de teatro: componer diálogos entre los personajes, haciendo de alguno de ellos, y otras. Las actividades para la expresión escrita son redactar una carta de un personaje a otro, dar su opinión en cuanto a uno de los temas ofrecidos. Como nuestro sistema de aprendizaje de lenguas extranjeras supone traducción, entre las actividades

escritas están ejercicios de traducción del ruso al español, que deben hacer los alumnos utilizando el léxico nuevo de la película.

La ortal película tiene carácter sociocultural. Una de las realidades culturales de España es la fiesta de San Fermín que se celebra en Pamplona (Navarra) en julio. Con motivo de esta fiesta las autoridades de la ciudad en colaboración con un periódico local filmaron el documental sobre la fiesta “¡Viva San Fermín: nuestra fiesta!” (niveles A2- B1). Es muy importante que los estudiantes que aprenden el idioma y tienen clases de lectura de casa y de audición en las aulas de multimedia no sólo lean y hagan presentaciones de las realidades de la vida de los países del idioma estudiado sino también vean como se celebran unas u otras fiestas. Para alcanzar tal objetivo proponemos trabajar con dicho documental. Lo importante es definir los objetivos de la visualización, tener claro para qué lo hacemos. Este objetivo nos concederá la pauta de las actividades previas y de las de posvisualización.

La película está dividida en 10 partes lo que facilita el trabajo. Cada parte tiene su tema central y es bastante corta. Los estudiantes no van a cansarse y perder el hilo viendo y escuchando el fragmento. La visualización tiene por objetivo:

- desarrollar las destrezas de comprensión y presentar la situación a partir de datos, descripciones;
- desarrollar las destrezas orales haciendo preguntas y respondiendo a estas;
- trabajar las destrezas orales para presentar una fiesta y hablar dando opinión acerca de las tradiciones (adjetivos calificativos).

Los contenidos de este documental son múltiples: comunicativos (dar información, describir personas y ambientes, dar opiniones, expresar gustos y preferencias); gramaticales (ir + gerundio, género y número de sustantivos y adjetivos, perífrasis con infinitivo, Modo Subjuntivo); culturales (España, Navarra, la corrida de toros, el encierro, los Gigantes). Se les ofrecen a los estudiantes actividades de previsualización: realizar una tormenta de ideas con el título: “Las fiestas de España: rasgos comunes”; describir cómo se imaginan los estudiantes una fiesta popular; en el mapa de España mostrar Navarra y Pamplona. Durante la visualización los estudiantes realizan una comprensión global de lo que visualizan, toman notas de lo que no comprendan, apuntan los adjetivos y los nombres de las calles y lugares de la ciudad. Las actividades de posvisualización tienen por objetivo generalizar la información obtenida y aplicar conocimientos para hacer las tareas como: mostrar en un mapa de la ciudad el recorrido, contestar a las preguntas (trabajo individual, en parejas, en equipo), buscar antónimos y sinónimos de los adjetivos apuntados, deducir el significado de la construcción “ir + gerundio”, dar su opinión respecto a lo visto en la película. Además de las actividades orales la exploración de la película supone actividad de expresión escrita: hacer una presentación/ informe o ensayo sobre una fiesta nacional de su país de origen.

Los ejemplos de los vídeos expuestos sirven para ilustrar las técnicas y la metodología de cómo los profesores de ELE podrían utilizar todo tipo de películas, videos, anuncios o telediarios en sus aulas. El uso del material audiovisual en la clase de ELE supone una oportunidad excelente para presentar situaciones reales de lengua, lo que lo convierte en un método ideal para transmitir la lengua en un contexto sociocultural real. Usamos las nuevas tecnologías para dar a nuestras clases mayor interés y alcanzar una participación activa de los alumnos.

Literatura

1. Carracedo Manzanera, Celia. (2009). Diez ideas para aplicar el cine en el aula [En línea]. Disponible en: URL: [http // cvc.cervantes.es/ensenanza/biblioteca_ele/publicaciones_centros/pdf/manila_2009/16_aplicaciones_03.pdf](http://cvc.cervantes.es/ensenanza/biblioteca_ele/publicaciones_centros/pdf/manila_2009/16_aplicaciones_03.pdf)
2. Edinson Almeida Calderón, John. Yiseth Fuentes Bayona, Adriana. (2011). El uso de materiales audiovisuales en la clase de Español co Lengua Extranjera: Implementación de una propuesta didáctica. Docencia Universitaria, Volumen 12, pág. 81–132, diciembre de 2011.
3. Нарышкина Е.А. Проблемы использования наглядности на уроках иностранного языка // Педагогика – Вестник Московского государственного областного университета № 3, 2009. С. 139–142. [Электронный ресурс]. URL: <http://book-lib.ru/book/108-pedagogika-vestnik-moskovskogo-gosudarstvennogo-oblastnogo-universiteta-3/1-soderzhanie.html>
4. Ministerio de Educación, Cultura y Deporte; Instituto Cervantes (2002): Marco Común Europeo de Referencia para las lenguas. URL: <http://cvc.cervantes.es/>
5. Geni Alonso, Más allá de la competencia comunicativa. 03/02/2015. URL: <http://formacionele.com>

Раздел III. Научные обзоры, рецензии

Е.В. Астахова, Е.В. Крюкова

Основы политологии по-испански: учебный курс по языку профессии для политологов и международников

Статья представляет новый учебник по языку профессии, подготовленный на кафедре испанского языка: «Основы политологии по-испански. Учебный курс по языку профессии для политологов и международников» (El ABC de las Ciencias Políticas en español). Уровни B2—C1. Авторы — доцент, к.и.н. Е.В. Астахова и доцент, к.пол.н. Е.В. Крюкова. В учебнике представлены основные политические категории на основе профессионально ориентированных текстов и многочисленные речевые упражнения.

Ключевые слова: испанский язык, язык профессии, политология, международные отношения.

E. Astakhova, E. Kriukova

ABC OF POLITICAL SCIENCE IN SPANISH: TRAINING COURSE ON SPANISH FOR POLITICAL SCIENCE AND INTERNATIONAL RELATIONS

The article presents a new book on the language profession, prepared at the Department of Spanish language of the MGIMO: «ABC of Political Science in Spanish. Training course on the language profession for political scientists and international relations» (B2-C1) prepared by Phd. Elena Astakhova y Phd. Elena Krukova. The course presents the main political categories based on professionally oriented texts, comments and numerous lexical and speech exercises.

Key words: Spanish language, Spanish for professional use, Political Science, International Relations

Представляем новый учебник, подготовленный на кафедре испанского языка: «Основы политологии по-испански. Учебный курс по языку профессии для политологов и международников» (El ABC de las Ciencias Políticas en español). Уровни B2—C1. Авторы — доцент, к.и.н. Е.В. Астахова и доцент, к.пол.н. Е.В. Крюкова.

Как известно, политология в качестве учебной дисциплины получает все большее признание. Развитие мировых политических процессов глобализации, интеграции, информационных технологий, расширение международного сотрудничества на разных уровнях, решение конфликтов, вопросы войны и мира, ведение переговоров требуют широких знаний: теоретических и практических, и, безусловно, языковых. Только профессиональное коммуникационное взаимодействие позволит обеспечить задачи политического дискурса, который становится все более востребованным.

Не вызывает сомнений необходимость более глубокого изучения специальной терминологии, связанной с политической наукой и общественными явлениями, то есть той лексики, которая изучается по направлению «политология» — Ciencias Políticas и образует мегаконцептосферу «политика».

Страны испанского языка образуют внушительную группу государств, играющих собственную, особую роль на международной арене. Они активно участвуют во всех политических событиях и социальных процессах, стараются проявлять самостоятельность в принятии решений, отстаивать национальные традиции и интересы, формировать

собственные интеграционные политические и экономические механизмы. Можно сказать, что эти страны нередко рассматриваются в качестве отдельного актора в международных отношениях, и испанский язык, несмотря на все различия каждого из национальных сообществ, выступает в качестве объединяющей основы их взаимодействия.

Учебник ставит целью представить развернутый глоссарий наиболее востребованных определений политических понятий с целью их изучения студентами-политологами и международниками, связывающими свою профессиональную деятельность с испанским языком. Курс составлен в виде словаря 20 категорий, расположенных в алфавитном порядке, которые отобраны по значимости и созвучности современным реалиям с учетом исторического звучания для ибероамериканских стран. Например: политика, демократия, либерализм, глобализация, национализм, политическая власть, гражданское общество, цивилизация, элиты, и т.д.

Учебный курс рассчитан для занятий по языку профессии со студентами факультетов политологии и международных отношений, изучающими испанский язык (как в качестве первого, так и второго) на 3, 4 курсах бакалавриата и в магистратуре. Книга может быть использована также в группах испанского языка на факультетах международной журналистики, международного права, поскольку содержит необходимую политическую лексику.

В структуру каждого раздела входит: словарная статья, краткие биографические сведения о выдающихся политиках и ученых-политологах (эти сведения привязаны к содержанию «словарной статьи», например статья — Цивилизация, имена — Тойнби, Хантингтон), комментарии, упражнения для развития и совершенствования профессиональных компетенций и закрепления полученных знаний. В книге 20 словарных статей — разделов. Разделы отличаются по объему, и это сделано авторами намеренно, поскольку одни политические категории, в силу значимости и частотности использования, требуют большего освещения и практического закрепления в упражнениях.

В базовых текстах и биографических комментариях выделены обязательные для усвоения и повторения словосочетания; эта лексика отобрана с учетом уровня знаний студентов (B2—C1) и содержит как политические понятия, так и общеупотребимые выражения. Базовые тексты представляют интерес не только для студентов, но и для аспирантов и преподавателей, поскольку содержат полезную информацию об основных категориях политики.

Особый интерес заслуживают авторские комментарии, где раскрываются отдельные фразеологические, политические и событийные понятия. Например, рассматриваются происхождение и употребление термина консервативный, объясняется разница концептов нация и национальность, анализируются широко используемые в современной политической лексике фразеологизмы «эффект бабочки», «эффект домино», «глобальная деревня», «политика сдержек и противовесов», «государство ночной сторож» и т.д.

Упражнения направлены на расширение и активное освоение лексических единиц, в частности на их сочетаемость, употребление синонимов, антонимов, фразеологизмов. Одной из главных задач упражнений является, по мысли авторов, создание ситуаций общения, что позволяет совершенствовать коммуникативные компетенции, развивать навыки и умение излагать мысли, вести дискуссию, отстаивать свое мнение. В упражнениях предлагается размышлять на такие темы, как харизма, лидерство, политическая корректность, государство благосостояния, патриотизм, консумизм, коррупция и др.

В конце каждого раздела предусмотрено составление эссе и комментариев. Приводятся цитаты и афоризмы классических и современных политических деятелей и философов, привязанные к теме, что позволяют полнее раскрыть положения предложенного материала и расширить общую эрудицию.

Учебный курс завершают итоговые упражнения для проверки полученных знаний, в которых предлагается ответить на вопросы, раскрыть значения аббревиатур, прокомментировать известные высказывания о политике, написать эссе и т.п. Также в итоговых упражнениях представлены тексты, разбитые на отдельные абзацы, которые студент должен расположить в логическом порядке, то же самое предлагается проделать с текстами, построенными в

форме интервью. Задачей этого вида упражнения служит проверка понимания текста.

В учебнике есть отдельные вспомогательные приложения. Отдельное приложение посвящено иностранным словам, получившим широкое употребление в испаноязычной (как, впрочем, и в русской) политологии, прежде всего латинизмам и англицизмам.

Представлены названия и аббревиатуры международных и региональных организаций, участников мировых политических процессов и институтов, а также список «основных вызовов современности». Последнее приложение мы посчитали необходимым включить в книгу, поскольку эти понятия, как показывает лексикографическая практика, чрезвычайно частотны в употреблении, хотя, разумеется, меняется порядок их первоочередности в зависимости от конкретной мировой ситуации.

В специальном приложении приводится список вводных слов, необходимых для построения на испанском языке презентаций, аннотаций и рефератов, а также написания эссе. Книга сопровождается списком терминов и персоналий, библиографическим списком, включающим издания и сайты, которые послужили основой для работы.

Цель учебного курса — совершенствовать у студентов и магистрантов компетенции, интеллектуальные умения и профессиональные навыки, необходимые для адекватной коммуникации в профессиональной среде — политология и мировая политика. Основные задачи — расширение профессиональной лексики и дальнейшее развитие речевых навыков.

При работе с книгой рекомендуется осуществлять следующее:

- чтение, анализ и обсуждение базового текста с учетом личной точки зрения и собственного отношения к проблеме;
- анализ информации, представленной в комментариях (N.B.);
- закрепление слов и выражений, выделенных в базовом и дополнительных текстах, которые представляют активный словарь;
- выполнение упражнений на сочетаемость слов и их производных, усвоение синонимов и антонимов;
- объяснение в контексте идиоматических выражений и фразеологизмов;
- обсуждение профессиональных тем в виде презентаций, дебатов, ролевых игр, работы с коллегами по группе;
- анализ известных афоризмов и изречений политических деятелей и политологов в привязке к современности;
- написание эссе на темы, имеющие отношение к профессиональным компетенциям;
- знакомство с материалами из приложений и их обсуждение с учетом конкретных примеров;
- выполнение итоговых контрольных упражнений для проверки полученных знаний.

Предполагается, что на данном этапе обучения студенты самостоятельно работают со словарем, поэтому тексты не сопровождаются списками слов с переводом на русский язык. Подчеркнем: желательно осуществлять проверку лексики путем перекрестных упражнений, с помощью вопросов или других видов заданий, предлагаемых преподавателем.

Для рейтинговой проверки знаний студенты выполняют задания из раздела *Actividades de comprobar el aprendizaje* (контрольные упражнения). Особое внимание обращаем на упражнения по проверке понимания текстов на профессиональную тему, вольно разбитых на параграфы. После логического выстраивания текста студенту предлагается выполнить реферирование этого материала.

Словарные статьи в книге представлены в алфавитном порядке, но начинать изучение можно с любого раздела, переходя от одной темы к другой, на выбор преподавателя и студентов.

По окончании курса студенты, будущие политологи и международники, должны уметь вести активное диалогическое общение в официальной и неофициальной обстановке, обладать способностью убеждать собеседника и отстаивать свою позицию, достигать компромисса. Монологическое общение предполагает умение выступать перед аудиторией с докладом, сообщением. В профессиональную компетенцию будущих политологов и международников входит также умение участвовать в дискуссии.

Поскольку многие задания в этом курсе требуют написания эссе, то напоминаем, что представляет собой этот жанр. Эссе — это свободное рассуждение на предложенную тему. Создатель этого литературного жанра французский философ, писатель и политик Мишель де Монтень (1533–1592) считал, что «эссе — не способ сочинительства, это стиль жизни, отношения к жизни, когда главное в ней составляет это восхитительное, опасное, безрассудное чувство абсолютной свободы».

Тема эссе должна содержать тезис или утверждение, с которым пишущий выражает свое согласие или несогласие, обосновывая личную точку зрения. Эссе строится на анализе, рассуждениях и аргументах, к которым прибегает автор, чтобы убедить предполагаемого собеседника.

Основной стилистической особенностью эссе является четкость и ясность изложения, а поскольку этот жанр носит субъективный характер, допускаются эмоциональные оценки и оттенки.

Эссе имеет свободную структуру. Объем варьируется от одного абзаца до нескольких страниц. Обычно рекомендуется объем не менее 2 500 знаков (300–350 слов), что позволит студенту в должной мере раскрыть тему, а преподавателю — оценить его лексико-грамматические знания, способность к логическому размышлению и знание темы. Требование написать так называемое мини-эссе объемом в 50–70 слов обязывает учащегося четко и с использованием емких лексических средств осветить предложенный тезис.

Представляем критерии оценки эссе:

50 % из 100 % отводятся на лексико-грамматический аспект, 50 % — на тему, объем структуру и стиль.

За грамматическую или лексическую ошибку вычитается 2 %, за стилистическую ошибку — 1 %, за предлог/артикл — 0,5 %.

Из следующих 50 % — 20 % вычитается за нераскрытую тему, 10 % — за нарушение структуры, 10 % — за недостаточный уровень сложности языка, 10 % — за недостаточный объем.

Тексты учебника предлагается использовать для выработки умения грамотно составлять аннотации. Аннотация — краткая характеристика документа с точки зрения содержания, назначения и формы. Точность и конкретность, отсутствие многословия — критерии, которые определяют стилистику текста аннотации. При составлении аннотации следует строго оценивать значение и необходимость каждой фразы, тщательно отбирать слова. В аннотацию включаются: а) данные об авторе, указание страны, к которой принадлежит автор; б) форма аннотируемого произведения (статья, справочник, очерк и т.д.); в) характеристика содержания; г) читательский адрес (для кого предназначена статья). Когда речь идет о небольшой статье, тексте из учебника, можно опустить вышеназванные пункты и ограничиться характеристикой содержания.

Характеристика содержания должна нести только информационную нагрузку, это представляет особую сложность, так как само содержание статьи или очерка обычно многозначно. Необходимо четкое выделение предмета изложения. В характеристику содержания входят отличительные черты и особенности подачи материала. Это может выражаться в постановке проблемы, в решении частного вопроса, в новой оценке фактов, в обобщении данных, в новой концепции, выдвигаемой в статье (книге), в некоторых рекомендациях практического характера, включенных в издание. Таким образом, нужно выделить те моменты содержания, которые несут существенную новую информацию и дают возможность составить мнение о статье или книге.

При составлении аннотации следует избегать использования шаблонных словосочетаний, ничего не добавляющих к сведениям, содержащимся в аннотации. Рекомендуется не повторять заглавие статьи, а непосредственно переходить к ее теме. Советуем разбивать сложные предложения, поскольку сложные синтаксические построения не способствуют правильному восприятию текста. Средний размер общей аннотации — 30–40 слов, описательная аннотация может содержать до 10 предложений (до 100 слов).

Одним из необходимых навыков будущих политологов и международных является

умение анализировать и комментировать информацию и документы, то есть готовить аналитический обзор или реферировать текст. Ряд материалов данного учебного курса требует выполнение таких задач.

В отличие от аннотации в задачу реферирования (аналитического обзора, аналитического комментария) входит краткое изложение содержания с основными фактическими сведениями и выводами. Главное требование, предъявляемое к реферированию статьи: вся информация должна быть представлена в сжатом и систематизированном виде. В начале аналитического обзора, если это требуется, следует поместить ключевые слова — элементы информационно-поискового языка. Для этого из текста реферируемого материала выбирают от 5 до 15 слов или словосочетаний, наиболее точно передающих содержание документа. Ключевые слова записывают в именительном падеже прописными буквами в строку через запятые.

Аналитический обзор должен быть лаконичным и точным.

Объем аналитического обзора определяется содержанием текста, количеством сведений, их ценностью или практическим значением. Тем не менее существуют общие рекомендации по их объему. Средний объем составляет (в печатных знаках): 500 — для заметок и кратких сообщений; 1 000 — для большинства статей; 2 500 — для документов большого объема. При необходимости объем аналитического обзора может быть увеличен.

Учебник «Основы политологии по-испански» был представлен в Университете Комплутенсе (Мадрид) на кафедрах факультета политологии, на факультете философии и филологии и в Центре изучения испанского языка как иностранного и получил высокую оценку как современный многоплановый учебный курс по языку профессии. Надеемся, что этот новый курс по языку профессии будет полезным для всех, кто связал свою профессиональную деятельность с испанским языком.

Н.В. Зененко

**Рецензия на монографию М.В. Ларионовой
«Испанский газетно-публицистический дискурс:
искусство информации или мастерство манипуляции?»
(Москва: изд-во МГИМО-Университет, серия «Научная школа МГИМО», 2015 г.)**

Рецензируемая монография «Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции?» (автор М.В. Ларионова, кандидат филологических наук, доцент ВАК, профессор кафедры испанского языка МГИМО МИД России) представляет собой новаторское исследование, которое направлено на развитие важнейшей, на наш взгляд, профессиональной лингвокультурной компетенции испаниста-международника, ориентированного на работу в испаноязычной среде: умения внимательно читать и анализировать газетно-публицистические материалы, осознанно относиться к печатному слову, не поддаваясь навязываемым оценкам и не позволяя манипулировать собственным мнением. Ранее в отечественной испанистике не предпринималось попыток системно и разносторонне рассмотреть испанский газетно-публицистический дискурс в аспекте управляющих возможностей языка, раскрыть когнитивно-языковые механизмы манипуляции. Этим определяется научная новизна проведенного исследования.

Невозможно представить современное общество без развитых высоко технологичных информационных сетей. СМИ — в первую очередь пресса, телевидение, радио, Интернет — превратили информацию в одну из основных социальных ценностей, повысив

интенсивность ее распространения и существенно изменив информационное пространство, одновременно значительно усилив его воздействие на индивидуальное и коллективное сознание. СМИ обладают способностью формировать общественное мнение, заставляя мыслить в заданном направлении. При этом следует учитывать тот факт, что в глобальном информационном пространстве испанскому языку, обеспечивающему эффективное опосредованное взаимодействие людей, принадлежит четвертое место. Поэтому основная задача, которую ставит перед собой автор монографии, заключается в том, чтобы научить уже владеющих испанским языком студентов, магистрантов и аспирантов МГИМО свободно ориентироваться в информационно-языковом пространстве испанских СМИ, сформировать необходимые компетенции, позволяющие им не становиться объектом манипулятивного воздействия. Этим определяется актуальность предлагаемого исследования, связанная с необходимостью привлечь внимание к проблеме манипулирования сознанием с помощью собственно языковых ресурсов в медийной среде, восполнить, уточнить целый ряд вопросов функционирования явных и скрытых дискурсивных механизмов воздействия на получателей информации.

Теоретическая значимость исследования связана с вкладом, который вносит автор рецензируемой монографии в разработку дискурсивной концепции испанской газетно-публицистической коммуникативной практики с точки зрения управляющих возможностей языка.

Структура монографии подчинена основным задачам, которые ставит перед собой автор исследования. В I главе рассматриваются теоретические вопросы, связанные с определением научных понятий «дискурс», «газетно-публицистический дискурс» и «политический дискурс», а также исследуется концепция современного испанского газетно-публицистического дискурса, понимаемого как особая социально детерминированная коммуникативная практика. Отдельное внимание автор уделяет явлению манипуляции в аспекте лингвистики. II глава представляет собой глубокое и разностороннее исследование прагмалингвистических ресурсов, определяющих функционирование испанского языка в информационном пространстве. В ней подробно изучаются когнитивно-языковые механизмы манипуляции, прагматический потенциал испанского газетно-публицистического дискурса, рассматриваются языковые стратегии, способствующие реализации управляющих возможностей языка. III глава посвящена анализу наиболее распространенных ошибок, встречающихся в прессе и связанных с нарушением традиционных грамматических, синтаксических, культурологических и коммуникативных норм, которые неизбежно снижают эффективность процесса коммуникации и усиливают манипулятивное воздействие.

Проведенные автором исследования способствуют выявлению типологических характеристик испанского газетно-публицистического дискурса, который функционирует как способ и одновременно средство концептуализации окружающей действительности. При этом интенциональные установки и мнения коммуникантов, их языковое сознание выступают как особый механизм, с помощью которого концептуализируется, интерпретируется, моделируется и транслируется реальность в дискурсивном пространстве. Автор убедительно доказывает, что дискурсивный механизм манипуляции имеет лингвокогнитивную природу и реализуется через использование определенных языковых стратегий и тактик.

Весьма ценными являются включенные в монографию необходимые практические рекомендации. Они направлены на то, чтобы помочь испанцам-международникам правильно понимать концептуально-интерпретационный потенциал сообщения, учитывать языковые и внеязыковые ресурсы, способствующие достижению наибольшей дискурсивной эффективности медийных материалов, а также снизить степень уязвимости перед воздействием манипулятивных механизмов, актуализирующих управляющие возможности языка.

Представляют большой интерес газетно-публицистические материалы, на которые автор опирается в своем исследовании. Они даются в приложении. Богатый библиографический

список отражает глубокий всесторонний подход автора монографии к изучаемой проблематике.

Представленный в рецензируемой монографии материал ориентирован на профильные дисциплины, входящие в круг профессиональных компетенций будущих испанистов-международников. Проведенное М.В. Ларионовой исследование способствует выявлению основных прагматингвистических стратегий, используемых в медийном пространстве с целью манипуляции общественным мнением, сознанием и поведением; определению типологических и функциональных особенностей испанского газетно-политического дискурса; разработке необходимых методических рекомендаций для испанистов-международников, а также переводчиков и преподавателей языка профессии и перевода.

Практическая значимость рецензируемой монографии, на наш взгляд, определяется тем, что результаты исследования могут использоваться как на занятиях по теории и практике языка в магистратуре и аспирантуре, так и на старших курсах бакалавриата, на уроках по испанскому языку как языку профессии, а также способствовать тому, чтобы систематизировать и донести до обучающихся комплексные знания языковых явлений и фактов в их динамической взаимосвязи с психологическими, ценностными и национально-культурными особенностями, научить их целостному восприятию в том виде, в котором они предстают в современном информационном пространстве, что особенно важно в условиях возрастания объема информации. Идеи, положения и выводы исследования могут быть использованы при написании учебников, учебных пособий по испанскому языку, его различным дискурсивным практикам.

Книга М.В. Ларионовой обобщает многолетний опыт автора в преподавании испанского языка и изучении специфики его функционирования в медийном пространстве. Содержащийся в нем теоретический и практический материал, ориентированный на испанистов-международников, а также всех тех, кто работает в интернациональной среде, необходим как для адекватного восприятия языковой и прагматингвистической составляющей информационно-языкового пространства, так и для правильного построения собственной реакции с учётом национально-психологических и культурных особенностей испаноговорящего социума.

Монография профессора М.В. Ларионовой представляет собой своевременное, новаторское исследование, написанное прекрасным языком, которое с большим интересом прочтут студенты, магистранты, аспиранты, преподаватели и исследователи, а также широкий круг испанистов, интересующихся актуальными вопросами языка и культуры.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- *Астахов Евгений Михайлович*, профессор кафедры дипломатии МГИМО МИД России, кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный посол РФ.
- *Астахова Елена Васильевна*, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России, доцент ВАК, кандидат исторических наук.
- *Бочарова Анна Владимировна*, адъюнкт факультета иностранных языков Военного университета МО РФ.
- *Буйнова Кристина Романовна*, преподаватель кафедры испанского языка МГИМО МИД России, кандидат исторических наук.
- *Верещинская Юлия Валентиновна*, старший преподаватель кафедры испанского языка МГИМО МИД России, кандидат филологических наук.
- *Галстян Сона Артуровна*, преподаватель кафедры романских языков Военного университета МО РФ.
- *Гарсия Антуња Мария*, Международный Университетский Центр по изучению испанского языка (CIESE – Comillas) при Университете Кантабрии (España), исследовательская группа “Semaínein”, доктор филологических наук.
García Antuña, María, CIESE-Fundación Comillas, Centro adscrito a la Universidad de Cantabria, Grupo de Investigación “Semaínein”, doctora en Lingüística.
- *Гусева Ирина Валерьевна*, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России, кандидат филологических наук.
- *Зененко Наталья Викторовна*, профессор кафедры романских языков Военного университета МО РФ, доктор филологических наук.
- *Зененко Мария Андреевна*, доцент кафедры португальского языка МГЛУ, кандидат филологических наук.
- *Королева Алина Алексеевна*, аспирант кафедры социологии МГИМО, и.о. зав. отделом инновационных проектов Государственного геологического музея им. В.И. Вернадского РАН.
- *Калинин Леонид Александрович*, магистрант МГИМО МИД России по направлению «Внешняя политика и дипломатия России» МГИМО МИД России.
- *Крюкова Елена Владимировна*, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России, кандидат политических наук.
- *Кудрявцева Ирина Юрьевна*, старший преподаватель кафедры испанского языка МГИМО МИД России.
- *Мурашкина Ольга*, доцент кафедры лингводидактики и межкультурных коммуникаций факультета «Иностранные языки» МГППУ, кандидат филологических наук.
- *Орлов Александр Арсеньевич*, профессор кафедры ЮНЕСКО, директор Института международных исследований МГИМО МИД России, кандидат исторических наук.

- *Паленсуэла Перес Мария дель Мар*, Университет г. Альмерии, (Испания), доктор английской филологии.
Palenzuela Pérez María del Mar, Universidad de Almería (España), doctora en la Filología Inglesa.
- *Рылова Анна Николаевна*, магистрант МГИМО МИД России.
- *Савчук Елена Александровна*, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России, кандидат педагогических наук.
- *Сливчикова Юлия Владимировна*, аспирант кафедры испанского языка МГИМО МИД России.
- *Урсул Кристина Витальевна*, преподаватель кафедры романских языков Военного университета МО РФ.
- *Чернявский Станислав Иванович*, директор Центра постсоветских исследований МГИМО МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, профессор кафедры мировых политических процессов, доктор исторических наук.
- *Яковлева Виктория Валентиновна*, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России, кандидат филологических наук.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

1. В структуру статьи должны входить: название статьи, полностью Ф.И.О. автора, его ученые титулы, e-mail автора, аннотация статьи, ключевые слова.

Все эти данные следуют сначала на русском, затем на английском языках, далее текст собственно статьи на русском языке.

2. Автору статьи рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

введение (краткое), цель исследования, материалы и методы исследования, изложение результатов исследования, выводы или заключение, список литературы.

Статья должна содержать результаты самостоятельных исследований автора и обладать научной новизной.

3. В отдельном файле следует указать сведения об авторе на русском и английском языках: Фамилия, Имя, Отчество, место работы (без сокращений) или учебы, должность, ученая степень и ученое звание, e-mail и телефон для связи.

К публикации принимаются научные статьи объемом не менее 6 страниц и не более 25 страниц (страница – 2 500 знаков, включая пробелы).

4. Статья оформляется в любом текстовом редакторе.

Шрифт – Times New Roman размером 14; междустрочный интервал – 1,5; редактор формул – Microsoft Offi.

Рисунки, графики и таблицы – черно-белые, допустима штриховка. Рисунки, использованные в статье, желательно прилагать в виде отдельных файлов в формате *.jpg или *.tif с разрешением не менее 300 dpi для оригинального размера в печатном издании.

Таблицы – набираются тем же шрифтом, что и основной текст. Столбец «№ п/п» выравнивается по центру, остальные столбцы и строки – по центру или по левому краю. Столбцы и строки, которые содержат в себе цифры, выравниваются по центру.

Все таблицы: – должны иметь наименование и ссылки в тексте; – наименование должно отражать их содержание, быть точным, кратким, размещенным над таблицей; – следует располагать непосредственно после абзаца, в котором МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ 125 она упоминается впервые. Таблицу с большим количеством строк допускается переносить на другую страницу.

Рисунки, использованные в статье, желательно прилагать в виде отдельных файлов в формате *.jpg или *.tif с разрешением не менее 300 dpi для оригинального размера в печатном издании.

Все рисунки, графики и таблицы (каждый из них) должны иметь сплошную нумерацию по всему тексту.

5. В журнале используются только затекстовые ссылки!

При нумерации затекстовых библиографических ссылок в списке Литературы/перечне используется сплошная нумерация для всей статьи в порядке упоминания (ГОСТ Р 7.0.5-2008).

В тексте документа отсылка к Литературе/перечню должна содержать порядковый номер, присвоенный ей в перечне затекстовых ссылок. Если в отсылке указывается несколько номеров затекстовых ссылок, то числа в отсылке разделяются точкой с запятой и пробелом: [7], [3; 5].

Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, цитату, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой.

Пример: [10] или [10, с. 81].

Ссылки на электронные ресурсы включаются в общий массив ссылок (Литература/перечень), поэтому следует указывать обозначение материалов для электронных ресурсов – [Электронный ресурс].

Электронный адрес и дату обращения к документу приводят всегда. Дата обращения к документу – та дата, когда человек, составляющий ссылку, данный документ открывал, и этот документ был доступен.

Пример:

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. — М.: Худож. лит., 1990. 543 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.philosophy.ru/library/bahtin/rable.html#_ftn1 (Дата обращения: 05.10.2008).

6. Аннотация объемом 200—400 печатных знаков должна содержать характеристику основной темы исследования. Аннотация должна быть на русском и английском языках. После аннотации следуют ключевые слова (5—10 слов) также на двух языках.

7. Материалы авторов, не имеющих ученой степени, направляемые в редакцию, должны иметь отзыв-рекомендацию научного руководителя или кандидата наук по тематике журнала. Авторы, имеющие ученую степень, не предоставляют отзывы. Если автор не может предоставить отзыв-рекомендацию, по согласованию с редакцией статья может рецензироваться редакцией. Невзирая на наличие отзыва, статьи всех авторов редакция может направить на рецензирование рецензентам журнала.

8. Электронный вариант статьи и сканированный отзыв-рекомендация (в графическом формате JPG, BMP, TIFF) предоставляется по электронной почте larionova.m@list.ru. Оригиналы запрашиваются редакцией при необходимости.

Отправление статьи в адрес редакции означает согласие автора на передачу прав на статью в случае ее публикации.

9. Статьи, направленные в редакцию без выполнения требований настоящих условий публикации, не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право отбора статей. Статья может быть отправлена автору на доработку или отклонена как по формальным, так и по научным критериям. Присланные рукописи обратно не возвращаются.

Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях.

*Правила оформления статей являются обязательными
для авторов, желающих опубликовать свои материалы
в «Ибероамериканских тетрадах».*

Учредитель
Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации».
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77–57728 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 119454, г. Москва,
проспект Вернадского, д. 76, комн. 4184.
Тел./факс: 8(495) 434–20–44.
Адрес электронной почты: ktsmi@mgimo.ru
Подписано в печать ...05.2015
Формат 60×84 1/16. Гарнитура
Бумага офсетная № 1. Усл.-печ. л.
Тираж 500. Заказ №
Издательство «МГИМО-Университет»
119454, Москва, просп. Вернадского, 76.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО (У) МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76

